

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ответственные редакторы
доктор философских наук Ю. В. Попков,
И. С. Тарбастаева

НОВОСИБИРСК
2017

УДК 34.0:39
ББК 60.027.7
К606

Утверждено к печати Ученым советом ИФПР СО РАН

Рецензенты:
доктор философских наук *В. В. Мархинин*
кандидат философских наук *В. Г. Костюк*

К606 **Коллективные** права этнических сообществ: проблемы теории и практики: Сб. науч. трудов / отв. ред. Ю. В. Попков, И. С. Тарбастаева; ИФПР СО РАН. – Новосибирск: Изд-во «Манускрипт», 2017. – 196 с.

ISBN 978-5-93240-286-3

В сборнике представлены работы, посвященные вопросам коллективных прав этнических сообществ как важного условия решения глобально и локально значимой проблемы – сохранения этнокультурного разнообразия. Особое внимание уделяется теоретико-методологическим проблемам исследования коллективных прав, правосубъектности этнических сообществ, а также обобщению практического опыта реализации коллективных прав коренных народов, в том числе малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока.

Книга адресована правоведам, философам, этносоциологам, культурологам, этнографам, специалистам в сфере управления.

Издается в авторской редакции

ISBN 978-5-93240-286-3

© ИФПР СО РАН, 2017
© Авторы статей, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность проблемы коллективных прав этнических сообществ определяется возросшей озабоченностью мировой общественности и представительных органов необходимостью сохранения культурного (в том числе этнокультурного) разнообразия. На глобальном уровне об этом свидетельствует, в частности, принятие ЮНЕСКО Всеобщей декларации о культурном многообразии (2001), на государственном – целевая установка на сохранение этнокультурного разнообразия, провозглашенная в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Если само культурное разнообразие не сводить к отдельным проявлениям материальной и духовной культуры, а рассматривать его в неразрывной связи с «производителями» культуры, их образом жизни и традициями, то неизбежна интерпретация этих «производителей» как коллективного носителя того общественного продукта, в качестве которого выступает и сама культура, и тем более культурное разнообразие. Иначе говоря, применительно к культуре, в том числе этнокультуре, мы с уверенностью можем говорить о наличии коллективных субъектов, воспроизводящих тот уникальный субстрат, который затем проявляется в локальных взаимодействиях, конкретных людях.

Однако вопрос о коллективном субъекте права применительно к культуре и соответственно к этническим сообществам вызывает много споров, особенно среди специалистов-правоведов. Точнее сказать, правоведы в своем абсолютном большинстве не видят в этом проблемы, так как в принципе отрицают существование коллективных прав на том основании, что в данной ситуации невозможно определить четкие границы конкретного субъекта права, а значит и правовой ответственности.

Как представляется, поиск возможностей разрешения обозначенной коллизии не может быть ограничен исключительно сферой права, а предполагает более широкий спектр подходов и конкретных экспликаций.

Задача настоящей публикации состоит, во-первых, в стремлении ее инициаторов привлечь внимание научного сообщества к анализу весьма актуальной, но слабо представленной в существующем дискурсе проблемы коллективных прав этнических сообществ, во-вторых, в обсуждении разных аспектов и разных точек зрения по существу обозначенной темы. В сборнике рассматриваются четыре основные группы вопросов: теоретико-методологические проблемы исследования коллективных прав, включая соотношение коллективных прав этнических общностей и индивидуальных прав человека; особенности правосубъектности этнических сообществ; коллективные права в историческом контексте; опыт и проблемы реализации коллективных прав этнических сообществ.

Хочется искренне поблагодарить всех, кто откликнулся на предложение принять участие в настоящей публикации. Особая благодарность И.С. Тарбастаевой, которая взяла на себя хлопотную работу по осуществлению связей с авторами и оформлению материалов сборника.

Ю. В. Попков

Раздел 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ

УДК 340.1

Тюгашев Евгений Александрович

канд. филос. наук, доцент кафедры теории
и истории государства и права, конституционного права
Института философии и права
Новосибирского национального исследовательского
государственного университета
г. Новосибирск, Россия
E-mail: filosof10@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Аннотация. В статье обосновывается возможность социальной философии права. В учебниках по социальной философии чаще рассматривается правовое сознание, чем само право. Это объясняется тем, что господствующий юридический позитивизм определяет право как установленное государством правило поведения, т.е. как регулятивное сознание. Но право – это отдельная, самостоятельная сфера общественной жизни, функционирующая и развивающаяся в системе правовых отношений людей, осуществляющих свою правовую деятельность и регулирующих её посредством правового сознания. Правовые отношения детерминированы политическими отношениями и развиваются во взаимообусловленности с нравственными отношениями.

Ключевые слова: права человека, коллективные права, индивидуальные права, либерализм.

Tyugashev Eugene A.,

Candidate of Philosophy, Associate professor,
Theory and History Law, Constitutional Law Department,
Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk
National Research State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: filosof10@yandex.ru

THE SOCIAL PHILOSOPHY OF LAW

Abstract. The article is devoted to understanding the concept of collective rights in social philosophy. Assuming human rights the central concept of liberal theory, the emergence of collective rights is seen as the transformation of the concept from classical to modern concepts of liberalism. The ambiguity of the concept of "collective rights" is underlined. It can be understood as the rights of the third generation, where special rights are singled out, or as the rights of individual groups (be they disabled or women, ethnic or religious minorities). An approach is also being considered that speaks of collective rights as solely a form of realization of rights and the individual character of all rights.

Keywords: human rights, collective rights, individual rights, liberalism.

В традиционном понимании социальная философия – это философия общества как отдельного объекта, т.е. частная философская дисциплина¹. К частным философским дисциплинам, изучающим отдельные объекты, относятся философия науки, философия истории, философия религии, философия права и другие области и разделы философии. В этих дисциплинах отдельные объекты исследуются на основе всеобщих категорий философии.

Обратившись к статьям в «Новой философской энциклопедии», посвященным различным областям философии, мы можем выделить инвариантные параметры описания отдельных объектов. При выделении данных параметров представляют интерес те всеобщие категории, которые при этом используются. Ниже предлагается перечень всеобщих категорий, в которых отображаются объекты отдельных философских дисциплин:

- смысл и закономерности процесса²;
- основания, место в системе, онтологический статус объектов, методы³;
- основания, единство, структурные характеристики, рост и развитие⁴;
- смысл и основания, система, цели, принципы и методы, кризис⁵;
- основания, границы и возможности, соотношение объективного и субъективного, закономерного и случайного, сущего и должного, рационального и иррационального⁶;
- явление и форма, мир и бытие объекта, сущность, сущностное единство во всех его реальных проявлениях⁷;
- сущность, истина и смысл, природа, процесс, функции⁸;
- природа, воздействия, место, реальность, феномен, идея и сущность, возникновение и этапы развития, изменения⁹;
- взаимосвязь, генезис, структура, функции, процесс, деятельность, дух, мир, активность¹⁰;
- сущность и природа, бытие и способ бытия, смысл существования¹¹.

¹ Наши представления о социальной философии как всеобщей рефлексии социальной деятельности изложены в публикации: Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. О предмете социальной философии (к продолжению дискуссии) // Личность. Культура. Общество, 2008. Т. 10, вып. 5–6.

² Панарин А. С. Философия истории // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 212.

³ Гутнер В. Б. Философия математики // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 216.

⁴ Касавин И. Т., Пружинин Б.И. Философия науки // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 218–220.

⁵ Огурцов А. П., Платонов В. В. Философия образования // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 218–220.

⁶ Панарин А. С. Философия политики // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 226.

⁷ Нерсисянц В. С. Философия права // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 227–230.

⁸ Гараджа В. И., Митрохин Л.Н. Философия религии // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 230–235.

⁹ Розин В. М. Философия техники // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 236.

¹⁰ Огурцов А. П. Философия языка // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 238–240.

¹¹ Малахов В. С. Философия антропология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 241–245.

Как мы видим, для описания предмета философских дисциплин используются различные категории – от бытия, идеи и духа до системы, закономерностей, принципов и методов. Выбор категорий определяется категориальной системой конкретного философского направления, развивающего исследования в определенной области философии.

Так, взгляд на право, с точки зрения диалектического материализма позволяет в нем усматривать явление и сущность, содержание и форму, структуру и элементы, отдельное и общее, целое и часть, действительность и возможность, цель и средство¹. Более абстрактный уровень отображения – на уровне онтологии – дает возможность фиксировать реальность и действительность права, его пространственно-временную репрезентацию, субъектно-объектный состав². На таком же абстрактно-общем уровне право отображается в аксиологии, гносеологии, телеологии и феноменологии права. Социальная философия также располагает конкретно-дисциплинарным категориальным комплексом, на основе которого может формироваться социально-философский образ права.

Но в поисках социально-философской модели права мы сталкиваемся с обескураживающим обстоятельством: в российских учебниках по социальной философии присутствуют разделы, посвященные отдельным подсистемам общественной жизни, но разделы о праве отсутствуют. При этом в этих учебниках могут присутствовать разделы о правосознании как самостоятельной форме общественного сознания³. Следовательно, в предмете отечественной социальной философии правосознание есть, а право отсутствует.

Указанное обстоятельство объясняется, по-видимому, тем, что право отождествляется с правосознанием. Так, в разделе «С. Право» автор одного из первых учебных изданий по историческому материализму голландский социал-демократ и коммунист Г. Гортер предлагал следующее определение: «Право есть общее воззрение общества на то, что может принадлежать мне, что тебе, что кому-нибудь третьему»⁴.

Понимание права как формы общественного сознания присутствует и в написанном Г.В. Глезерманом разделе «Право», содержащемся в учебнике по историческому материализму сталинского периода: «Право – это совокупность юридических норм, законов, регулирующих отношения людей. В отличие от норм морали нормы права устанавливаются государством и имеют принудительно-обязательную силу»⁵. Понятно, что нормы являются элементами сознания, так как это правила, знания-предписания (регулятивы, прескрипции).

Поскольку немногие ранние учебники по историческому материализму, содержащие разделы о праве, сводят последнее к правосознанию, то данной традицией и объясняется, на наш взгляд, отсутствие соответствующих разделов в более поздних учебниках

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2000. С.560.

² Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. М.: Норма : ИНФРА-М, 2013. 230 с.

³ Келле В., Ковальзон М. Курс исторического материализма: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1969. С. 310–323; Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. М.: Мысль, 1977. С. 302–305; Крапивенский С.Э. Социальная философия: Учебник для гуманит.-соц. специальностей высших учебных заведений. Волгоград: Комитет по печати, 1996. С. 210–214; Алексеев П. В. Социальная философия: учебное пособие. М.: ТК Велби, 2005. С. 102–106.

⁴ Гортер Г. Исторический материализм. М.: URSS, 2011. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/Gorter_Istoricheskiy_materializm.htm (дата обращения 30.06.17).

⁵ Исторический материализм / под общ. ред. Ф. В. Константинова. М.: Госполитиздат, 1951. С. 274.

по социальной философии. Но редукция права к правосознанию не убедительна хотя бы потому, что в любом учебнике по теории права имеется раздел о правосознании, но в теории права этот раздел занимает периферийное положение¹.

Разумеется, в правоведении с позиций юридического позитивизма право определяется как совокупность правил поведения², т. е. как форма регулятивного сознания. В этом отношении учебные издания по социальной философии повторяют догму юридического позитивизма. Но теоретикам права это не мешает в их столь противоречивой онтологии выделять правосознание как совершенно частный конструкт, сосуществующий с конструктами правовой практики и правотворчества, правовых отношений, правовых субъектов и объектов и т.п.³

С учетом сложившегося корпуса общетеоретических представлений о праве более разумными выглядят – по сравнению с отечественной социально-философской традицией – описания права, предлагаемые в некоторых общеправовых изданиях.

Например, в одном из философских словарей поясняется, что право «как общественное явление состоит из правового сознания (теоретического и обыденного), правовой деятельности, правовых отношений, правовых норм и правовых институтов»⁴. При этом отмечается, что «наиболее тесно право связано с политикой, являясь во многом ее концентрированным выражением»⁵. Данное описание не только соответствует положениям общей теории права, но и структурирует право примерно также, как и любую другую сферу общественной жизни.

Я. С. Яскевич в различных учебных изданиях в разделах по социальной философии выделяет специализированный подраздел, посвященный праву (или философии права). Белорусский философ основными подсистемами общества считает экономику, политику, право, культуру. А право она определяет как систему социальных норм и отношений, охраняемых силой государства и выражающих требования формального равенства⁶. Таким образом, в предмете социальной философии некоторые авторы допускают описание права как специфической системы общественных отношений – системы правовых отношений.

¹ Например, в одном из авторитетных учебников правосознанию посвящена одиннадцатая глава из двенадцати имеющихся глав. См.: Теория государства и права. Часть 2. Теория права: учебник / под ред. М. Н. Марченко. М.: Издательство Зерцало-М, 2011. С. 290–309.

² Описание права как совокупности норм аналогично упоминавшемуся К. Марксом в «Капитале» представлению о богатстве буржуазных обществ как совокупности товаров (или в случае меркантилизма – денег, что аналогично редукции права к законодательству). С точки зрения теоретической концептуализации – это представление о типичных, наиболее массовых проявлениях феномена (т. н. «внешняя видимость»). Учебники по теории права начинают изложение с понятия права как правила поведения, подобно тому, как в «Капитале» изложение начинается с анализа товара. См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 23. С. 43.

³ См. наш обзор: Тюгашев Е.А. Терминосфера теории права: конфликт языковых культур в полиязыковом образовательном пространстве // Современное терминоведение Сибири. Язык. Культура. Теория познания. Сборник научных статей. Материалы 2-й научно-практической конференции (15–16 сентября 2004 г., г. Новосибирск). Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2004.

⁴ Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев [и др.]; под ред. А. П. Алексеева. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 300.

⁵ Там же.

⁶ Яскевич Я. С., Вязовкин В. С., Гафаров Х. С. Основы философии: учеб. пособие. Минск: Выш. шк., 2009. С. 234. См. также: Философия: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.С. Ст епин [и др.]; под общ. ред. Я. С. Яскевич. Минск: РИВШ, 2006. С. 548.

В приведенных описаниях права принципиально важны два момента. Во-первых, это оценка права как общественного явления, структурно однопорядкового с экономикой и политикой. Данное позиционирование права определяет необходимость его социально-философского отображения примерно в том же объеме, что и корреспондирующих сфер общественной жизни. Во-вторых, структурное описание права как общественного явления осуществляется по тем же элементам, по которым описываются другие сферы общественной жизни. Данная исследовательская практика ориентирует на использование более общих социально-философских конструктов – изоморфов, обеспечивающих типовое, стандартизованное описание однопорядковых сфер общественной жизни (например, как систем общественных отношений, складывающихся в трудовой, экономической, политической, нравственной и других видах социальной деятельности)¹.

С учетом того, что во многих учебниках социальной философии присутствуют разделы о правосознании, а в некоторых учебниках – и разделы о праве, можно предполагать, что социально-философское описание права все же необходимо.

На такую необходимость указывал, в частности, видный петербургский юрист Л. С. Явич: «Интересы науки и потребности прогрессивного преобразования общества требуют, на наш взгляд, усиления внимания к диалектико-материалистической, социальной философии права в единстве ее гносеологического и онтологического, гуманистического и этического, логического и аксиологического аспектов»². Примечательно, что онтологию, гносеологию и аксиологию Л. С. Явич рассматривал как аспекты социально-философского анализа.

Видный отечественный социальный философ И. А. Гобозов, указывая на полидисциплинарность правоведения, включающего не только юриспруденцию, но и социологию права, подчеркивал, что частные науки рассматривают право под своим углом зрения как «конкретный социальный феномен, возникший на определенном этапе исторического развития»³. Философия, по его мнению, фундирует право с позиции необходимости его возникновения для нормального функционирования общества⁴.

И. А. Гобозов полагает, что право формируется в виде писанных норм с возникновением государства и цивилизации⁵. Главной целью права, по его мнению, является установление справедливости⁶.

¹ Ранее мы писали: «... Теория права в современном ее виде представляет собой абстрактно-общую конкретизацию социологической теории отдельной сферы общественной жизни. Содержание данной теории инвариантно относительно конкретных сфер общественной жизни, поэтому концептуальные схемы специально-научных теорий этих сфер идентичны. Конкретизацию базисной социологической схемы специально-научные теории обеспечивают абстрактно-общей, формальной спецификацией посредством предикатов “правовой”, “экономический”, “политический”». См.: Тюгашев Е. А. «Капитал» К. Маркса и «Философия права» Г. Гегеля: методологические и онтологические параллели // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. Т. 1. Вып. 1 / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. С. 31.

² Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 198.

³ Гобозов И. А. Философское обоснование права // Философия политики и права: сб. науч. раб. Вып. 1. М.: Издатель Воробьев А. В., 2010. С. 98.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ Там же. С. 103.

В позиции И. А. Гобозова примечательны два момента. Стандартна этатистская трактовка права как писаного и государственного. Необычна категоризация справедливости как главной цели (а, следовательно – и результата) права. Тема справедливости традиционна для философии права. Но категорию справедливости еще с «Этик» Аристотеля постоянно идентифицируют как категорию этики¹. Но, оставляя в стороне вопрос о справедливости, остановимся более подробно на проблеме существования права в первобытном обществе.

Для философии данная проблема важна тем, что историческая универсальность права является одним из оснований целесообразности его социально-философского отображения. Если право – исторически-стадиальное явление, то его описание (как и описание государства) желательно осуществлять в рамках философии истории. Но если право – функционально-необходимая подсистема социума, то его описание не менее важно, чем описание, например, семьи и брака, хозяйства и т.п.

По своим убеждениям И. А. Гобозов является марксистом. Но позиция марксизма в отношении существования права в первобытном обществе неоднозначна. Так, Ф. Энгельс полагал, что в первобытности «права в юридическом смысле» еще нет. Например, в отношении воззрений И. Я. Бахофена он писал: «Это признание происхождения исключительно по материнской линии и развившиеся отсюда с течением времени отношения наследования он называет материнским правом; в интересах краткости я сохраняю это обозначение; но оно неудачно, так как на этой ступени развития общества еще нельзя говорить о праве в юридическом смысле»². Заметим, что даже юристы дифференцируют правовое и юридическое, рассматривая последнее как частный аспект правовой реальности. Кроме того, на протяжении всего своего труда Ф. Энгельс был вынужден писать о праве в первобытном обществе. И, очевидно, что он об этом писал не только для краткости, но и ввиду необходимости категориального описания соответствующих реалий общественной жизни.

Некоторые авторитетные юристы признавали существование первобытного права³. Раздел «Первобытное (догосударственное) право» содержится в учебнике заведующего сектором истории государства, права и политических учений Института государства и прав РАН В. Г. Графского⁴. О первобытном праве писали многие этнологи⁵.

¹ Гусейнов А. А. Справедливость // Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 457–460.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. С. 46.

³ Pound R. Jurisprudence. New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd. 2000. Vol. II. P. 173; Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб.: ИД Алет-Пресс, 2015. С. 53, 109–111.

⁴ Графский В. Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов. М.:Издательство НОРМА, 2003. С. 36–43.

⁵ Гальперин С. Д. Очерки первобытного права: Исследование. СПб.: Н. К. Мартынов, 1893; Харузин Н. Н. Очерки первобытного права. Ч. 1. Семья и род. М.: кн. маг. «Гросман и Кнебель», 1898; Косвен М. О. Преступление и наказание в первобытном (догосударственном) обществе. М. Л.: Госиздат, 1925; Diamond A. S. Primitive Law. London, etc.: Longmans, Green and Co., 1935; Семенов Ю. И. Обычное право в доклассовом обществе: возникновение, сущность и эволюция // Обычное право народов Сибири: (Буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы) / под ред. Ю.И. Семенова. М.: Старый сад, 1997; Малиновский Б.М. Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. М. Избранное: Динамика культуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004; Трикоз Е. Н. Обычное уголовное право аборигенов Австралии (теоретические проблемы исследования) // Право и политика. 2000. № 4; Ковалевский М.М. Первобытное право: семья (происхождение брака, древнейшие способы его заключения, брачные подарки). М.: Ленанд, 2016.

Из существования первобытного права исходят в юридической антропологии¹.

Следует, также учесть, что право, как и другие сферы социальной деятельности, возникало в сообществах животных. Академик С.С. Алексеев, опираясь на данные этологии, отмечал, что как зачатки труда и рассудочной деятельности, зачатки права существуют в мире «социальных животных» в виде иерархии и территориального поведения². Данные этнологии, следовательно, соответствуют древнеримской традиции естественного права и подтверждают выдвинутую еще Д. Локком идею животного, инстинктивного права, основанного на силе³.

Итак, социальная универсальность права как атрибута сообществ «социальных животных» позволяет обоснованно характеризовать его как необходимую составляющую общественной жизни. В связи с этим возникает вопрос о месте и роли права в социуме.

Традиция естественного права и контрактуализма (теории общественного договора) в некоторых своих версиях (например, Т. Гоббса) утверждает первичность права и вторичность общества. Заключение общественного договора есть основа человеческого общежития и государственности. Таким образом, право является основанием общественной жизни. Соответственно, социальная философия по своему основному содержанию может интерпретироваться как философия права⁴.

В марксизме право понимается как вторичная, производная подсистема общества. Так, К. Маркс писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁵. Приведенное высказывание хорошо известно. Но никогда не обращалось внимания на то, что в нем предложены два совершенно разных варианта структурирования общества.

Последний фрагмент о способе производства материальной жизни и социальный, политическом и духовном процессах жизни ассимилирован отечественной социальной философией в виде учения о четырех сферах общественной жизни. Онтологическая противоречивость этого учения не замечается. Но очевидно, что способ производства необходимо содержит в себе социальный процесс в виде субъектов разделения труда и клас-

¹ Hoebel E. A. *The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge [Mass.]: Harvard University Press, 1967; Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 2000; Бочаров В.В. *Неписанный закон: Антропология права*. Научное исследование: Учебное пособие. СПб.: Издательство РХГА, 2012.

² Алексеев С. С. *Собрание сочинений*. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 6: *Восхождение к праву*. М.: Статут, 2010. С. 345–347.

³ Подробнее см.: Тюгашев Е. А. Конструкция естественного состояния в «Двух трактатах о правлении» Д. Локка // *Вестник НГУ. Серия: право*. Т. 7. 2011. Вып. 1. С. 14–16.

⁴ Так, в учебнике известного американского философа Д. Файнберга рассматриваются только вопросы свободы, прав и справедливости: Feinberg J. *Social philosophy*. New Jersey: PRENTICE-HALL, INC. Englewood Cliffs, 1973. См. также: Feinberg J. *Rights, Justice, and the Bounds of Liberty: Essays in Social Philosophy*. Princeton: Princeton University Press, 1980.

⁵ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 6–7.

совой структуры. Способ производства материальной жизни содержит и духовный процесс в виде технического и экономического сознания. Политический процесс выделен корректно, если не считать того, что он содержит материальную по своему характеру военную деятельность, а также социально-политические взаимодействия и политическое сознание. По отношению к данному фрагменту можно было сказать, что К. Маркс выделил некоторые аспекты (проекции) описания общества, но интерпретировать эти проекции в качестве отдельных подсистем (сфер) общества было бы ошибочным.

Второй предложенный К. Марксом вариант структурирования общества дифференцирует производительные силы и производственные отношения, юридическую и политическую надстройку с формами общественного сознания. Для нас в данном варианте важно то, что юридическая надстройка однопорядкова с политической надстройкой, а также экономическим базисом. В этом варианте структурирования онтологически обоснованным становится социально-философское отображение права как явления, отличного от общественного сознания.

Очевидно, что и второй вариант структурирования общества онтологически противоречив. Но в отличие от первого варианта возможна его реструктуризация, учитывающая: а) выделение в качестве типовой социальной подсистемы видов общественных отношений; б) включение форм общественного сознания в структуру соответствующих видов общественных отношений в качестве внутренних, опосредствующих моментов (например, экономические отношения и экономическое сознание); в) дифференциацию способа производства материальных благ и способа производства жизни людей. С учетом указанных различий структура общества может быть представлена так: «В членении формации на подсистемы, по нашему мнению, принципиальное значение имеет идея К. Маркса и Ф. Энгельса о двух типах материального производства. ... Материальное производство есть единство двух подсистем: производства материальных благ и производства человека. ... Соответственно двум составляющим системы материального производства и надстроечные отношения, по нашему мнению, разделяются на две подсистемы, которые рефлексируют соответственно способ производства материальных благ и способ производства человека. На классовых этапах развития надстройка над способом производства материальных благ включает в себя политические и правовые отношения, а надстройка над способом производства человека – нравственные и эстетические»¹.

Достоинство данной социально-онтологической схемы состоит в том, что право удается описать как систему правовых отношений, внутренним звеном которой является правовое сознание. А в структуре этого правового сознания его внутренним моментом выступают регулятивы, т.е. нормы права, онтологическое значение которых гипертрофировано в отечественном юридическом позитивизме.

Примечательно, что близкое видение права формулирует видный российский юрист И.Л. Честнов. Он характеризует право как аспект (момент, сторону) социальной реальности, «содержанием которой является диалог или диалогичность»². Далее он уточняет, что право это не просто «разговор», а как и любой социальный институт, «существует в социальном мире в виде взаимодействий людей, опосредованных социальными

¹ Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск: Наука, 1986. С. 66–68.

² Честнов И.Л. Постклассическая диалогическая онтология права // Постклассическая онтология права. СПб.: Алетейя, 2016. С. 60.

(интериоризируемыми в индивидуальные) представлениями, объективированными знаковыми формами, например, нормативными правовыми актами»¹.

Данное представление права релевантно модели социума, предлагаемо В.П. Фофановым. Представления объективируются в любом виде общественных отношений. Так, деньги – это объективация сознания стоимости в товарных отношениях. Соответственно, нормативные правовые акты (в значении – регулирующего правового документа, а не правового действия) являются знаковой формой объективации правовых регулятивов. Другими, материально-вещественными формами такой объективации выступают межи и межевые знаки, замки и заборы (т.е. правоохранительная техника) и иные реалии, составляющие материально-техническую базу, без которой правовая жизнь не мыслима.

Социально-философская модель права как отдельной, самостоятельной сферы общественной жизни соответствует также традиционно фиксируемым тесным системным связям права с политическими и нравственными отношениями. Интересны в этом плане социально-философские размышления С.Л. Франка.

Он фиксирует две двойственности в понимании права. Во-первых, это генетическая связь права не только с государственной властью, но и с властью более высокой, «с высшим, абсолютным велением правды»². Во-вторых, «это тот загадочный, составляющий постоянную трудность для всех теоретиков права факт, что момент “должного”, начало, нормирующее общественные отношения и идеально их определяющее, существует в двух формах: в форме права и в форме нравственности»³. Для С. Л. Франка право – это внешнее, экстериоризированное выражение нравственности, что соответствует известному определению права как минимума нравственности.

В контексте базисно-надстроечной модели структуры социума связи права с политикой и нравственностью выглядят следующим образом. Надстройка над способом производства материальных благ включает в себя политические и правовые отношения («политико-юридическая» надстройка). Надстройка над способом производства человека, вероятно, включает в себя эстетические и нравственные отношения. Тогда существует отмеченная еще И. Кантом взаимообусловленность правовых и нравственных отношений. Это подобно взаимообусловленности производства материальных благ и производства жизни людей.

В целом С.Л. Франк убежден, что человеческое общество немислимо вообще без права. И, соответственно, право существует в первобытном обществе: «Во всех первобытных обществах единое обычное право, имеющее всегда сакральный характер, нормирует человеческие отношения, и в нем неразлично и безраздельно сполна выражается нравственно-правовое сознание человека»⁴.

Обобщая изложенное, можно предложить следующую абстрактно-общую социально-философскую характеристику права: право – это отдельная, самостоятельная сфера общественной жизни, функционирующая и развивающаяся в системе правовых отношений людей, осуществляющих свою правовую деятельность и регулирующих ее посредством правового сознания. Подчеркиваю, что это абстрактно-общая характеристика права, фиксирующая его в тождестве с другими сферами общественной жизни. В этой харак-

¹ Там же. С. 136.

² Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 77.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 82.

теристике не указана содержательная специфика права в сравнении с другими сферами общественной жизни. Выше только оговаривалось позиционирование права в структуре социума как надстройки над политикой и как дополнения нравственности. Это достаточно для ориентировочной спецификации права, но недостаточно для содержательного описания исторических типов систем правовых отношений. Но именно эта абстрактно-общая модель организует теоретическое описание права, которое осуществляется пока хаотично.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев П. В. Социальная философия: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 256 с.
- Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 6: Восхождение к праву. М.: Статут, 2010. 558 с.
- Бочаров В. В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: Учебное пособие. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 386 с.
- Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма : ИНФРА-М, 2013. 320 с.
- Гальперин С. Д. Очерки первобытного права: Исследование. СПб.: Н.К. Мартынов, 1893. 304 с.
- Гараджа В. И., Митрохин Л.Н. Философия религии // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 230–235.
- Гобозов И. А. Философское обоснование права // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1. М.: Издатель Воробьев А.В., 2010. С. 98–119.
- Гортер Г. Исторический материализм. М.: URSS, 2011. 176 с. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/Gorter_Istoricheskiy_materializm.htm (дата обращения 30.06.17).
- Графский В. Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 2003. 744 с.
- Гусейнов А. А. Справедливость // Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 457–460.
- Гутнер В. Б. Философия математики // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 216.
- Исторический материализм / под общ. ред. Ф. В. Константинова. М.: Госполитиздат, 1951. 747 с.
- Касавин И.Т., Пружинин Б. И. Философия науки // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 218–220.
- Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2000. 560 с.
- Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев [и др.]; под ред. А. П. Алексеева. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 496 с.
- Келле В., Ковальзон М. Курс исторического материализма: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1969. 431 с.
- Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб.: ИД Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
- Ковалевский М. М. Первобытное право: семья (происхождение брака, древнейшие способы его заключения, брачные подарки). М.: Ленанд, 2016. 176 с.

Косвен М. О. Преступление и наказание в первобытном (догосударственном) обществе. М. Л.: Госиздат, 1925. 140 с.

Крапивенский С. Э. Социальная философия: Учебник для гуманит.-соц. специальностей высших учебных заведений. Волгоград: Комитет по печати, 1996. 352 с.

Малахов В. С. Философская антропология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 241–245.

Малиновский Б. М. Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. М. Избранное: Динамика культуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 211–279.

Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 23. – 907 с.

Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. М.: Мысль, 1977. 368 с.

Нерсисянц В. С. Философия права // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 227–230.

Огурцов А. П., Платонов В. В. Философия образования // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 218–220.

Огурцов А. П. Философия языка // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 238–240.

Панарин А. С. Философия истории // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. IV. – С. 212.

Панарин А. С. Философия политики // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 226.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. О предмете социальной философии (к продолжению дискуссии) // Личность. Культура. Общество. Т. 10. 2008. Вып. 5–6. С. 158–169.

Розин В. М. Философия техники // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 236.

Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 2000. 310 с.

Семенов Ю. И. Обычное право в доклассовом обществе: возникновение, сущность и эволюция // Обычное право народов Сибири: (Буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы) / под ред. Ю. И. Семенова. М. : Старый сад, 1997. С. 43–45.

Теория государства и права. Часть 2. Теория права: учебник / под ред. М. Н. Марченко. М.: Издательство Зерцало-М, 2011. 336 с.

Трикоз Е. Н. Обычное уголовное право аборигенов Австралии (теоретические проблемы исследования) // Право и политика. 2000. № 4. С. 115–119.

Тюгашев Е. А. Терминосфера теории права: конфликт языковых культур в полиязыковом образовательном пространстве // Современное терминоведение Сибири. Язык. Культура. Теория познания: сб. науч. ст. Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2004. С. 68–75.

Тюгашев Е. А. «Капитал» К. Маркса и «Философия права» Г. Гегеля: методологические и онтологические параллели // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. Т. 1. Вып. 1 / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. С. 29–33.

Тюгашев Е. А. Конструкция естественного состояния в «Двух трактатах о правлении» Д. Локка // Вестник НГУ. Серия: право. Т. 7. 2011. Вып. 1. С. 13–18.

Философия: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.С. Ст епин [и др.]; под общ. ред. Я.С. Яскевич. Минск: РИВШ, 2006. 624 с.

Фофанов В. П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск: Наука, 1986. 189 с.

Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 13–146.

Харузин Н. Н. Очерки первобытного права. Ч. 1. Семья и род. М.: кн. маг. «Гросман и Кнебель», 1898. – 78 с.

Честнов И. Л. Постклассическая диалогическая онтология права // Постклассическая онтология права. СПб.: Алетейя, 2016. С. 60–162.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. С. 23–178.

Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 207 с.

Яскевич Я. С., Вязовкин В. С., Гафаров Х. С. Основы философии : учеб. пособие. Минск: Выш. шк., 2009. 268 с.

Diamond A.S. Primitive Law. London, etc.: Longmans, Green and Co., 1935. 451 p.

Feinberg J. Social philosophy. New Jersey: PRENTICE-HALL, INC. Englewood Cliffs, 1973. 126 p.

Feinberg J. Rights, Justice, and the Bounds of Liberty: Essays in Social Philosophy. – Princeton: Princeton University Press, 1980. 336 p.

Hoebel E.A. The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics. Cambridge [Mass.]: Harvard University Press, 1967. 357 p.

Pound R. Jurisprudence. New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd. 2000. Vol. II. 466 p.

УДК 34.028 (=1.17-81)

Попков Юрий Владимирович,
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Института философии и права Сибирского отделения РАН
г. Новосибирск, Россия
E-mail: yuripopkov54@mail.ru

ПРАВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ РЕГУЛЯТОР ИХ ОТНОШЕНИЯ С ДОМИНИРУЮЩИМ ОБЩЕСТВОМ

Аннотация. В статье выделяются причины актуализации и важность обсуждения проблемы коллективных прав применительно к этническим (этнокультурным) сообществам. Обосновывается роль права коренных народов как важного институционального механизма в регулировании их взаимодействия с доминирующим обществом, в сохранении тех элементов традиционной культуры, которые являются актуально значимыми для самих народов и для мирового сообщества в про-

цессе поиска перспективных моделей его развития. Анализируется динамика и содержание изменений норм международного права в отношении коренных народов.

Ключевые слова: право, коренные народы, традиционная культура, доминирующее общество, глобализация.

Yuri Popkov V.,
doctor of philosophical Sciences, Professor, chief scientific officer
Institute of philosophy and law Siberianbranchof RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: yuripopkov54@mail.ru

THE RIGHT OF INDIGENOUS PEOPLES AS INSTITUTIONAL REGULATOR OF THEIR RELATIONSHIP WITH THE DOMINANT SOCIETY

Abstract. The article highlights the reasons of actualization and the importance of discussing the problems of collective rights in relation to the ethnic (ethnocultural) communities. The author substantiates the role of indigenous peoples' rights as an important institutional mechanism in the regulation of their interaction with the dominant society, in preserving those elements of traditional culture which are important for themselves and for the world community. This is important in the process of searching for prospective models of its development. The author analyzes the dynamics and substance of changes to the rules of international law concerning indigenous peoples.

Key words: Law, indigenous peoples, traditional culture, dominant society, globalization.

Предваряя конкретный анализ содержательных вопросов заявленной темы, сделаю акцент на несколько важных моментов, без учета которых невозможно понять причины актуализации и важность обсуждения проблемы коллективных прав применительно к этническим (этнокультурным) сообществам.

Глобализация как ведущая тенденция современного мирового развития все больше обнаруживает себя как многоплановый, неоднозначный и противоречивый процесс, проявляющийся не только в усилении интеграционных и унифицирующих явлений, укреплении взаимосвязи и взаимозависимости различных стран и народов, но и в росте глобальной и локальной полиэтничности и культурной сложности, формировании все новых форм фрагментации и локализации. Соответственно, можно говорить об эффектах как сближения и унификации культур, так и их относительного обособления. Есть все основания говорить о том, что современная глобализация ведет к становлению не унифицированного и однородного, как это представлялось ранее, а внутренне различенного единства, в котором национальные (этнические) общности сохраняют себя в качестве измененных и обогащенных в процессе взаимодействия и взаимного влияния, но относительно самостоятельных образований. Формируемая в процессе глобализации новая системная целостность должна быть понята как развивающееся единство многообразия.

Имеет место феномен мультипликации культур, который является продуктом воздействия комплекса факторов, начиная от самого процесса глобализации и эффектов эпохи постмодерна, заканчивая последствиями политики неолиберализма. Фрагментация культур, скорее всего, будет множиться аналогично тенденции роста числа государств (с 1900 г. их количество увеличилось более чем в 2 раза). Поэтому данный процесс надо воспринимать не как аномальный и временный, а как закономерный и постоянный.

На уровне мирового сообщества все отчетливее осознается значимость сохранения культурного разнообразия как необходимого условия жизнеспособности глобального социума (эта ситуация аналогична пониманию важности сохранения биоразнообразия). Культурное разнообразие – не слабость, а ресурс, препятствующий деградации социальной системы. Никто не знает, какая модель жизнесуществования и выживания окажется востребованной в будущем. Например, современный глобальный финансовый кризис, от которого сильно пострадали многие (отдельные люди, социальные группы и даже целые государства), практически не затронул тех, кто живет за счет традиционного натурального хозяйства. Данная модель жизнесуществования оказалась эффективной, спасительной для определенных групп населения. Поскольку неизвестно, что нас ждет в будущем, нельзя отказываться от любых подобных моделей, сформировавшихся в рамках локальных традиционных культур.

Осознание глобальной и локальной значимости разнообразия применительно к социокультурной динамике привело к принятию на уровне мирового сообщества в лице его наиболее представительных организаций важных решений, среди которых отметим Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) и провозглашение в 2002 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всемирного дня культурного разнообразия во имя диалога и развития, который отмечается ежегодно 21 мая. При этом разработчики Декларации исходят из убеждения, что «культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», системы ценностей, традиции и верования»¹.

Наличие этнокультурного разнообразия связано с существованием разных культур, исходно формирующихся как традиционные этнокультуры. Они являются достаточно устойчивыми во времени, а их роль не ограничивается локальной значимостью. В этой связи важно обратить внимание на произошедшее изменение взглядов на традиционную культуру, которая еще недавно многими рассматривалась как препятствие на пути модернизации, а теперь воспринимается в качестве необходимого условия успешных социокультурных преобразований. В то же время до сих пор остается открытым вопрос о том, как именно традиционная культура участвует в этих преобразованиях, в каком виде и в какой роли она в них присутствует. В этом отношении нельзя согласиться с позицией жесткого противопоставления традиционной и современной культур. Так, В. С. Степин, выделяя два типа цивилизаций (как носителей соответствующих типов культуры) – традиционную и техногенную, подчеркивает, что различия между ними «носят радикальный характер»², что техногенная цивилизация «подавляет, подчиняет себе, переворачивает, буквально поглощает традиционные общества и культуры»³ и что «чаще всего эти культуры сохраняются только фрагментарно, в качестве исторических рудиментов»⁴. По моему убеждению, взаимодействие традиционных и техногенных (современных) культур носит более

¹Всеобщая декларация о культурном разнообразии. URL: http://www.ifapcom.ru/files/Documents/declar_cult_diversity.pdf (дата обращения 15.12.2017).

²Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. 2011. С. 82.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же.

сложный характер, в процессе этого взаимодействия традиционная культура в значительной степени присутствует не как рудимент, а в виде неотрадиции, неотрадиционализма¹.

Важная роль в сохранении и самих культур, и культурного, в том числе этнокультурного, разнообразия, принадлежит институциональным механизмам, прежде всего праву. Институт права является также одним из наиболее эффективных регуляторов взаимодействия традиционного и современного доминирующего обществ. Мы исходим из того, что право может выступать не только инструментом подавления и насилия, но и средством обеспечения справедливости, компромисса, согласия. На данное обстоятельство обращал внимание еще П. И. Новгородцев: «Когда отвергают право в самой идее, называя его насилием, то имеют в виду право как порождение силы и произвола и забывают право как выражение справедливости и свободы»².

Переходя далее к анализу роли права в регулировании отношений коренных народов с доминирующим обществом на примере малочисленных этнических сообществ Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также Канады, отметим прежде всего устойчивость их традиционной культуры. И самим коренным малочисленным народом, и их традиционному укладу жизни и культуре предрекают исчезновение не одно столетие. Еще Ф. Энгельс в статье «Вновь открытый пример группового брака», ссылаясь на результаты проведенного в конце XIX века русским этнографом Л. Я. Штенбергом исследования быта и общественного устройства сахалинских гиляков (нивхов), писал, что участь жизни малочисленных народов Дальнего Востока решена бесповоротно. Еще два-три поколения, отмечал Ф. Энгельс, и они обрисуется окончательно³.

Но проходят десятилетия и даже столетия, а народы Севера, Сибири и Дальнего Востока продолжают существовать. Это говорит о том, что традиционная культура обладает мощным ресурсом самоорганизации. Единоразы возникнув, она является очень устойчивой и одновременно достаточно пластичной, способной адаптироваться к новым социальным условиям.

В то же время в современную эпоху защитные механизмы самоорганизации коренных народов ограничены, они не могут на равных конкурировать с доминирующим обществом и унифицирующими тенденциями глобализации, поэтому нуждаются в особых институциональных ресурсах, в том числе в виде специальных правовых норм.

Отметим, что природу специальных прав коренных народов применительно к народам Севера Российской Федерации подробно рассматривает В. А. Кряжков в своей фундаментальной работе, посвященной комплексному анализу правового статуса данных народов⁴. Только через обладание и реализацию особых прав, политику протекционизма и обеспечение определенных преимуществ (поскольку отсутствует равенство возможностей) можно добиться их реального равенства с другими народами и тем самым обеспечить социальную справедливость⁵.

¹Мадюкова С. А., Попков Ю. В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб., 2011; Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен этнокультурного неотрадиционализма // Традиции и инновации в истории и культуре. М., 2015. С. 235–243.

²Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С.538.

³Энгельс Ф. Вновь открытый пример группового брака // Маркс К., Фридрих Э. Соч. 2-е изд. Т. 22. М., 1962. С. 367.

⁴Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. 560 с.

⁵Там же. С. 132–136.

Стоит напомнить, что коренные малочисленные народы Севера входят в состав малочисленных этносов мира, которые, по оценке экспертов, составляют три четверти народов планеты (всего более 5 тыс.). Вместе с другими народами они образуют человечество как единую целостность. В настоящее время мировое сообщество признает вклад коренных народов в социальную и экологическую гармонизацию всечеловеческого существования.

Заинтересованность в сохранении и развитии культур коренных народов проявляют не только сами их носители, но и представители других народов и мирового сообщества в целом. В силу неопределенности его перспектив в будущем востребованными могут оказаться модели развития, сформировавшихся в рамках локальных культур и доказавших свою эффективность уже самим фактом своего существования на протяжении столетий. Так, выработанные малочисленными народами в экстремальных условиях Севера навыки, говоря современным языком, устойчивого развития, нормы трудовой этики, ценности кооперативности¹ оказываются крайне востребованными в современных условиях.

Поскольку сохранение и развитие коренных народов превратились в глобальную проблему современности, она находит отражение в деятельности разных международных организаций и важных политико-правовых документах.

Становление системы норм международного права в отношении коренных народов в независимых странах, к числу которых принадлежат коренные малочисленные народы Севера, произошло в конце 1950-х гг., когда во взглядах на перспективы общественного развития господствовала «классическая» теория модернизации в ее вестернизированном варианте, а сами народы не имели четких представлений о возможных способах решения своего национального вопроса и не были активными участниками определения собственного правового статуса. Нормы,³ акрепленные в этот период в международно-правовых документах, прежде всего в Конвенции Международной организации труда (МОТ) № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах», выражают ориентацию на преодоление «отсталости» коренных народов и на интеграцию их в современное общество на основе превалирующих в нем ценностей. Допускается сохранение коренным населением только тех обычаев и традиционных институтов, которые совместимы с общегосударственным правопорядком. Безусловный приоритет отдается внедрению во всех сферах жизни единых стандартов доминирующего общества. Обеспечение прав и свобод народов оказывается возможным лишь при условии подчинения их групповых, коллективных интересов общегосударственным². Ясно, что данные установки находили непосредственное отражение и на уровне государственного права отдельных стран. Это четко зафиксировано в данной Конвенции: «Правительства несут основную ответственность за разработку согласованных и систематических мероприятий по защите заинтересованного населения и по его постепенной интеграции в жизнь соответствующей страны» (ст. 2).

В конечном счете, нормы права этого периода оказались нормами не столько интеграции, сколько ассимиляции их в доминирующем обществе. Право выступало проводником политики, направленной на осуществление индустриального развития западного типа

¹ Пилясов А. Н. Игра забелых: чему могут научить мир народы Севера? // Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знаний. М., 2009. С. 460–465.

² Конвенция МОТ № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах». URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=287 (дата обращения 15.12.2017).

в качестве универсальной линии современной трансформации. Это не только не способствовало решению острых проблем существования коренных народов как специфических этнокультурных общностей, но и выступало фактором усиления их кризисного состояния.

Принципиально новая установка международного права нашла отражение в принятой в 1989 г. Конвенции Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». В ней прямо указывается на необходимость «ликвидации ориентации на ассимиляцию, содержащейся в ранее действовавших нормах», и декларируется признание права этих народов осуществлять контроль над собственными институтами, образом жизни и экономическим развитием, а также сохранять и развивать свои традиции, обычаи, язык и религию, определять приоритеты развития и обеспечивать свою целостность. Провозглашается право собственности на занимаемые земли и владение ими, право участия в пользовании и управлении природными ресурсами. Традиционные виды деятельности (охота, рыболовство, звероловство и собирательство), кустарные промыслы и сельские ремесла рассматриваются в качестве факторов сохранения культуры, экономической самостоятельности и дальнейшего развития коренного населения. В сфере образования предполагается возможность создания собственных учебных заведений и осуществления образовательного процесса на родном языке¹.

Новым этапом в развитии норм международного права в отношении коренных народов является утвержденная в сентябре 2007 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Декларация о правах коренных народов, работа и борьба за принятие которой продолжалась более 20 лет. В ней подчеркнуто, что «все народы вносят вклад в многообразие и богатство цивилизаций и культур, которые составляют общее наследие человечества»².

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что мировое сообщество в лице ООН признает наличие исторической несправедливости в отношении многих коренных народов, проявляющейся в их колонизации, лишении земель, территорий и ресурсов, «что препятствует осуществлению ими, в частности, своего права на развитие в соответствии с их потребностями и интересами»³.

В Декларации расширен спектр конкретных прав коренных народов, в том числе провозглашено право на самоопределение, которое предполагает право на свободное установление своего политического статуса, «на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций». В качестве средства для реализации такой возможности предполагается сохранение и укрепление их особых политических, правовых, экономических, социальных и культурных институтов. Специально акцентировано право «определять приоритеты и разрабатывать стратегии освоения или использования своих земель или территорий и других ресурсов». Одновременно коренные народы не исклю-

¹ Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах». URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=90 (дата обращения 2.11.2012 г.).

² Декларация ООН о правах коренных народов. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения 15.12.2017).

³ Там же.

чаются из возможности полноценного участия в политической, экономической, социальной и культурной жизни своих государств¹.

Важное значение имеет зафиксированное в Декларация ООН о правах коренных народов положение, что провозглашенные коллективные права «абсолютно необходимы для их существования, благополучия и всестороннего развития как народов». При этом все народы признаются как вносящие необходимый вклад в многообразие и богатство цивилизаций и культур, составляющих общее наследие человечества.

Как представляется, признание достаточно широких особых прав коренных народов стало возможным благодаря двум основным обстоятельствам: во-первых, утверждению во взглядах на тенденции мирового развития поливариативной парадигмы, допускающей существование различных типов культур как равнозначных; во-вторых, активной борьбе аборигенов против глобального давления индустриального и постиндустриального общества, в защиту ценностей традиционной культуры, за официальное признание соответствующих коллективных аборигенных прав. Последнее свидетельствует о становлении коренных народов в качестве самостоятельных субъектов межнациональных отношений (включая международные), осознающих свои коренные интересы и проявляющих готовность их отстаивать.

Официальное закрепление за коренными народами особого правового статуса, отличного от статуса других народов, означает признание их права на реализацию особого пути развития, в основе которого лежат ценности традиционного образа жизни, протест против тотального распространения ценностей доминирующего общества и усиливающегося пресса современной глобализации. Это свидетельствует о фрагментации общего правового поля и допускает возможность определенного обособления системы их жизнедеятельности. Одновременно с этим сам факт наличия официального правового статуса характеризует процесс интеграции коренных народов Севера в современное общество, ибо он характеризует признание мировым сообществом (если речь идет о международном праве) и доминирующим обществом отдельных государств (если речь идет о государственном праве той или иной страны) их равенства среди остальных субъектов общественного развития. Если традиционная культура – это есть способ адаптации коренных народов к конкретным природно-географическим условиям, то особый правовой статус – способ их адаптации к современным социальным условиям. Таким образом, с помощью официально признанных особых правовых норм коренные народы имеют возможность для сохранения ценностей традиционной культуры (как правило, в форме неотрадиционализма) и в то же время осваивать атрибуты современного общества, к числу которых принадлежит и само право.

Изменение норм международного права оказалось возможным благодаря успехам аборигенов отдельно взятых государств в длительной борьбе за официальное признание их коллективных прав. Одним из наиболее удачных и конструктивных как с точки зрения трансформации самого правового статуса, так и в плане влияния изменения норм права на нынешнее положение аборигенов в различных сферах жизни является опыт Канады. Во многом с учетом этого опыта формировались современные международно-правовые нормы в отношении коренных народов. Поэтому о нем стоит в общих чертах сказать отдельно.

Регламентация отношений пришлого населения с аборигенами присутствовала уже в Королевской прокламации 1763 г. В ней признавалось существование за пределами

¹ Там же.

Англии особых земель, являющихся территорией жизни и деятельности коренного населения. В качестве неотъемлемого права прокламация признавала сформулированное в общей форме право аборигенов на охоту и рыбную ловлю, а следовательно и право на территории традиционного природопользования. Чтобы занять территорию аборигенов другим населением, надо было подписать с ними договор, выкупить их право на эту землю, т.е. предусматривался особый порядок ее приобретения.

Вплоть до второй половины XX в. Канадский Север не был зоной экономических интересов правительства и некоренного населения, поэтому у аборигенов не возникало потребности в законодательном закреплении особых прав на землю. Реальные проблемы с урегулированием прав на территории традиционного расселения возникли в 1970-е гг. в связи с проектами использования их под объекты промышленного строительства. Появилась потребность в конкретизации права аборигенов на землю и природные ресурсы в зоне промышленного освоения, которая реализовывалась в рамках договоров, заключавшихся правительством с конкретной группой аборигенов.

На конституционном уровне конкретизация правового статуса коренных народов Канадского Севера произошла в 1981 г., когда было официально закреплено аборигенное и договорное право, предполагающее признание самостоятельности аборигенов в определении характера их собственного экономического и культурного развития, право на возрождение и развитие национальных языков и обычаев, привилегии в области землепользования и распоряжения минеральными ресурсами, право на создание собственных корпораций в сфере материального производства. Закреплены право аборигенов на участие в конституционном процессе, право на реализацию собственных образовательных программ. В настоящее время признано также исконное право аборигенов на самоуправление, в том числе и в рамках автономных образований.

Таким образом, развитие правового статуса коренных народов в Канаде шло от абстрактных норм к конкретным, включая в качестве финального пункта признание права на автономию и самоуправление. Ситуация, сложившаяся к настоящему времени на Канадском Севере, позволяет говорить о достаточно благоприятном варианте взаимодействия народов Севера с доминирующим обществом в рамках единой государственной системы, базирующейся в целом на демократических принципах и нормах.

Возвращаясь к международному праву, следует обратить внимание на наличие значимых проблем, касающихся правового регулирования взаимоотношений коренных народов с доминирующим обществом. Главная состоит в том, что до сих пор не созданы эффективно действующие международные органы, контролирующие реализацию их коллективных прав. Международное законодательство, провозглашая права, не берет на себя ответственность за их исполнение. Это остается внутренним делом тех государств, на территории которых коренные народы проживают.

В то же время принятые в последние годы мировым сообществом в лице его наиболее авторитетных организаций – ООН, ЮНЕСКО – документы, направленные на правовую защиту коренных народов и сохранение культурного разнообразия, имеют важное значение для отдельных стран: не будучи актами прямого действия, они оказывают серьезное влияние на политику многих государств в отношении своих коренных народов, вынуждая учитывать их текущие и перспективные потребности и интересы, хотя конкретные механизмы и степень их учета в отдельных странах являются существенно различающимися.

В заключение отметим, что в России существует целенаправленная политика государства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Есть специальная статья в Конституции РФ, посвященная гарантиям прав этих народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Принято несколько специальных федеральных законов, чего нет применительно ни к одному другому народу или группе народов страны. В стратегии Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года среди основных вопросов, принципов и задач сформулированы специальные пункты, посвященные этой группе народов. В то же время положение дел в рассматриваемой сфере нельзя назвать благополучным¹. Данное обстоятельство делает актуальным дальнейшее обсуждение комплекса вопросов, касающихся правового обеспечения жизнестойкости коренных народов в современную эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Всеобщая декларация о культурном разнообразии. URL: http://www.ifapcom.ru/files/Documents/declar_cult_diversity.pdf (дата обращения 15.12.2017).

Декларация ООН о правах коренных народов. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения 15.12.2017).

Конвенция МОТ № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах». URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=287 (дата обращения 15.12.2017).

Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах». URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=90 (дата обращения 2.11.2012 г.).

Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.

Кряжков В. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. 2017. № 12. С. 44–55.

Мадюкова С. А., Попков Ю. В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетей, 2011. 132 с.

Пилясов А. Н. Игра забелых: чему могут научить мир народы Севера? // Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знаний. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 460–465.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен этнокультурного неотрадиционализма // Традиции и инновации в истории и культуре. М., 2015. С. 235–243.

Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

Энгельс Ф. Вновь открытый пример группового брака // Маркс К., Фридрих Э. Соч. 2-е изд. Т. 22. М.: Политиздат, 1962. С. 364–367.

¹ См., например, одну из последних работ на эту тему: Кряжков В. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. 2017. № 12.

Абрамова Мария Олеговна

ст. преподаватель философского факультета
Томского государственного университета,

г. Томск, Россия

E-mail: abra@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ: ПОДХОДЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению концепции коллективных прав в социальной философии. Полагая права человека центральным понятием либеральной теории, появление коллективных прав рассматривается как трансформация понятия от классических к современным концепциям либерализма. Подчеркивается неоднозначность понятия «коллективные права». Оно может пониматься как права третьего поколения, где выделяются особые права, или как права отдельных групп (будь то инвалиды или женщины, этнические или религиозные меньшинства). Также рассматривается подход, который говорит о коллективных правах как об исключительно форме реализации прав и индивидуальном характере всех прав.

Ключевые слова: права человека, коллективные права, индивидуальные права, либерализм.

Abramova Maria O.,

Senior lecturer of Faculty of Philosophy
National Research Tomsk State University,

Tomsk, Russia

E-mail: abra@yandex.ru

THE POSSIBILITY OF COLLECTIVE RIGHTS: APPROACHES IN SOCIAL PHILOSOPHY

Abstract. The article is devoted to understanding the concept of collective rights in social philosophy. Assuming human rights the central concept of liberal theory, the emergence of collective rights is seen as the transformation of the concept from classical to modern concepts of liberalism. The ambiguity of the concept of "collective rights" is underlined. It can be understood as the rights of the third generation, where special rights are singled out, or as the rights of individual groups (be they disabled or women, ethnic or religious minorities). An approach is also being considered that speaks of collective rights as solely a form of realization of rights and the individual character of all rights.

Keywords: Human rights, collective rights, individual rights, liberalism.

Понятие «права человека» будь то философская концепция или же правозащитная практика содержит в себе значительное число противоречий. Одно из них заключается в том, что словосочетание «права человека» будто бы диктует, кто является носителем, обладает правами и свободами. Ответ: человек. Однако история возникновения концепции прав человека, ее трансформация во времени показывает, что ответ на данный вопрос во все не является тривиальным. Более того, само понятие «человека» не является неизменным и однозначно понимаемым.

Идеи, так и или иначе соотносящиеся с данной концепцией, уходят корнями в древнекитайскую, древнегреческую философии, особенности римского права. Однако ее становление приходится на эпоху Просвещения и связано с появлением идей классиче-

ского либерализма, а развитие – с концепциями современного либерализма. Хотя сам либерализм не является единой и цельной теорией, имея достаточное число течений и направлений, именно в центре либерализма находится человек и идея личной свободы, на которой и базируется представление о правах человека.

Теоретики классического либерализма такие, как Джон Локк, Адам Смит, Дэвид Юм, Гэлбрейт Спенсер и др., и первые законодательные акты (например, Билль о правах, принятый и ратифицированный в США в 1791 г., Французская декларация прав человека и гражданина и пр.), провозглашая права и свободы человека, утверждали естественное обладание такими правами и свободами для всех людей. Однако под понятием «человек» понимались лишь белые мужчины, граждане, не ниже среднего класса, а исключались – люди, находящиеся внизу социальной лестницы – бездомные, нищие, рабы и индейцы в Америке, а также женщины и дети. Таким образом, «все люди» в данном случае – лишь часть общества, причем меньшая.

В современном либерализме происходит как увеличение перечня прав человека, их переосмысление, так и расширение числа социальных групп, на которые эти права распространяются. Теперь права человека мыслятся как принадлежащие всем людям без исключения только по праву рождения и без каких-либо иных условий, их называют всеобщими и универсальными. Более того, идет дальнейшее (пусть и дискуссионное) расширение групп, обладающих правами человека, например, на еще нерожденных людей (может ли и с какого момента эмбриона можно считать человеком, а значит и имеющим права человека?) и даже животных.

Если изначально для либеральных теорий было принципиально важно поставить во главу угла признание индивидуальной свободы каждого отдельного человека вплоть до крайнего индивидуализма, то позже как в теории, так и в практике появляется представление о коллективных правах, носителем которых выступает не отдельный человек, а общество, коллектив, народ.

Дискуссия о самой допустимости признания коллективных прав и их сочетания/противоречия с правами индивида ведется несколько десятилетий. Хотя в целом преобладает позиция о том, что бессмысленно спорить с самим существованием данного вида прав¹, стоит указать на широкое распространение и наличие практик, порой противоречащих друг другу.

Мы можем обнаружить разные позиции относительно содержания прав как в теории, так и в практике правозащитной деятельности. Первая точка зрения состоит в представлении о коллективных правах как об особом, отдельном наборе коллективных прав, которые нельзя сводить к индивидуальным. К ним относят экологические или культурные, которые принадлежат не отдельным индивидам, а целым сообществам, народам и даже всему человечеству. Вторая позиция заключается в том, что коллективные права – это права отдельных групп (прежде всего, речь идет о меньшинствах, в т.ч. национальных, и наиболее уязвимых группах, такие как инвалиды). Речь может идти как об общих универсальных, так и специальных правах человека, принадлежащих данным группам: например, люди с ограниченными возможностями здоровья имеют те же гражданские, политические права, что и все остальные, а также право на то, чтобы их особые нужды

¹ См., например: Осипов А. Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? / Мультикультуризм и трансформации постсоветских обществ. М., ИЭА РАН, Институт философии РАН, 2002. С. 80–100.

принимались во внимание. И, наконец, есть мнение, что все права человека – это сугубо индивидуальные права, а так называемые «коллективные права», включая права меньшинств, должны быть сведены к индивидуальным. В этом смысле речь может идти о совместной, коллективной реализации прав человека, когда индивиды объединяются для их защиты, например, подавая коллективные иски в судебные инстанции. Другими словами, мы имеем дело с коллективным измерением универсальных прав. По сути, данный подход отрицает особую специфику коллективных прав, настаивая на изначальном индивидуальном характере всех прав человека. Рассмотрим теоретические основы каждой из выделенных позиций.

Теория трех поколений прав человека является, пожалуй, базовой, когда речь заходит о коллективных правах. Карел Васак, будучи юристом, директором отдела прав человека и мира ЮНЕСКО, ссылаясь на генерального секретаря ЮНЕСКО, предлагает рассматривать развитие концепции прав человека как в хронологическом, так и содержательном аспекте. Права человека первого поколения – «негативные». Их смысл в том, что государству запрещается что-либо делать с индивидуальными свободами и правами человека. Данные права относятся к гражданским и политическим правам. Второе поколение прав человека включает в себя социальные, экономические и культурные права. Среди этих прав – право на образование, медицинскую помощь, благоприятные условия труда и защиту от безработицы и т.д. Третье поколение прав получает название солидарных и отражает концепцию коллективной жизни. Сюда включаются права на развитие, благоприятную окружающую среду, на мир и доступ к общему наследию человечества. Карел Васак подчеркивает, что для их реализации требуются совместные усилия отдельных индивидов, государств и различных организаций¹.

Таким образом, в теории трех поколений коллективные права рассматриваются как особое поколение прав человека, которое включает отдельный список. Права первого поколения считаются базовыми или, иначе, фундаментальными: на них основываются и все остальные, без их соблюдения возможность отстаивать другие права и свободы человека очень ограничена. Само число базовых прав достаточно небольшое (у классиков либерализма конкретный список может несколько варьироваться, но в первую очередь, это права на жизнь, свободу, частную собственность). Число же прав второго поколения и третьего значительно шире. К тому же индивидуалистские права, касающиеся частной жизни отдельного человека, дополняются коллективными правами для целых групп. Но дело не только в простом количественном выражении и расширении носителей прав.

Появление такого широкого перечня прав человека принципиальным образом меняет и роль государства. Если для прав «первого» порядка не требуется особых ресурсов, и их выполнение мало зависит от таких условий, как социально-экономическое положение страны, то для обеспечения позитивных прав невозможно обойтись без значительных материальных, финансовых средств, а также создания специальных социальных институтов, которые бы занимались предоставлением или организацией предоставления данных благ населению. Более того, конкретное наполнение прав зависит от уровня развития страны. В теориях классического либерализма государство представляет собой институт, который обеспечивает безопасность и защиту людей как от внешних угроз, так и от несправедливостей, которые люди могут причинять друг другу. Для обеспечения же позитивных

¹ Vasak K. A 30-year Struggle. The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier, 1977. Nov. p. 29.

прав человека государству невозможно оставаться пассивным институтом. В современном либерализме государству предписывается осуществление активной деятельности по обеспечению граждан определенными благами, прежде всего, в области социальной политики для реализации социальных, экономических, культурных и экологических прав. Если в классическом либерализме перераспределение благ осуществляется в результате заключенных соглашений и договоров и не включается в содержание общественного договора, то в современном либерализме эта задача решается через законодательство. Государство, становясь основным инструментом для удовлетворения запросов граждан, превращается в государство всеобщего благосостояния (welfare state).

Одновременно это определяет и сложность правоприменительной практики как второго, так и третьего поколений прав человека: для данных прав сложно, а для некоторых из них вообще невозможно на сегодняшний день установить всеобщие и достаточно жесткие стандарты, как это сделано для прав фундаментальных. Содержательное наполнение прав второго и третьего поколения зависит от ситуации в конкретном государстве, и, соответственно, представления о данных правах сильно варьируются. Поэтому многие общепризнанные международные организации мало работают с данными правами¹. Например, право на достойный уровень жизни, относящееся к правам второго поколения, не может одинаково пониматься в европейских странах и странах т.н. третьего мира, как собственно существует дифференциация и между европейскими странами. Аналогично и правом на благоприятную окружающую среду, требования к которой отличаются в различных обществах.

К тому же права третьего поколения сложно считать исключительно коллективными. Так, если рассматривать такое право, как доступ к культурному наследию, называемое Карелом Васаком коллективным, то очевидно, что оно может и должно реализовываться и на индивидуальном уровне. Хотя одновременно подчеркивается, что степень пользования данным правом должна различаться у «хранителей» культурного наследия, сообществ, считающих культурное наследие неотъемлемой частью жизни, ученых и художников и широкой общественности².

Достаточно распространена позиция и о том, что коллективными правами следует считать права отдельных групп. Здесь называются права таких больших категорий, как дети, женщины, инвалиды и др., а также малых, в первую очередь, этнических меньшинств. Внимание ряда теорий современного либерализма направлено на проблемы и защиту прав меньшинств в обществе, групп, которые занимают неравное положение на культурном рынке, в социально-экономическом пространстве по сравнению с преобладающим большинством.

Одновременно обнаружить перечень особых прав отдельных категорий людей сложно. Скорее, мы имеем дело с универсальными правами применительно к конкретной ситуации или требованиями дополнительных, особых гарантий их защиты³. В этом

¹ Юров А. Введение в концепцию прав человека // Курс «Права человека»: учеб. пособие / [сост. В. Карастелев]. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. С. 8–44.

² Report of the independent expert in the field of cultural rights, Farida Shaheed [Electronic resource] / General Assembly. Rights Council. 21 March 2011. Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G11/122/04/PDF/G1112204.pdf>. (дата обращения: 15.05.2017).

³ Осипов А. Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультуризм и трансформации постсоветских обществ. М., ИЭА РАН, Институт философии РАН, 2002. С. 80–100.

смысле можно говорить о двух принципах справедливости, выделяемых Джоном Ролзом. Первый заключается в том, что «каждый человек имеет равное право на максимально широкую систему равных основных свобод, совместимых с аналогичной системой свобод для всех»¹. Второй – «социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших, в соответствии с принципом справедливых сбережений, и (б) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей»². Так, когда речь идет о женщинах, скорее имеется в виду требование равенства с мужчинами и недопущение дискриминации по гендерному признаку. Или, когда речь заходит о людях с ограниченными возможностями, подчеркивается необходимость дополнительных усилий для обеспечения доступности и тем самым – реализации для данной группы всеобщих прав.

Что касается прав отдельных народов, то ряд исследователей данные права фиксируют как коренным образом отличающиеся от всех остальных и являющиеся на самом деле коллективными³. При этом отмечается, что вряд ли хронологически данные права могут относиться к третьему поколению, ведь провозглашение права народа на самоопределение фиксируется еще в Декларации независимости США 1776 года, а во Французской декларации прав человека и гражданина 1789 года утверждаются право на сопротивление угнетению и нация как источник суверенной власти⁴.

Внимание к коллективным правам усиливается с конца холодной войны века в связи с ростом числа этнических и межнациональных конфликтов (один из примеров – Югославия и конфликты на территории бывшего СССР). Именно тогда вопрос прав меньшинств актуализировался и стал доминировать в международной повестке⁵. Один из документов, касающийся прав этнических меньшинств, – Декларация ООН о правах коренных народов, принятая в 2007 году. Данный документ фиксирует, как базовые права (на жизнь, физическую и психическую неприкосновенность, свободу и личную безопасность), так и права специфические. К последним относятся права на самоопределение, на соблюдение и возрождения культурных традиций и обычаев, развитие духовных и религиозных традиций, сохранение истории, языка, философии, письменности и литературы, собственные названия мест, общин, на земли и ресурсы, которыми народ традиционно владел, запрет на принудительное перемещение со своих территорий и пр.⁶

Признание специальных прав народов укрепляет этнические сообщества. Расширение численности этнических групп порой вызывается и тем, что сама по себе принадлежность к этническому сообществу становится основанием для получения конкретного, по-

¹ Ролз Д. Теория справедливости / Науч. ред. и пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. С. 267.

² Там же.

³ Варламова Н. В. Третье поколение прав человека? // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 9–19.

⁴ Там же.

⁵ Freeman M. The Philosophical Foundations of Human Rights [Electronic resource] // Human Rights Quarterly, Vol. 16, No. 3 (Aug., 1994), pp. 491–514. Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/762434>. (дата обращения: 15.05.2017).

⁶ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года / Организация объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 15.05.2017).

рой вполне ощутимого дополнительного ресурса. Среди известных примеров – значительное число «вспомнивших» свои корни индейцев в одном из штатов США после объявления налоговых льгот. К тому же данные права могут вступать в конфликт с правами других групп. Тем самым появляются и укрепляются дополнительные границы в обществе¹. Коллективные права призваны укрепляют этническую общность, но они же могут и способствовать росту национализма и процессов этнократизации.

Хотя существует позиция, что коллективные права согласуются с индивидуальными правами человека сами собой, взаимно дополняя друг друга, но мы можем отметить тот факт, что порой отдельные права народов противоречат реализации индивидуальных прав и наоборот. В мультиэтнических сообществах обнаруживаются неожиданные конфликты, примером чего являются споры во Франции о возможности ношения хиджабов в школах и других светских учреждениях и даже возможность ношения особых закрытых купальных костюмов на пляжах. В данном случае мы видим столкновение коллективных прав (право соблюдать этнические традиции и обычаи) и индивидуальных (равное положение женщин, которым не должно навязываться ношение определенной одежды в светском государстве)².

Позиция о том, что коллективные права состоят в возможности совместной, коллективной реализации прав человека достаточна понятна. Здесь речь идет о том, что универсальные права могут быть реализованы через коллективную форму. У отдельных индивидов есть возможности не только самостоятельной защиты своих прав, но и через подачу коллективных жалоб, коллективных исков в суды, а также право на защиту интересов посредством свободных ассоциаций, митингов и забастовок. Конституция Российской Федерации в 9 главе именно таким образом закрепляет коллективные права, провозглашая: «Государство признает за гражданами возможность реализации своих прав в коллективной форме»³.

При этом в документе отдельно прописываются права трудовых коллективов, профсоюзов, права потребителей, которые могут быть реализованы именно через коллектив. Последний рассматриваемый нами подход уходит корнями в идеи классического либерализма и заключается в том, что права человека могут рассматриваться и реализовываться исключительно на индивидуальном уровне. Данная позиция утверждает первичность человека по отношению к любому сообществу и коллективу. Человек обладает правами не потому, что принадлежит к какой-либо группе, а потому что он человек вне зависимости каких-либо аффилиаций. Права человека изначально утверждались как всеобщие и универсальные, данные человеку по праву рождения. Именно человек является носителем прав человека. При этом даже такое право, как право на забастовку, считается в рамках данного подхода индивидуальным, поскольку каждый человек индивидуально должен решить, будет или не будет в ней участвовать. Выраженность индивидуализма

¹ Дубровский Д. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики / Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О. Ю. Малиновой и А. Ю. Сунгурова. СПб.: Издательство Норма, 2005. С. 20–30

² Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Антропология прав человека: универсализм и релятивизм // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. СПб.: Издательство Норма, 2005. 272 с. URL: <http://strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=395> (дата обращения: 15.05.2017).

³ Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного Суда РФ и вступительной статьей / [вступит. статья: И. А. Александров]. - 8-е изд. Москва : ИНФРА-М, 2014. 207 с.

была настолько высока, что, например, в Декларации 1789 года свобода ассоциаций отсутствовала, как и любая иная форма коллективного права. При этом, несмотря на то, что сегодня коллективные права признаны, считается, что осуществление этих прав, в конечном счете, должно происходить исключительно индивидуально¹. Те же права, которые невозможно свести на уровень индивидов, вероятно, вовсе не являются правами человека и их стоит рассматривать в иных терминах.

Таким образом, концепция прав человека изначально основывалась на индивидуалистическом принципе. Со временем понимание, кто является носителем прав, менялось, число групп, которые могут обладать такими правами, расширилось до всех людей без исключения. Появилось представление о коллективных правах. Хотя содержание данных прав является предметом дискуссии, коллективные права являются признанной категорией. Можно обнаружить различные подходы, каждый из которых имеет свои слабые стороны: к содержательному наполнению коллективных прав через создание особого перечня прав, определение особых групп-носителей прав, и, наконец, отрицания коллективных прав в связи с тем, что все права принадлежат исключительно индивидам, а речь идет исключительно о форме реализации. Не настаивая на одном из содержательных определений, следует подчеркнуть, что при использовании понятия «коллективное право» как в теоретическом, так и практическом плане необходимым является четкое обозначение и сопоставление с иными терминами в каждом конкретном случае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. Серия «Современная философская мысль». М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 60 с.

Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года / Организация объединенных наций URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 15.05.2017).

Дубровский Д. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О. Ю. Малиновой и А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2005. С. 20–30.

Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного Суда РФ и вступительной статьей / [вступит. статья: И. А. Александров]: 8-е изд. М.: ИНФРА-М, 2014. 207 с.

Осипов А. Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? / Мультикультуризм и трансформации постсоветских обществ. М., ИЭА РАН, Институт философии РАН, 2002. С. 80–100.

Ролз Д. Теория справедливости / Науч. ред. и пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. С. 267.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Антропология прав человека: универсализм и релятивизм // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. СПб.: Норма, 2005. URL: <http://strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=395> (дата обращения: 15.05.2017).

¹ Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. Серия «Современная философская мысль». М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 60 с.

Юров А. Введение в концепцию прав человека // Курс «Права человека» : учеб. пособие / [сост. В. Карастелев]. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. С. 8–44.

Report of the independent expert in the field of cultural rights, Farida Shaheed [Electronic resource] / General Assembly. Rights Council. 21 March 2011. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G11/122/04/PDF/G1112204.pdf> (дата обращения: 15.05.2017).

Vasak K. A 30-year Struggle. The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier, 1977. Nov. P. 29. (дата обращения: 15.05.2017).

УДК 304.5

Тарбастаева Инна Семеновна
младший научный сотрудник
отдела социальных и правовых исследований
Института философии и права СО РАН,
г. Новосибирск
E-mail: inna-tarbastaeva@yandex.ru

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. ХАРТНЕЯ

Аннотация. Впервые представляется оригинальная интерпретация коллективных прав американского исследователя М. Хартнея. Его концепция базируется на ценностном индивидуализме, при котором фундаментальное значение имеет сам человек, а сообщества ценны, поскольку способствуют его благосостоянию. Автор делает вывод, что в действительности существуют не коллективные, а групповые права, закрепленные за членами определенной группы. Также в статье рассматриваются особенности российского дискурса относительно коллективных прав.

Ключевые слова: российский дискурс, М. Хартней, ценностный индивидуализм, моральные права, юридические права, коллективные права, групповые права.

COLLECTIVE RIGHTS IN THE RESEARCHES OF M. HARTNEY

Tarbastaeva Inna S.,
Junior Researcher, Department of Social and Legal Studies
Institute of philosophy and law
Siberian branch of RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: inna-tarbastaeva@yandex.ru

Abstract. For the first time, the original interpretation of the collective rights of the American researcher M. Hartney is presented. His concept is based on value individualism, in which the person is of fundamental importance, and communities are valuable, as they contribute to his well-being. The author concludes that in reality there are not collective, but group rights, assigned to members of a certain group. Also in the article features of the Russian discourse on collective rights are considered.

Key words: russian discourse, M. Hartney, value individualism, moral rights, legal rights, collective rights, group rights.

Для российского научного сообщества тема коллективных прав является дискуссионной, в тоже время недостаточно изученной. Остаются без должного внимания важные вопросы, связанные как с теоретическими проблемами, так и с философским обоснованием значимости данных прав. Последнее кажется нам наиболее существенным, поскольку в основе любого правового института лежит определенная социально-философская концепция, объясняющая необходимость его функционирования, его пользу, миссию в общественном развитии. В отношении коллективных прав такой целостной концепции к настоящему времени не сложилось. Об этом прямо пишут и сербские исследователи¹. В тоже время надо отметить, что в зарубежном дискурсе концептуальному обоснованию значимости данных прав уделяется больше внимания. Отчасти это происходит потому, что коллективные права рассматриваются не как отдельно взятый институт, а в контексте теорий более высокого уровня. Так, У. Кимлика разработал концепцию права меньшинств в рамках крупной доктрины – либерального мультикультурализма². При этом он опирался на теорию справедливости Дж. Рольза, которая стала современной классикой в области прав человека³. Разработка концепции коллективных прав как части фундаментальных теорий общественного развития представляется верной и эвристически значимой исследовательской стратегией. Она позволяет увидеть именно ту специфическую роль данных прав в общей картине жизни человека, общества.

В российском же дискурсе обсуждение коллективных прав происходит несколько дистанцированно от доминирующих социальных, политических философских теорий. Акцент сделан на определении понятия самих коллективных прав⁴, проблеме их соотношения с индивидуальными правами⁵, практическому опыту в отношении коренных малочисленных народов⁶. Остается не до конца раскрытым теоретико-правовой вопрос, касающийся данных прав и корреспондирующей им ответственности. С точки зрения правоприменения в рамках позитивистского подхода, не ясно, каким образом коллективное образование, которое, по сути, состоит из множества отдельных индивидов, может выступать в качестве субъекта права⁷. Эти и другие важные вопросы волнуют российских исследователей, ответы на многие из них еще нуждаются в социально-философском осмыслении. Несмотря на значимость перечисленных положений, они все же относятся к частным теоретико-правовым вопросам и не затрагивают концептуальных оснований данных прав. Вместе с тем именно выстраивание философской концепции коллективных

¹ См.: Miodrag A. Jovanovic. Are There Universal Collective Rights? // Human Rights Review. 2010. Vol. 11. N. 1. Pp. 17–44.

² Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева; гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом гос. ун-та. Высшей школы экономики, 2010. 592 с.

³ Дж. Рольз. Теория справедливости / пер. с англ. В.Целищев, В. Карпович, А.Шевченко. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 532 с.

⁴ См.: Мирская Т. И. К вопросу о понятии коллективных прав // Государство и право. 2015. № 11. С. 95–100; Грачева Л. П. Категория коллективных прав как прав третьего поколения в зарубежных и российских исследованиях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. № 1. С. 24–30.

⁵ Дубровский Д. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики. / «Электронная библиотека «Гражданское общество» URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Dubrovskiy_ind.pdf (дата обращения: 08.09.2017).

⁶ Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.

⁷ Южанин М. А. Социально-правовая концепция «коллективных прав» этносов // Социология власти. 2012. № 1. С. 202–211.

прав должно предшествовать непосредственной разработке самого правового института. Другими словами, прежде всего, необходима социально-философская концепция коллективных прав, базирующаяся на фундаментальных теориях общественного развития, в том числе и политических, а затем возможно с помощью средств юридической техники оформить коллективную правосубъектность в существующий официальный формат правоотношений. В этом смысле отечественным исследователям было бы интересно подробнее ознакомиться с идеями зарубежных коллег, которые стараются рассмотреть данные права и их пользу для индивида, сообщества с точки зрения широкой философской перспективы.

В России наиболее известными работами являются труды крупных политических философов У. Кимлика «Современная политическая философия: введение»¹ и Ч. Тейлора «Мультикультурализм и политика признания»². Их мысли относительно групповых прав содержательно отражены в кандидатской диссертации И. А. Казниной³, а также в ряде других публикаций⁴. К сожалению, имеется немало зарубежных материалов, которые до сих пор не введены в научный оборот. В особенности, практически без внимания остался специальный выпуск «Канадского журнала права и юриспруденции» (1991 г.), полностью посвященный тематике коллективных прав. Хотя, безусловно, публикации, представленные в нем, составляют большую ценность для данной области исследования, и могли бы быть активно использованы для широкого обсуждения в российском научном сообществе. В частности, большую ценность могут представлять идеи американского современно-го ученого Мишеля Хартнея⁵.

В своей статье «Некоторые недоразумения в отношении коллективных прав» он предлагает достаточно оригинальную концепцию⁶. По его мнению, интерес к коллективным правам является результатом недавнего интереса к *ценностям сообществ*. Он пишет: «Большая часть энергии защитников коллективных прав ... уходит на аргументы моральной важности сообществ и обвиняя оппонентов в коллективных правах в отрицании какой-либо ценности для сообществ ... Некоторая часть этой энергии, вероятно, неуместна, поскольку мало, кто отрицает основную предпосылку о невозможности человеческого процветания без человеческих отношений и, следовательно, вне сообществ»⁷. Очевидно, что сообщества важны. Однако по какой именно причине? И М. Хартней отвечает: из-за их вклада в благосостояние отдельных лиц. Он называет это «ценностным индивидуализмом» («value-individualism»), то есть «только жизнь отдельных людей имеет конечную ценность, а коллективные субъекты получают свою ценность от их вклада в

¹ Кимлика У. Указ.соч.

² Taylor Ch. Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1992.59 p.

³ См.: Тюрикова И. И. Проблема защиты групповых прав в теориях либерального мультикультурализма // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7: Филос. 2011. № 3 (15). С. 140–143.

⁴ Казнина И. А. Концепция коллективных прав коренных народов через призму теорий либерального мультикультурализма (на примере саамов Норвегии): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – социальная философия. Северный (арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2013. 213 с.

⁵ Мишель Хартней является не только ученым, доктором философии, но и политическим аналитиком с большим опытом работы в крупных национальных центрах. В настоящее время преподает на факультете политологии Бостонского колледжа.

⁶ Hartney M. Some Confusions Concerning Collective Rights // Canadian Journal of Law and Jurisprudence. 1991. Vol. IV. N. 2. Pp. 293–314.

⁷ Там же. P. 297.

жизнь отдельных людей»¹. Противоположная ей теория – это «ценностный коллективизм» («value-individualism»): коллективная сущность может иметь ценность независимо от ее вклада в благосостояние отдельных людей. Автор убежден, что последняя позиция противоречит интуиции, и бремя доказывания лежит на любом, кто хочет ее защитить. Другими словами, «сообщества не имеют никакой ценности, кроме своего вклада в успешную жизнь своих членов (и, возможно, также не являющихся членами)»². Означает ли это, что отрицание групп как таковых? Здесь М. Хартней четко заявляет, что ценностный индивидуализм не подразумевает онтологический индивидуализм, мнение, что группы сводятся к своим членам³. Поэтому ключевой вопрос для него заключается в следующем: не в том, являются ли группы морально важными, а могут ли они иметь собственные права?

Исследователь интересным образом решает поставленную задачу, обращаясь к правовым теориям западной мысли. А именно к традиции, идущей от философии Канта, выделения моральных («moral rights») и юридических прав («legal rights»). В общем смысле первые вытекают из этической ценностной системы, а вторые являются результатом определенной правовой системы, подтверждаются уполномоченным юридическим органом, закрепляются в законах. В отечественной правовой доктрине подобное разделение практически не используется (за исключением закреплённой в законодательстве категории морального вреда), а в зарубежных исследованиях его широко применяют, в том числе и для решения частных отраслевых вопросов⁴. Как утверждает К. Кембел, современные философы-правоведы солидарны во мнении, что законные права должны основываться на моральных⁵.

М. Хартней считает, что дебаты по поводу коллективных прав возникают из-за неспособности разделять и обсуждать в отдельности эти два вида прав. И в своей работе он делает последовательный анализ: сначала коллективных юридических, а затем моральных прав. В первом случае он руководствуется теорией юридических прав В. Н. Хохфельда, согласно которой понятие «право» включает в себя четыре типа правовых отношений: право как свобода, как требование, власть и иммунитет⁶. Так, М. Хартней пишет: «Если хохфильский анализ юридических прав верен, то, когда мы приходим к вопросу о том, могут ли группы иметь юридические права, мы должны задать ряд различных вопросов: могут ли они быть бенефициарами (выгодоприобретателями) юридических обязанностей или агентами, на которых распространяются юридические обязанности ... или обладателями юридической силы, или юридического иммунитета»⁷. Хотя в самой статье автор подробно не рассматривает каждое выдвинутое положение, сама по себе постановка вопроса уже представляется эвристически значимой, поскольку снимает жесткое утверждение об обязательном наличии ответственности вслед за провозглашаемым правом.

¹ Там же.

² Hartney M. Some Confusions Concerning Collective Rights. P. 299.

³ Более того, М. Хартней, выделяя этнические, языковые и религиозные меньшинства как сообщества, отмечает, что и между самими группами есть существенные различия. См.: Там же. pp. 295.

⁴ Sen M. Legal Rights and Moral Rights: Old Questions and New Problems. Ratio Juris. Volume 9, Issue 2 June 1996. pp. 153–167.

⁵ Campbell K. Legal Rights. / The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), 2017. [online] Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/legal-rights/> [archived in WebCite] (accessed 18.06.2017).

⁶ Hohfeld W. N. Fundamental Legal Conceptions. New Haven: Yale University Press, 1919.

⁷ Hartney M. Some Confusions Concerning Collective Rights. P. 304.

Сам М. Хартней также не считает, что праву всегда корреспондирует ответственность. И в целом в западной философско-правовой мысли нет однозначного мнения на этот счет, ведутся дискуссии между авторитетными учеными ¹.

Итак, юридические права возникают в результате принятия уполномоченным лицом правового акта. На основании этого автор приходит к выводу, что коллективных юридических прав не существует. Почему? Поскольку отсутствует соответствующий закон, позволяющий группам являться носителями юридических прав. Здесь важно понять, что права, по его мнению, должны принадлежать именно всей группе в совокупности, а не ее отдельным членам. Таких нормативно-правовых актов, как утверждает исследователь, нет. Однако на вопрос, может ли когда-либо закон наделить группы юридическими правами, М. Хартней отвечает, «учитывая всеисилие юридических властей, безусловно, да»². Он приводит пример: независимо от того, подразумевает ли концепция канадского законодательства требования прав деревьев, ничто не мешает юридическим органам предоставлять такие права этому субъекту. Поэтому если мы предполагаем, что сообщества ценны и заслуживают защиты, то это становится вопросом юридической техники: решить, является ли предоставление юридических прав сообществам наилучшим способом достижения желаемой цели³.

Далее автор переходит к концепции коллективного морального права. Логика рассуждения здесь строиться следующим образом: нечто является коллективным, поскольку не способно удерживаться отдельным лицом. М. Хартней предполагает, что могут существовать «три обстоятельства, подразумевающие, что право не может быть индивидуальным: 1) когда в наличии коллективный объект права; (2) когда интересы, защищенные правом, являются коллективными; (3) когда осуществление права является коллективным»⁴. Последовательно рассматривая каждое из них, он приходит к выводу, что ни одно данное обстоятельство не может быть не реализовано в рамках индивидуума. Например, не существует такого объекта, которым владеет исключительно сообщество как совокупность. Он пишет: «Поскольку справедливая система уголовного правосудия – это что-то, что может иметь только группа, а не человек, из этого следует, что люди не могут иметь никакого права на нее»⁵. Очевидно, что это не так, и каждый человек пользуется данной системой, хотя она и является общегосударственной.

Далее, хотя он признает наличие совокупного интереса («aggregate interest»), но считает, что он состоит из суммы интересов ее членов. Если бы он не индивидуализировался и был больше, чем совокупный, то входил бы в противоречие интересов большинства членов группы. Ученый пишет: «Имеет ли смысл говорить, что группа как таковая заинтересована в существовании и росте, хотя для большинства ее членов было бы лучше, чтобы группа прекратила существование?»⁶ Так, он доказывает, что у сообщества не может быть интересов, отличных от интересов ее членов. Какой бы коллективный интерес ни существовал, он вытекает из совокупного интереса отдельных лиц. И, наконец, непосредственное осуществление права также всегда является персонализированным.

¹ См.: Campbell K. Указ соч.

² Hartney M. Some Confusions Concerning Collective Rights. P. 307.

³ Там же.

⁴ Там же. P. 309.

⁵ Там же.

⁶ Там же. P. 300.

Следовательно, М. Хартней делает вывод, что концептуально нет моральных прав, принадлежащих коллективным образованиям¹.

По сути, он приходит к тому, что *индивидуальных прав* как механизма обеспечения защиты сообществ достаточно. При этом это не означает, что автор отрицает важность коллективных образований. Они значимы, поскольку способны улучшить благосостояние отдельных людей («ценностный индивидуализм»). Однако посредством коллективных прав – юридических и моральных – поддержать сообщества ему не представляется возможным. Казалось бы, как таковых самих коллективных прав, исходя из авторского анализа, не существует². Вместе с тем М. Хартней предлагает не полностью отказываться от идеи коллективной правосубъектности, а внести определенные коррективы. В частности, он предлагает развести, на первый взгляд, тождественные понятия – коллективное и групповое право. Первое принадлежит коллективным образованиям, а второе является правом, закрепленным за членами определенной группы. При этом сам автор убежден, что в действительности имеют место быть именно *групповые права*, то есть защита отдельных лиц в тех случаях, когда их благополучие зависит от идентификации себя в каких-либо сообществах. Ведь, по его мнению, не существует интересов, превышающих интересы конкретного человека. Как и права, которое бы служило интересами сообщества, а не интересам отдельных лиц. В конечном итоге, в концепции М. Хартнея фундаментальное значение имеет сам человек, а сообщества ценны, поскольку способствуют его благосостоянию. Таким образом, автору удается с одной стороны избежать полного отрицания правовой защиты коллективных образований, с другой определить правообладателя – члена сообщества. Именно он может иметь индивидуальные моральные права на сохранение и защиту своей группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грачева Л. П. Категория коллективных прав как прав третьего поколения в зарубежных и российских исследованиях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. № 1. С. 24–30.

Дж. Ролз. Теория справедливости. Пер. с англ. В.Целищев, В. Карпович, А. Шевченко Издательство: Новосибирск: Изд-во НГУ. Год: 1995. 532 с.

Дубровский Д. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики. / Электронный ресурс «Электронная библиотека «Гражданское общество» URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Dubrovskiy_ind.pdf (дата обращения: 08.09.2017)

Казнина И. А. Концепция коллективных прав коренных народов через призму теорий либерального мультикультурализма (на примере саамов Норвегии): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – социальная философия. Северный (арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. Архангельск, 2013. 213 с.

Мирская Т. И. К вопросу о понятии коллективных прав // Государство и право. 2015. № 11. С. 95–100;

¹ Там же. Р. 310.

² Поскольку нет объекта права, которым бы пользовались только сообщества, а не отдельные лица. Также не существует сверхгруппового интереса, превышающего интересы людей. И реализация права возможна посредством конкретных людей.

Тюрикова И. И. Проблема защиты групповых прав в теориях либерального мультикультурализма // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7: Филос. 2011. № 3 (15). С. 140–143.

Campbell K. Legal Rights / The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), 2017. [online] Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/legal-rights/> [archived in WebCite] (accessed 18.06.2017).

Hartney M. Some Confusions Concerning Collective Rights. Canadian Journal of Law and Jurisprudence. Vol. IV, No. 2 (July 1991), pp. 293–314.

Hohfeld W. N. Fundamental Legal Conceptions. New Haven: Yale University Press, 1919.

Miodrag A. Jovanovic. Are There Universal Collective Rights? Human Rights Review, Vol. 11, No. 1, 2010, pp. 17–44.

Sen M. Legal Rights and Moral Rights: Old Questions and New Problems. Ratio Juris. Volume 9, Issue 2 June 1996. pp. 153–167.

Taylor Ch. Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1992. 59 p.

УДК 341.1 + 341.234 + 342.7

Нансо Марьяна Бахсетовна
д-р юрид. н., профессор
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказской государственной
гуманитарно-технологической академии
г. Черкесск, Россия
E-mail: napso.maryana@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье актуализируется необходимость осуществления целенаправленной деятельности государства по реализации индивидуальных и коллективных прав. Раскрывается двойственная природа коллективных прав, которые защищают, с одной стороны, человека как представителя общности и носителя культурно-отличительных признаков, с другой – саму эту общность. Доказывается, что этнические права индивида могут быть обеспечены лишь при наличии эффективной защиты самой этнической общности. При этом коллективное право на сохранение культурной самобытности не должно означать обязанности для отдельных индивидов подчиняться культурным особенностям группы.

Ключевые слова: индивид, этническая общность, коллективные права, государство, идентичность, этнические права человека, права народов.

Napso Maryana B.

Doctor in Law, Professor of Dept. Civil Law Disciplines
at North-Caucasian State Humanitarian-technological academy
Cherkessk, Russia,
E-mail: napso.maryana@mail.ru

CORRELATION OF COLLECTIVE RIGHTS OF ETHNIC COMMUNITIES AND HUMAN RIGHTS

Abstract. In the article, the need to implement purposeful activity of the state on realization of individual and collective rights is actualized. The dual nature of collective rights that protect, on the one hand, a person as a representative of the community and the bearer of cultural and distinctive features, on the other - this very community is disclosed. It is proved that the individual's ethnic rights can be provided only if there is effective protection of the ethnic community itself. In this case, the collective right to preserve cultural identity should not mean the obligation for individual individuals to obey the cultural characteristics of the group.

Key words: individual, ethnic community, collective rights, state, identity, ethnic human rights, peoples' rights.

Весьма востребованное в наше время стремление сохранить себя как культурно-отличительную этническую группу может быть реализовано через совокупность коллективных этнических прав и в контексте прав человека. Нет сомнений, что право на существование в качестве самобытной единицы имеет как этническая общность в целом, так и отдельно взятый индивид. Однако абсолютно очевидным фактом является то, что возможности индивида в реализации этого права зависят от самого факта существования этнической общности как таковой, что в свою очередь обеспечивается наличием, объемом и реальностью осуществления прав этнической общности.

Взаимозависимость индивидуальных и коллективных прав имеет сложный характер. Согласно теории «третьего поколения прав человека» К. Вазака, это коллективные права – это самый поздний политический и правовой институт права человека, особые права, основанные на солидарности. Особость этих прав заключается в том, что «формулируемые по существу как индивидуальные «права солидарности» по определению могут осуществляться только коллективно, «посредством согласованных усилий всех факторов общественной жизни, т.е. индивида, государства, публичных и частных объединений и международного сообщества»¹. Основатель теории «третьего поколения прав» смог выявить две главные особенности коллективных прав: во-первых, их реализация требует совместных действий не только индивидов в силу их солидарности, но и государства, международного сообщества и т.д.; во-вторых, отдельно взятый человек участвует в реализации этих прав не просто как индивид, а в силу принадлежности к этнической общности.

Сущностная важность именно последнего обстоятельства особо активно отрицается противниками коллективных прав этнических общностей, предпочитающих уравнивать права народов с правами любого сообщества людей, объединенных на основании самых различных интересов. Но даже при беглом взгляде на примерный перечень этих прав – право на развитие, право на мир и безопасность, право на здоровую окружающую

¹ См.: Смирнова С. К. Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М. 2002. № 151. С. 21–22.

среду, права трудящихся-мигрантов и т.д. – становится очевидным, что права ассоциаций и права народов – явления более чем разнопорядковые: во втором случае речь идет о *естественно* сложившихся самоорганизованных обществах людей, объединенных общностью происхождения, территории, истории, системы ценностей, образа жизни и мировосприятия и в таковом качестве выделившихся среди других обществ. И в том, и в другом случае речь идет о праве индивида «свободно соединяться с другими людьми для достижения различных общественных целей», о его праве на «общественную свободу», в том смысле, что оно «осуществляется большим количеством лиц», имеющих в виду «удовлетворение интересов с помощью соединения с другими людьми»¹. Но в случае с правами народов следует принять во внимание, во-первых, тот факт, что этническая общность – это коллектив, объединенный в единое целое в силу своей природы, потому признаваемый отдельно взятым субъектом. Во-вторых, даже если отдельно взятый индивид реализует такого рода право посредством коллективных действий совместно с другими членами сообщества, воспользоваться результатами реализации этого права может лишь коллектив как таковой. Как видим, разница существенна. Однако следует признать, что права ассоциаций и права народов роднит два следующих обстоятельства, что и подчеркнул изначально К. Вазак. Во-первых, для их осуществления нужны коллективные действия и не только индивидов, непосредственно входящих в то или иное сообщество, группу. Во-вторых, этим коллективным действиям (и на этом основаны признанные правом концепции) предшествуют формирование группового самосознания, становление интересов, по мере развития которых формулируются и кристаллизуются коллективные права.

Итак, в случае с правами народов в частности и правами солидарности в целом ключевую роль играет фактор *коллективности*: именно он преобразует индивида, формирует у него новые интересы и потребности как члена общества, что требует дополнительного объема прав и свобод, связанных с обеспечением жизнедеятельности самого коллектива, частью которого и является индивид: «Именно коллективный элемент, проявившись в сфере определенной группы лиц, превращает данную группу в качественно новое образование – коллективного субъекта права. Коллективный элемент, в данном случае, привносит с собой некие общие цели, задачи, интересы, объединяющие эту группу». И предметом регулирования становится «специфическая группа общественных отношений..., характеризующаяся наличием коллективного элемента»².

Фактор коллективности, а именно такой его критерий, как формирование коллективных интересов и целей, выводит права народов за рамки конструкции прав человека, в пределах которой они длительное время рассматриваются. Следует согласиться с аргументацией М. П. Фомиченко в пользу тезиса о том, что имеющие качественно иные – в отличие от прав человека – свойства права народов «в принципе, невозможно обеспечить ... в рамках прав человека»: «Права народов – это особые коллективные права человека, связанные с его принадлежностью к определенной территориальной, политической и национальной (наднациональной) общности...; права, характеризующиеся возможностью их реализации только общностью; права..., определяющие положение этих общностей в мире (в государ-

¹ Свешников М. И. Очерк общей теории государственного права. СПб., 1896. С. 147–148, 164.

² Федосенко В. Актуальные проблемы института коллективных прав. URL: <http://www.msps.ru/?page=102&module=256&=41> (дата обращения: 31. 05. 2017).

стве) и создающие надежные гарантии для их сохранения, жизни и развития»¹. Таковы отличительные признаки прав народов. Последний из них, раскрывающий содержание прав народов, позволяет говорить о двойственной природе коллективных прав: они призваны защищать как человека (но именно в качестве члена общности и носителя культурно-отличительных признаков), так и саму общность, саму культуру. В таком контексте постановка вопроса о том, что субъектом права может быть и индивид, и общность, становится вполне логичной.

Поэтому, несмотря на справедливость замечания Н. И. Новиковой о том, что «некоторые права индивида могут быть защищены только через коллектив»², мы бы сказали, что сами этнические права индивида могут быть обеспечены лишь при наличии эффективной защиты самой этнической общности, чье полноценное развитие и обеспечивает воспроизводство ее культуры. И чем прочнее связь индивида с коллективом, тем в большей степени его личный статус зависит от статуса коллектива, а его самочувствие – от самочувствия коллектива. В случае с этническими сообществами эта взаимосвязь намного сложнее. Кроме того, положение индивида в обществе во многом определяется этническим статусом самой этнической общности: «Этнический статус... является важнейшей составляющей социального самочувствия человека. Низкий его уровень порождает чувство национальной ущемленности...»³. И тогда любые сложности в реализации индивидуальных прав обретают этническую окраску; нарушения или ограничения прав человека и гражданина воспринимаются как дискриминация в силу этнической принадлежности, а затем и как дискриминация этнической группы в целом вследствие ее низкого статуса, в том числе и правового. Кроме того, не следует забывать, что дискриминация, геноцид, этноцид и иные формы преследования и проявления неравенства и составляющие их действия направлены против индивидов не в их личном качестве, а как членов определенного сообщества и даже против самих этих сообществ. И это еще один довод в пользу коллективных прав: они могут быть, по справедливому мнению М. Д. Смыслова, нарушены в отношении как отдельно взятого индивида, так и общности в целом. В связи с этим многие ученые, определяя предназначение конструкции прав народов, в первую очередь говорят о защите от дискриминации, а затем об охране самобытности и особенностей национально-культурного развития, т.е. о необходимости «охранительно-оборонительного законодательства в сфере коллективных прав»⁴.

На наш взгляд, основная сложность, возникающая в связи с коллективными правами (и именно в этом смысле должна рассматриваться возможность противоречия индивидуальных и коллективных прав) это обеспечение в равной степени права индивида быть и не быть этнически выраженным, т.е. свободы выбора и отсутствия давления при

¹ Фомиченко М. П. Права народов в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. URL: <http://vak.ed.gov.ru> (дата обращения: 31.05. 2017).

² Новикова Н. И. Права человека и права коренных народов Севера России: гармония или антагонизм? // Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 54.

³ Майборода Э. Т. Коллективные права как основания этносубъектности // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О. Ю. Малиновой и А. Ю. Сунгурова. СПб. 2005. С. 233.

⁴ Смирнова С. К. Указ. соч.; Габоев А. Б. Защита прав и свобод человека – важнейший составной элемент при осуществлении государственной национальной политики // Государство и право. 2005. № 1. С.32.

его осуществлении. И эта проблематика активно и успешно разрабатывается в связи с реализацией прав меньшинств, особенно за рубежом. С одной стороны, индивид нуждается в защите своего общечеловеческого достоинства, которую обеспечивает политика равенства. Но, с другой, – он имеет столь же фундаментальную потребность быть признанными в качестве носителя особой идентичности. Поэтому, по справедливому утверждению Ч. Тейлора и У. Кимлика, политика равенства, которая подчеркивает значение индивидуума и равных прав, должна быть подкреплена политикой различий, целью которой является публично и легально дать каждому возможность сохранить свою культурную идентичность. Однако идентичность – свойство этнической общности, следовательно, она нуждается в еще большей защите. Есть и третья сторона: коллективное право на сохранение культурной самобытности не должно означать обязанности для отдельных индивидов подчиняться культурным особенностям этнической группы. Они должны иметь право разделять ее ценности или нет и выбирать, ценности какой культуры разделять. Итак, людям «нужно дать возможность жить такой жизнью, которую они считают приемлемой для себя, при условии, что это не вредит другим людям. Необходимо защищать их культуру, так как она обеспечивает выбор»¹. В Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств это право индивида удачно сформулировано: «Любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободного выбора рассматриваться или не рассматриваться таковым, и этот выбор или осуществление прав, которые связаны с этим выбором, не должны ущемлять данное лицо»². Однако такой выбор становится вообще возможен, как мы уже писали, лишь при условии сохранения самой этнической общности, ее культуры. Выбор же в пользу той или иной этнической идентичности во многом определяется их конкурентноспособностью, что напрямую зависит от наличия и реализации прав народов. Следовательно, *коллективные права можно рассматривать как правовой механизм обеспечения свободы выбора индивида в вопросах самоидентификации*, т.е. его индивидуальных прав. Именно в этом смысле, чтобы подчеркнуть *диалектическое единство* индивидуальных и коллективных прав, последние и сейчас можно рассматривать как «особую самостоятельную систему прав в структуре прав человека», но при этом, как пишет М. П. Фомиченко, следует признать, что «права народов, возникнув и развиваясь в рамках системы прав человека, оказались ограниченными ее пределами при решении проблем тех или иных общностей»³.

Защитить этноиндивидуальность человека, его право быть национально выраженным и разделять исконные ценности посредством только института прав человека в условиях глобализации становится все труднее. Главная причина заключается в том, что реализация индивидуальных культурных прав не позволяет сохранить уникальность самой культуры. Для этого необходима защита самих этнических групп как носителей самобытных культур, что требует установления соответствующих прав народов. Только это обеспечит реальное многообразие стилей жизни и придаст истинный смысл свободе выбора индивида в вопросах самоидентификации. С другой стороны, растущая индивидуа-

¹ Цит. по: Сенюшкина Т. А. Право на сохранение культурной независимости и новейшие тенденции в концепции прав национальных меньшинств // Ученые записки Таврического национального университета. 2006. Выпуск № 11 (45). С. 16.

² Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995). URL: http://www.portalus.ru/modules/internationallaw/data/files/na/Ramochnya_konv_po_zashite_nac_menshinstv/doc (дата обращения: 09.06. 2017).

³ Фомиченко М. П. Указ. соч.

лизация, социальная фрагментация повышают значимость механизмов социальной интеграции, ревальвируют ценности социальной солидарности, сплоченности, сотрудничества, т.е. того, что лежит в основе прав народов. Постепенно приходит осознание необходимости того, что индивид должен развиваться сообразно сложившемуся социальному и культурному контексту, а индивидуальные права и свободы – дополняться взаимной ответственностью отдельных индивидов, социальных групп, став органичной частью системы прав и обязанностей.

Изучение конституционно-правовых норм позволяет прийти к выводу о том, что право на непохожесть, право на различия, право на самобытность в современном праве обеспечивается посредством, главным образом, трех прав – права индивида на национальную принадлежность, права индивида развивать собственную культуру и пользоваться родным языком и права меньшинств (индивидуального и коллективного) на самобытность. Однако очевидно, что для сохранения и воспроизведения себя как этнической группы, обладающей специфической культурой, этого явно недостаточно. Необходимо признание и утверждение коллективных этнических прав, и в первую очередь права каждого народа на самобытность в значении права на различия.

В таком контексте изменение правовой конструкции прав человека, утверждение коллективных прав и необходимо, и возможно. Понятие «права человека» не является статичным и требует все новых определений по мере изменения самого мира. В рамках существующей конструкции очень сложно защищать интересы, жизненно важные не только для человека, но и для народов и всего человечества, а именно это сейчас и представляет особую актуальность. Закрепление новых прав в первую очередь будет связано с решением таких глобальных проблем, как борьба за мир, защита окружающей среды, совершенствование экономического миропорядка, сохранение культурного многообразия. Для их успешного разрешения необходимо объединить усилия индивидов, коллективов, групп, народов, государств, регионов – в условиях глобализации возможностей для этого неизмеримо больше.

Теперь стоит обратить внимание на доводы, приводимые против утверждения института прав народов. Рассмотрев множество воззрений по этому вопросу, приходим к выводу, что основная причина непризнания коллективных прав, прав народов, кроется в убежденности в том, что они способствуют расширению процессов этнизации, этнократизации, расширению националистических практик. Чаще всего приводят три главных последствия введения коллективных прав: 1) ущемление прав индивидов под предлогом защиты групповых прав, 2) установление зависимости социального статуса индивида от происхождения, 3) использование этой конструкции для получения преференций и все больших прав, которые, в свою очередь, могут быть использованы для изменения существующего положения¹.

Однако заметим, что коллективные права так и не утвердились в международном праве, а процессы этнизации, этнической мобилизации получают все большее и большее распространение. Следовательно, причины в другом. Во-первых, в традиционно сильной политизированности вопросов, связанных с этнонациональным развитием, в их прямой зависимости от совокупности геополитических, экономических интересов различных за-

¹ Осипов А. Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 80–100.

интересованных сторон. Во-вторых, в социальном, экономическом и политическом неравенстве и несправедливости большинства этнических общностей. Поэтому нельзя не согласиться с С. В. Соколовским: не сам институт коллективных прав народов чреват этнократическими издержками, а их отсутствие¹. Известно, что наибольшее развитие националистические, экстремистские, сепаратистские стремления получают в силу экономической, социально-политической отсталости, нестабильности, неравенства и несправедливости. Тезис о том, что в условиях, когда большинство этнических сообществ в наши дни влачат жалкое существование, возможен расцвет индивида, к ним принадлежащего, при соблюдении прав человека, звучит не совсем убедительно. Да и реальность свидетельствует об обратном: он невозможен без расцвета государства, в котором он проживает, общности, к которой принадлежит.

В-третьих, и с этим вынуждены согласиться даже противники концепции прав народов², невозможность в современных условиях утверждения коллективных прав кроется в неготовности и неспособности государств на нынешнем этапе их развития обеспечить права народов: ведь даже коллективные права в смысле коллективного измерения индивидуальных прав требуют не только активных коллективных действий индивидов, но и «пассивных» действий государства, чем обеспечивается доступ к общественно значимым благам и ресурсам. В случае с правами народов позитивные действия государства имеют особую значимость: государство определяет национальную политику, обеспечивает соответствующую ей правовую базу, предусматривающую механизмы реализации прав народов, среди которых первостепенную роль играют обязательства самого государства. Декларирование подобных прав лишено смысла, если государство не располагает ресурсами и политическими возможностями, которые могут быть гарантированно выделены для обеспечения этих прав.

Говоря о государственной политике, нельзя сбрасывать со счетов и следующее весьма важное обстоятельство – целенаправленное, последовательное нивелирование этнонационального, сужение сфер его действия. Известно, что характер правового регулирования социальных связей и общественных отношений определяется не только реалиями, но во многом характером *желаемых последствий*: тем, какими эти связи и отношения должны стать в результате их регламентирования тем или иным способом. Именно с этой точки зрения можно объяснить усеченную представленность коллективных этнических прав в нормативно-правовых актах: она возникла из стремления редуцировать разнообразие жизненных стилей, укладов до уровня туристической экзотики, разновидности товара, т.е. внешних атрибутов, до явления частной жизни. И это позволяет говорить, что, несмотря на наличие понимания важности коллективных прав, выбор сделан в пользу индивидуальных «этнических» прав. Опасность такого подхода заключается во всем известном этническом парадоксе: ущемление национального ведет к его ренессансу и, что представляет наибольшую опасность, – в его наиболее архаичных, националистических, экстремистских формах.

И, тем не менее, именно механизм государственно-правового обеспечения прав индивида и народов является самым перспективным. Говоря об отличительной особенности современного правового и социального государства, Е. А. Лукашева справедливо замечает,

¹ Соколовский С. В. Правосубъектность в международном праве // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции: сб. статей. Вып. 4. М., 1997. С. 69–70.

² Осипов А. Г. Указ. соч.

что она – в способности государства обеспечить все права человека, а это требует определенного уровня развития государства: «Права человека – показатель зрелости демократических и правовых основ государства, его «качества»... Права человека... – характеристика качества правового государства и гражданского общества, основанного на праве»¹. Это в полной мере относится и к реализации прав народов, но при этом следует заметить, что их осуществление в современных условиях – это, прежде всего, поиск компромисса между *возможностями* государств обеспечить коллективные права и свободы различных этнических общностей и их *растущими требованиями*, игнорировать которые становится все сложнее и опаснее. Поэтому сверхзадача современного государства – обеспечить реализацию этнических прав (индивидуальных и коллективных), признав последние действенным механизмом реализации первых, а человека – конкретной социально-этнической, а не абстрактно понимаемой сущностью.

На рассматриваемую проблему следует взглянуть и в ином ракурсе. Мы уже говорили об изрядной политизированности всего, что связано с этничностью. Нужно признать, что в такой же мере политизированы и проблемы прав человека и прав народов, причем реализация последних носит исключительно избирательный характер. Избирательный подход – признание и реализация прав народов лишь для ограниченного круга этнических сообществ – нашел отражение в международном праве и национальном праве многих государств. Отсюда и непрекращающиеся дискуссии по поводу субъекта прав народов. Мы предпочитаем говорить о народе как о субъекте прав народов в расширенном понимании: не только как этнокультурном сообществе, но и как гражданско-политической общности, и как населении определенной территории. И такой подход вполне правомерен: каждая общность складывалась как народ на основе преимущества той или иной идентичности – этнической, территориальной, гражданской. И наделять народы разными правами в зависимости от специфики их идентичности было бы, на наш взгляд, не совсем правильно. Для установления различий в объеме прав и свобод должны быть иные основания. Главное из них – ограниченность в силу объективных обстоятельств (малочисленность, проживание в экстремальных природно-климатических, экологических условиях, совершение актов исторической несправедливости и т.п.) возможностей для развития, сохранения культуры, реализации прав и свобод и их защиты.

Истинная проблема, на наш взгляд, в другом: в наличии у этнической общности реальной возможности иметь права и нести обязанности. И это не только вопрос наделения этнических общностей тем или иным объемом прав, т.е. не чисто юридический. Национальная правосубъектность есть единство объективного и субъективного признаков, при этом последний играет решающую роль. Тому доказательством служит множество современных «цветных революций»: идея, цель, направленная на достижение четко выраженных интересов, формирование народных масс, объединенных единой волей и единые действия. Естественным или искусственным путем (посредством известных политехнологий) запускается и идет процесс самоосознания, самовосприятия, формирования представления о себе посредством выделения себя из числа других этнических общностей и сравнения с ними.

Национальная правосубъектность предполагает наличие развитого национального самосознания и сформированных этнонациональных интересов. Появление последних,

¹ Гражданское общество, правовое государство и право («круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. 2002. № 1. С. 23–24.

как известно, возможно в условиях достаточно высокого уровня этносоциального развития и свидетельствует о достаточной прочности и развитости национальной жизни, национального самосознания. Таким образом, рассмотрение проблемы прав народов невозможно вне контекста этнонациональных интересов: выступая как субъекты права, этнические общности становятся субъектами правоотношений (реализуют те или иные права), достигнув определенного уровня этносоциального развития, имея развитое национальное самосознание и сформированные этнонациональные интересы. Следуя этой логике, можно прийти к выводу, что этнические общности реализуют те или иные права по мере своего развития, становления, а значит, могут быть наделены одинаковым объемом потенциальных прав. Возможна и иная постановка вопроса: претензии этнической общности на то или иное право ставятся в прямую зависимость от уровня ее развития. Фактическое неравенство народов и его объективный характер являются основным аргументом неприятия прав народов. Но заметим, что «права человека одновременно возникают и развиваются в различных регионах в соответствии с характером культуры, философии, религии, общественным мировоззрением, моралью, определяющими характер той или иной цивилизации»¹. И это разнообразие, а также наличие фактического неравенства между людьми не стало препятствием на пути установления неотъемлемых прав человека, равных по объему для всех. Более того, настоятельные требования мирового сообщества обеспечить демократию, правовое закрепление и соблюдение прав человека не всегда учитывают не только вышеназванные объективные различия, но и наличие реальных для того возможностей в той или иной стране. И при этом не принято говорить о зрелости того или иного общества, государства, их объективной готовности и способности, т.е. о том, доросли ли они в ходе *собственного внутреннего* развития до такого уровня правового обеспечения. Наоборот, говорят о том, что именно государство призвано нивелировать влияние объективных факторов неравенства посредством постоянного расширения возможностей для самореализации индивида.

На наш взгляд, применение аналогичного подхода необходимо и в решении проблемы коллективных прав этнических общностей: речь должна идти о целенаправленной деятельности государства по созданию благоприятных условий для этносоциального развития, укрепления национального самосознания, становления и реализации этнонациональных интересов посредством распространения принципов демократии на права народов. Наиболее эффективным способом обеспечения принципа национального равноправия является обеспечение баланса в триаде «индивидуальные права человека – коллективные права группы – права нации (народа)», поиск их оптимального сочетания как в международном праве, так и на уровне национального законодательства².

¹ Анохин Ю. В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. URL: <http://law.edu.gov.ru> (дата обращения: 25.06. 2017).

² Бондарь Н. С. Конституционное право как средство разрешения межнациональных конфликтов // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. Материалы научной конференции. М., 27–28 апреля 2000 г. М., 2001. С. 18–23.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005., 473 с.

Анохин Ю. В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): Автореф.дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007, 50 с.

Ахметшин Р. И. К проблеме третьего поколения прав человека (международно-правовые аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999, 168 с.

Глухарева Л. И. Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004, 568 с.

Пешперова И. Ю. Права национальных меньшинств и их защита в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). СПб., 2001, 160 с.

Попков Ю. В., Бойко В. А. Политико-правовой статус коренных народов Севера: на пути в мировую цивилизацию. Новосибирск, 1997, 52 с.

Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О. Ю. Малиновой и А. Ю. Сунгунова. СПб., 2005, 268 с.

Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. Е. А. Лукашева М., 2005, 464 с.

Стешенко Л. А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие ХХІ вв. М., 2002, 384 с.

Тузмухамедов Р. А. Право национальных меньшинств. Уфа, Вост. ун-т, 1996, 182 с.

Юрьев С. С. Правовой статус национальных меньшинств. М., 2000, 364 с.

Филиппов В. Р., Филиппова Е. И. Закон и этничность. М., 1998, 159 с.

Фомиченко М. П. Права народов в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007, 50 с.

Щербакова Н. В., Лукьянова Е. Г., Скурко Е. В. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции (Обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2004. № 11. С. 102–109.

УДК 323.1: 34 (470) (=511)

Шабает Юрий Петрович,

д-р ист. наук, проф., зав. сектором этнографии
Института языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН, Республика Коми
г. Сыктывкар, Россия

E-mail: shabaev@mail.illhkomisc.ru

ИДЕЯ ГРУППОВЫХ ПРАВ В ЭТНОПОЛИТИКЕ И В ИДЕОЛОГИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ФИННО-УГРОВ РОССИИ)*

Аннотация. В статье рассматривается идеология этнонациональных движений финно-угров России и роль концепта групповых прав в этой идеологии. Показано, что данный концепт есть инструмент, с помощью которого этнические антрепренеры пытаются обосновать и обеспечить политическое доминирование титульных этнических групп в республиках с финно-угорским населением. В качестве доказательства несостоятельности концепта групповых прав и его разрушительного потенциала делаются ссылки на мировой опыт этнополитики.

Ключевые слова: этничность, групповые права, нация, этнический национализм, права личности.

Shabaev Yuri P.,

Dr., Prof. The Head Department of Ethnology/Anthropology
Institute of Language, Literature and History

Komi Science Centre Russian academy of Sciences Komi Republic
Syktyvkar, Russia

E-mail: shabaev@mail.illhkomisc.ru

THE IDEA OF THE GROUP RIGHTS IN ETHNOPOLITICS AND IN THE IDEOLOGY OF ETHNIC ORGANIZATIONS (EXAMPLE OF FINNO-UGRIC PEOPLES)

Abstract. The article examines the ideology of the ethnonational movements of the Finno-Ugric peoples of Russia and the role of the concept of group rights in this ideology. It is shown that this concept is an instrument by which ethnic entrepreneurs try to justify and ensure the political dominance of titular ethnic groups in the republics with the Finno-Ugric population. As evidence of the inconsistency of the concept of group rights and its destructive potential, references are made to the world experience of ethnopoltitics.

Keywords: Ethnicity, group rights, nation, ethnic nationalism, individual rights.

Этнический национализм, по меткому выражению чешского профессора Мирослава Хроха, во многих постсоциалистических странах «монополизировал роль фактора интеграции»¹. Идеология этнического национализма базируется на том, что основой нации является этническое сообщество, которое численно преобладает или именем которого названо соответствующее национально-государственное образование (титульная этниче-

* Статья подготовлена в рамках проекта ERA. Net RUS Plus программы №189 (CORUNO).

¹ Мирослав Х. От национальных движений к сформировавшейся нации // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 136.

ская группа). Об особой роли титульной этнической группы в формировании государственности прямо или косвенно сказано в конституциях 4 российских республик (Карелии, Коми, Удмуртии и отчасти Чувашии), в остальных практически полностью повторяется статья 3 Конституции РФ: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»¹. Попытки обосновать особую политическую роль титульных этнических групп в российских республиках и в других независимых государствах порождают идеи и политические практики, которые ограничивают гражданские права нетитульного населения. К таким практикам, в частности, относится лишение прав гражданства «некоренного населения». Первыми к такой практике прибегли национал-социалисты в Германии. В 1935 г. были приняты нюрнбергские расовые: «Закон о гражданстве рейха», «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести». Первый из них вводил различие между «гражданами рейха» и «принадлежащими к государству». Граждане рейха должны были документально подтвердить, что в их жилах течет немецкая кровь, ибо только они могли пользоваться политическими правами в том объеме, в котором эти права существовали в Третьем рейхе. В 1990-е гг. политику лишения и ограничения прав гражданства взяли на вооружение власти Эстонии и Латвии, которые ввели в юридическую практику такую новацию как выдачу паспортов неграждан части жителей этих стран, не принадлежащих к титульной группе и имеющих мигрантское происхождение². Надо, отметить, что попытки ограничить права гражданства представителей отдельных этнических и конфессиональных групп имели и имеют место также в Малайзии, Шри Ланке, Мьянме.

В России в начале 1990-х гг. в республиках с финно-угорским населением также выдвигались идеи законодательного закрепления республиканского гражданства и введения ценза оседлости. В документах этнических организаций российских финно-угров и съездов АФУН (Ассоциации финно-угорских народов России) содержится также требование обеспечить «коллективное политическое представительство» этих народов в республиках, где они являются титульными этническими группами³. На этой основе на I съезде АФУН выдвигалось предложение реформировать республиканские парламенты и создать в них этнические палаты, которые бы полностью состояли из представителей титульных этнических групп, т.е. формировались по «принципу крови» и повторяли уже отвергнутую расовую практику ЮАР в эпоху апартеида⁴.

Для идеологии этнических движений в России ключевым элементом является прямое противопоставление этничности гражданству и понимание национальности не как принадлежности к нации, а только как этнической категории. «В этническом национализме, «национальность» становится синонимом этничности, – пишет Лия Гринфельд, – а национальная идентичность часто понимается как отражение или осознание «примордиальных» или наследственных групповых характеристик, компонентов этничности, таких как язык, обычаи, территориальная принадлежность и физический тип». В идеологическом плане этнический национализм опирается на идею нации-этнуса. Ориентированные

¹ Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2016. С. 3.

² Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В. В. Полещук, В. В. Степанов. М.: Наука, 2013. 407 с.

³ Шабаетов Ю. П., Чарина А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России: (этнополитический анализ). СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т сервиса и экономики, 2010. 308 с.

⁴ Greenfield, Lian. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, London: Harvard University Press. 1993. P. 2.

на эту идею политические менеджеры воспринимают территориальные сообщества не как горизонтальную социокультурную структуру, а как иерархию культурных групп, ибо «правом» представлять «нацию» в их понимании обладает лишь титульное этническое сообщество. В советской трактовке все территориальные сообщества, которые сформировались в национальных республиках, рассматривались как социалистические нации, а их основой, как сказано выше, были коренные (титульные) народы. Большевики изначально сделали ставку во внутренней политике на доктрину этнического национализма. Эта доктрина базировалась на двух ключевых положениях: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным национально-государственным образованием; 2) в рамках собственного государственного образования данная группа получала статус «коренной», а все остальное население относилось к «некоренным» народам. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции в своем национально-государственном образовании¹.

Этнический национализм и сегодня активно проявляет себя как в идеологии этнических организаций², так и в региональной политике, поскольку региональные модели этой политики на практике в качестве приоритета избирают не интеграционную модель развития местных сообществ, а реализуют идею последовательной демонстрации отличительности групп и символического маркирования культурных границ между ними.

Существенным недостатком многих концептуальных разработок в сфере этнонациональной политики является их ориентация на идею групповых прав. В идеологии этнонациональных движений идея групповых прав вообще является одной из ключевых.

Этнические антрепренеры настойчиво заявляют, что права меньшинств, права этнических групп должны быть первичны по отношению ко всем другим правам. В лучшем случае они говорят о «правильном сочетании» групповых прав и прав личности. Права этнических групп, согласно данной трактовке, могут быть только коллективными правами, ибо культурная самобытность есть коллективное свойство. Сохранение этой самобытности, по их мнению, возможно только через некое «этническое самоопределение». Здесь следует согласиться с мнением В. Филиппова, который подчеркивает: «практически все специалисты в области юридической антропологии, признающие приоритет прав личности по отношению к правам каких бы то ни было социальных групп, солидарны во мнении о том, что групповое этническое самоопределение – не более чем ситуативный политический лозунг, не имеющий никакого отношения к праву как таковому»³.

Действительно, серьезный анализ показывает, что групповые права – это не юридическая норма, а политический миф, ибо нет приемлемых для всех механизмов реализации таких прав и все политические и культурные права – это, прежде всего, права личности. В том случае, когда речь идет о правах меньшинств или этнических сообществ мы имеем виду не некие абстрактные социальные сообщества или статистические группы, а подразумеваем лиц, принадлежащих к данным меньшинствам и их ясно выраженную индивидуальную волю принадлежать к группам меньшинств и реализовать свои личные культурные или экономические интересы в рамках данных групп.

¹ Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики//Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993. С. 8–40.

² Шабает Ю.П., Чарина А.М. Указ. соч.

³ Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003. С. 132.

Более того, конструкция коллективного права такова, что она может быть выражена только в категории общего интереса, который проявляется в результате организованного и идеологически оформленного действия. А значит это, прежде всего, политическая конструкция. Права личности в данном случае оказываются вторичными и подчиненными правам некой обезличенной организации.

Весьма распространенная в этнополитическом дискурсе проблема защиты прав национальных (этнических, расовых, религиозных) меньшинств трактуется, к примеру, как проблема защиты неких коллективных образований, чьи интересы выражают отдельные лидеры. При этом упускается из виду принципиальный момент, о котором сказано выше и который касается того, что речь должна идти об интересах лиц, принадлежащих к меньшинствам и только об этих интересах. В этой связи весьма показателен венгерский закон 1993 года «О правах национальных и этнических меньшинств», который прямо предполагает защиту только индивидуальных прав лиц, принадлежащих к меньшинствам.

Рассматривая законодательные нормы, которые базируются на идее коллективных прав, мы совершенно определенно обнаруживаем в них отсутствие именно коллективного права. Обладание некими политическими, экономическими или культурными правами оказывается возможным лишь в результате личного выбора и частного интереса. К примеру, возможность участвовать в формировании саамских парламентов в странах Скандинавии появляется у граждан этих стран лишь тогда, когда они добровольно и в частном порядке заявят о своей принадлежности к саамским сообществам и проявят стремление к тому, чтобы быть внесенными в списки народа саами, которые одновременно являются и списками избирателей названных парламентских институтов¹. Получать доход от эксплуатации земель на Аляске, где после принятия в 1971 г. Акта о разрешении земельных требований коренных жителей Аляски, коренным аляскинцам передавалось в пользование 12% территории штата Аляска², представители этой культурной группы могут лишь став членами ассоциаций коренных аляскинцев, т.е. проявив личное желание считать себя членом этнических сообществ. Земля сообществ есть общее достояние, но доходы от нее есть индивидуальная рента. Российский закон о территориях традиционного природопользования коренных народов также предполагает индивидуально подтверждаемое право пользования территориями, которые включены в систему традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока³. Иными словами, любой законодательный акт, основанный на концепте коллективных прав, на деле не может обойти понятие личных прав представителей этнического сообщества. Если же в законодательном акте упускается из виду проблема прав личности, то законодательный акт приобретает характер не закона или конвенции, а декларации, т.е. документа, который носит преимущественно политический характер, ибо говорит лишь о принципах, а не о механизмах реализации прав.

Закон должен базироваться на четком понимании того, что представляет собой субъект права. В случае с этническими (и расовыми) сообществами такого четкого пони-

¹ Steinlien, Oystein. The Sami Law: A Change of Norwegian Government Policy Toward the Sami Minority? // The Canadian Journal of Native Studies. 1989. Vol. 9, no. 1. pp.1–14.

² Беликович А. В. Арктика: земля и люди. Анализ земельной политики северных государств по отношению к коренным народам. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1995 (Труды НИЦ «Чукотка». Вып. 3). 113 с.

³ Горбунов С. Н., Задорин М. Ю. Коренные народы и устойчивое развитие. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 358 с.

мания быть просто не может, ибо границы этнических (расовых) сообществ весьма условны, размыты, а многие представители этнических групп в полиэтнических (миграционных) государствах имеют множественную этническую идентичность (т. е., к примеру, ощущают себя одновременно и русским, и евреем или русским, евреем и поляком одновременно и т. д.). Часто граждане таких государств вообще не используют этнические маркеры, а называют себя американцем, россиянином, бразильцем, т.е. для них существует только гражданская идентичность.

При этом стоит согласиться с еще одним очень важным принципом, который нельзя упускать из виду, когда дискутируется проблема коллективных прав этнических (или расовых) сообществ, а именно: «Субъект права должен не только иметь способность приобретать и реализовывать права своими действиями, но и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Условное или статистическое множество подобными свойствами не обладает, и речь может идти только о фикции»¹. Иными словами, применить судебные санкции против коллективного субъекта права нельзя (как, например, можно оштрафовать народ в целом).

Таким образом, как только упускается личностный аспект защиты интересов и прав, проблема теряет правовое значение и приобретает значение политического инструмента, с помощью которого отстаиваются интересы не абстрактных коллективов, а лидеров и элит, выступающих от имени группы. Тем не менее, представляется весьма справедливым мнение, что проблема соотношения прав личности и групповых прав на сегодняшний день окончательно не решена и в этом отношении справедливо замечание С. В. Соколовского об этой правовой коллизии: «Альтернатива «групповые права – индивидуальные права» остается серьезным теоретическим вызовом в современной теории международного права, а также в философии права и политики»².

Действительно, в международном праве концепт групповых прав присутствует и это является мощным аргументом для идеологов этнонациональных движений защищать названный концепт и широко использовать его в своих идеологических построениях. Наиболее часто в системе аргументации идеологов этнонациональных движений присутствуют ссылки на Конвенцию МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах». Финно-угорские народы понимаются идеологами этнонациональных движений финно-угров как коренные, чьи особые групповые права защищены названной конвенцией³. Как подчеркивает один из активистов финно-угорского движения З. Строгальщикова, «в мае 1992 г. общественные организации финно-угорских народов провели в г. Ижевске (Удмуртия) свой I съезд, на котором создали общероссийскую Ассоциацию финно-угорских народов России и приняли Декларацию. Ее содержание основывалось на нормах проекта Декларации ООН о правах корен-

¹ Осипов А. Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. С. 443

² Соколовский Сергей. Терминология и концептуализация этнонациональной политики в конституционном праве РФ // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М.: Программа Сотрудничества ЕС и России (Тасис), 2004. С. 25.

³ Шабаев Ю. П., Садохин А. П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: DirectMEDIA, 2014. 409 с.

ных народов»¹. Поскольку однозначного толкования понятия «коренные народы» нет, постольку к таковым можно причислять многие этнические сообщества. Но ряд исследователей справедливо отмечают, что «фетишизации статуса «коренной» можно избежать, если обратиться к логике, которой руководствовались правоведы в своих усилиях защитить названную группу народов. А эта логика основывалась на том, что «специфика защиты прав коренных народов заключается в охране их образа жизни, укорененного в их мировоззрении и верованиях; все остальные права гарантируются стандартными нормами прав человека и прав меньшинств. Черты этого образа жизни хорошо известны – это экстенсивные формы хозяйствования, значительная часть которых может быть отнесена к присваивающим формам экономики (охота, собирательство, рыбный и морской зверобойный промыслы; с известными оговорками – оленеводство). Охрана образа жизни людей, которые вовлечены в экономику такого рода, неизбежно связана с охраной хабитата – среды обитания тех видов растений и животных, которые составляют основу возобновляемых ресурсов. Поскольку отнюдь не все люди, причисляющие себя к коренным народам, ведут подобный образ жизни, специфические нормы защиты прав коренных народов должны адресоваться лишь тем из них, кто вовлечен в эти виды хозяйственной деятельности, а также членам их семей, экономическое благополучие которых поддерживается теми же ресурсами»².

Важно заметить, что в Руководстве ООН, подготовленном Управлением Верховного комиссара по правам человека для коренных народов³, сам термин «групповые права» и дискурс группового права отсутствует, а проблематика защиты прав коренных народов сводится лишь к защите прав человека. В названном «информационном материале» лишь в одном случае упомянуто право на самоопределение, которое можно трактовать как некую форму группового права, но в действительности и право на самоопределение является производным от политических прав личности, ибо политическое самоопределение начинается именно на личностном уровне. Американский социолог Иммануил Валлерстайн полагает, что принцип самоопределения есть принцип индивидуальной свободы, который перенесен на межгосударственный уровень⁴.

Эксплуатация идеи коллективных прав этническими элитами вызвана еще и тем, что эти элиты ориентированы не на политические институты представительной демократии, а на традиционное господство, точнее на некоторые его характерные признаки, по поводу которых Макс Вебер замечал: «...Власть...патриархов, в своем чистом типе основывается на представлении властителей (товарищей) о том, что данный вид господства, хотя и вытекает из традиционного прирожденного права господина, тем не менее, существенно все равно основывается на явном товарищеском праве, и поэтому выражает их, товарищей, общие интересы, которые не могут быть присвоены единолично. Опреде-

¹ Строгальщикова З. И. Коренные малочисленные народы России в политике государства: формирование законодательства и его реализация в постсоветский период // Финно-угорский мир. 2008. №1. С. 51–52.

² Соколовский С. В. Правовой статус и идентичность коренных народов (по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 33. М.: Наука, 2007. С.48.

³ Руководство Организации Объединенных наций для коренных народов. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-raznoe/736480-1-publikaciya-rukovodstvo-organizacii-obedinennih-naciy-izdaetsya-upravleniem-verhovnogo-komissara-pravam-chelovek.php>.

⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. С. 152.

ляющим в этом случае является то, что при этом типе полностью все равно отсутствует личный («патримониальный») административный аппарат управления¹. Кроме того, этнические лидеры не случайно пытаются говорить о «коллективной включенности этносов» в политический процесс, ибо, в отличие от политиков, вынужденных апеллировать к интересам и позициям отдельных социальных страт и слоев, они апеллируют к культурному сообществу в целом, оставляя за рамками политической борьбы его социальную структуру. Как полагают некоторые исследователи, «можно вполне уверенно говорить о субкультурах, основанием которых являются особенности представления этнических групп в отношении должного и реального поведения акторов и политической системы»² и этнические антрепренеры тоже рассматривают свои группы именно как носителей особых политических культур. При этом, как подчеркивает известный американский специалист в области права Айрис Марион, вся аргументация сторонников особых прав этнических (расовых, религиозных и др.) групп строится на игнорировании общих интересов и общего мнения всего социального сообщества³, а интересы отдельной группы абсолютизируются.

Поэтому этнические антрепренеры в своих программных публикациях стремятся не только обосновать приоритет групповых прав над правами личности, но и активно используют в системе доказательств приоритетной роли титульных групп ссылки на международное право. Следует признать, что многие международные правовые акты страдают двусмысленностью, но при этом, ни один из них не провозглашает допустимость поражения в правах отдельной личности или конкурирующих этнических групп. В связи с этим в системе аргументации идеологов этнических движений допускается сознательная подмена понятий, когда личные права выдаются за «права народов». Типичным примером подобного рода подмены понятий служит статья нескольких авторов, в числе которых бывший многолетний председатель Консультативного комитета финно-угорских народов В.Марков и ангажированные этническими движениями исследователи, которые выдают себя за специалистов в области этнополитики. В публикации в частности заявляется: «В международном Билле о правах человека зафиксированы также права народов, в том числе коренных. В статьях 1 и 2 Всеобщей декларации прав человека говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. ...Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения»⁴. Внимательное чтение вышеприведенного текста показывает, что там и речи не идет о «правах народов», но для этнически ориентированных деятелей важно не найти доказательства, а заявить об их наличии. Впрочем, как международные правовые акты, так и российское законодательство, действительно, оперирует идеями группового права и в этом смысле риторика тех, кто апеллирует к этому праву,

¹ Вебер М. Традиционное господство // ПРОГНОЗИС. Журнал о будущем. 2007. №2(10). С.154.

² Дука А. Политическая культура – поиски теоретических оснований // Антропология власти. Том. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 107.

³ Marion, Iris Deferring Group Representation // Ethnicity and Group Rights/ed. by Ian Shapiro & Will Kymlicka. New York and London: New York University Press, 1997. P. 369.

⁴ Марков В. П., Попов А. А., Нестерова Н. А. Коренные народы (этнические меньшинства) в системе международного, национального и регионального права (на примере Республики Коми) // Идентичность и меняющийся мир (Материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов), г. Ханты-Мансийск, Россия 2008 г.). Сыктывкар: Министерство национальной политики РК, 2008. С. 11.

имеет основания. Известные западные исследователи Вилл Кимличка и Ян Шапиро подчеркивают, что есть целый ряд условий, которые питают аргументацию сторонников идеи групповых прав и делают саму идею столь обсуждаемой¹.

Возвращаясь к анализу принципа самоопределения народов, следует заметить, что это, на наш взгляд, единственная правовая норма, которая полностью «вписывается» в концепт групповых прав, ибо оно закреплено не за отдельной личностью, а за территориальным сообществом в целом. При этом самоопределение осуществляется в процессе АКТОВ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ, т. е. референдумов в ходе которых граждане в индивидуальном порядке высказываются за или против идеи самоопределения.

Право наций на самоопределение является отражением не ситуативного расклада, а фактического положения дел на протяжении всей истории, которая представляет собой череду процессов формирования и разрушения государств.

При этом важно заметить, что под нацией понимается не этническое, а гражданское сообщество. Между тем в России распространены идеи так называемого этнического самоопределения, сторонники которого рассматривают этнические группы как субъекты права. Но правом на самоопределение обладают лишь политически организованные территориальные сообщества, к которым и относится, к примеру, народ Республики Крым, но народ в целом, а не отдельные его этнические сегменты. Народы, осознавшие себя единым сообществом или нацией на определенном этапе своего развития, чаще всего начинали бороться за обретение какой-либо формы своего государственно-политического самоопределения. И, кстати процесс крымского самоопределения лишь завершился референдумом 2014 г., а его начало связано с проведением первого в СССР референдумом в январе 1991 г., когда крымчане практически единодушно проголосовали за возвращение полуострову статуса республики.

Принцип самоопределения народов исторически преобладает над принципом территориальной целостности государств и должен рассматриваться как первичный, поскольку базируется на приоритете прав человека и гражданина, а принцип нерушимости границ/суверенитета в этой связи будет трактоваться как вторичный. Такое соотношение определяется и самой дефиницией двух принципов. Принцип территориальной целостности по своему содержанию является лишь сложившейся практикой уважения государственных границ (совершенно не безусловной). В то же время как принцип самоопределения трактуется как право. Уважение, подразумевает, что то, что требует уважения, есть значимое явление, которое обязательно учитывается в политической и юридической практике, но не может быть абсолютным и безграничным. Право же подразумевает то, что есть изначально, оно первостепенно и его использование может быть ограничено лишь другим правом или отказом по собственному желанию от его реализации.

Вообще же проблема правового оформления этнополитики связана с множеством проблем, и это особо сложная сфера нормотворчества. До сих пор международные правовые акты этнополитического содержания страдают недосказанностью, неопределенностью некоторых положений, расплывчатостью исходных понятий. Российские законодательные акты также имеют аналогичные недостатки, которые усугубляются неустоявшейся правовой ситуацией в стране.

¹ Kymlicka, Will and Ian Shapiro Intorduction // Ethnicity and Group Rights / Ed. by Ian Shapiro & Will Kymlicka. New York and London: New York University Press, 1997.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беликович А. В. Арктика: земля и люди. Анализ земельной политики северных государств по отношению к коренным народам. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1995 (Труды НИЦ «Чукотка». Вып. 3). 113 с.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
- Вебер М. Традиционное господство // ПРОГНОЗИС. Журнал о будущем. 2007. №2(10). 154 с.
- Горбунов С. Н., Задорин М. Ю. Коренные народы и устойчивое развитие. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 358 с.
- Дука А. Политическая культура – поиски теоретических оснований//Антропология власти. Том. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 455 с.
- Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2016. 32 с.
- Марков В. П., Попов А. А., Нестерова Н. А. Коренные народы (этнические меньшинства) в системе международного, национального и регионального права (на примере Республики Коми) // Идентичность и меняющийся мир (Материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов), г. Ханты-Мансийск, Россия 2008 г.). Сыктывкар: Министерство национальной политики РК, 2008. С.11–17.
- Мирослав Х. От национальных движений к сформировавшейся нации // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. 379 с.
- Осипов А. Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. С. 443.
- Руководство Организации Объединенных наций для коренных народов. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-raznoe/736480-1-publikaciya-rukovodstvo-organizacii-obedinennih-naciy-izdaetsya-upravleniem-verhovnogo-komissara-pravam-chelovek.php> (дата обращения: 07.07.2017).
- Соколовский С. В. Правовой статус и идентичность коренных народов (по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 33. М.: Наука, 2007. С. 11–57.
- Соколовский С. В. Терминология и концептуализация этнонациональной политики в конституционном праве РФ // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М.: Программа Сотрудничества ЕС и России (Тасис), 2004. С. 13–27.
- Строгальщикова З. И. Коренные малочисленные народы России в политике государства: формирование законодательства и его реализация в постсоветский период // «Финно-угорский мир». 2008. №1. С. 48–96.
- Тишков В. А. Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993. С. 8–40.
- Тишков В. А., Шабает Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов, 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Издательство Московского университета, 2013. 376 с.
- Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003. 132 с.

Шаббаев Ю. П., Садохин А. П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: DirectMEDIA, 2014. 409 с.

Шаббаев Ю. П., Чарина А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России: (этнополитический анализ). СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т сервиса и экономики, 2010. 409 с.

Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В. В.Полещук, В. В.Степанов. М.: Наука, 2013.

Steinlien, Oystein. The Sami Law: A Change of Norwegian Government Policy Toward the Sami Minority? // The Canadian Journal of Native Studies. 1989. Vol. 9, no. 1. pp. 1–14.

Greenfield, Lian. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, London: Harvard University Press. 1993. p.2.

Kymlicka, Will and Ian Shapiro Introduction//Ethnicity and Group Rights/Ed. by Ian Shapiro & Will Kymlicka. New York and London: New York University Press, 1997.

Marion, Iris Deferring Group Representation// Ethnicity and Group Rights/ed. by Ian Shapiro & Will Kymlicka. New York and London: New York University Press, 1997. p. 369.

Раздел 2

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

УДК 34(075)

Ломакина Ирина Борисовна

профессор кафедры теории права и государства
Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ilomakina05@gmail.com

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РОДОВОЙ ОБЩИНЫ КАК СУБЪЕКТА ПРАВА)

Аннотация. Статья посвящена проблеме коллективной этнической правосубъектности в ретроспективе. Обосновывается, что содержание обычно-правовых отношений на субъектном уровне обуславливалось коллективистскими началами. Анализ социальной практики сибирских этносов показывает, что исторически родовая община представляла собой вполне самодостаточный этносоциальный и этноправовой организм. Делается вывод, что и в настоящее время она продолжает играть важную роль в общественной жизни многих народов, в частности народов Севера.

Ключевые слова: коллективные права, индивидуальные права, этнические общности, этнокультурное многообразие.

Lomakina Irina B.

Law professor Sankt-Petersburg University of aerospace instrumentation
Sankt-Petersburg, Russia
E-mail: ilomakina05@gmail.com

COLLECTIVE RIGHTS OF ETHNIC COMMUNITIES: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING

Abstract. The article is devoted to the problem of collective ethnic legal personality in retrospect. It is substantiated that the content of usual legal relations at the subject level was determined by collectivist principles. An analysis of the social practices of Siberian ethnic groups shows that historically the clan community was a self-sufficient ethnosocial and ethno-legal organism. It is concluded that even now it continues to play an important role in the social life of many peoples, in particular the peoples of the North.

Keywords: collective rights, individual rights, ethnic communities, ethno-cultural diversity.

Вопрос о субъектах правовых отношений является одним из наиболее сложных в теоретической юриспруденции, его интерпретация во многом определяется типом правового понимания. Абстрагируемся от целого ряда гипотез: позитивистских, постулирующих, что субъектом права является лицо, наделенное государственно организованным правом определенными правомочиями и обязанностями; естественно-правовых, декларирующих, что каждый человек является субъектом права ввиду того, что является носителем «разумных законов»; психологических, усматривающих субъекта права в психическом мире импера-

тивно-атрибутивных переживаний, эмоций; исторических, утверждавших, что субъектом права является человек (персона), носитель «народных убеждений», «народного духа».

Наряду с «народным духом» представители исторической школы права уделяли большое внимание наличию свободы у субъектов правоотношений. Г. Ф. Пухта по этому поводу замечал, что «...в силу свободы человек – субъект права. Его свобода есть фундамент права, все юридические отношения вытекают из не е. Так, уже в Ветхом завете правоспособность соединена с Богоподобием. Человек потому субъект права, что ему принадлежит вышеозначенная возможность самоопределения, что он имеет волю. Юридически свободным человек может быть при всяком выборе (как грешник, так и праведный) уже по тому одному, что ему свойственен выбор. Моральная свобода есть свобода от рабства грехов, юридическая свобода – возможность воли вообще»¹.

Трудно не согласиться с этим утверждением ученого, однако это лишь часть правды, так как возможность большого выбора таит в себе несвободу. Несвобода проявляется в бесконечном выборе тех или иных моделей поведения, которые всегда, так или иначе, ограничиваются «носом соседа». Свобода и несвобода, право и обязанность, справедливость и несправедливость всегда две стороны одной медали.

Из социальной обязанности и идеи солидарности выводил субъекта права Л. Дюги: «Правомочия субъекта принадлежат ему потому, – считал он, – что, будучи членом общества, субъект несет социальную обязанность и должен иметь право выполнить эту обязанность. Основания правовой нормы, обязательной для живущих в обществе людей, не следует искать в естественных, индивидуальных не погашаемых правах человека. Наоборот, лишь потому, что существует норма права, обязывающая всякого выполнять известную социальную роль, у каждого человека есть права, имеющие принципом и мерилom лежащую на нем миссию (миссию солидарности)»².

В работе «Социальное право. Индивидуальное право и преобразование государства» Л. Дюги критиковал юридическую конструкцию «субъективное право», как правомочие коллективного и индивидуального субъекта³. И. А. Покровский на этот счет, замечал, что далеко идущие выводы Л. Дюги отрицают наличие самого субъекта права⁴.

Отрицание субъекта права достигло своего апогея в марксистском теоретико-правовом дискурсе. Отталкиваясь от идеологических концептов об отмирании права в коммунистическом обществе (так как право есть лишь возведенная в закон воля господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями этого класса)⁵, об упразднении «буржуазной личности», «буржуазной самостоятельности» и «буржуазной свободы»⁶, а также от ленинской идеи отрицания всего частного в общественной жизни, советские теоретики права последовательно, в той или иной форме, стали отвергать идею субъективных частных прав⁷.

¹ Пухта Г. Ф. Энциклопедия права. Ярославль, 1872. С.8–9.

² Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 21.

³ Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право и преобразование государства. Лекции, прочитанные 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже / Пер. с франц. М., 1909. С.4–13.

⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права: 3-е изд., стереотип. М., 2001. С. 108–110.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.4. М., 1955. С.243.

⁶ Там же. С.439.

⁷ См., например: Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 184.

Ни в коем случае не уменьшая значение индивидуальных субъективных прав ни в теории права, ни в правовой жизни, отметим, что вне зависимости от формы существования человека (в индивидуальном или коллективном аспекте) именно субъект права является источником права, всех правовых ролей, всего правопорядка в целом. Субъект права порождает правовую материю, облачающую в свои покровы наиболее значимые сферы социальной жизни и самого себя. В связи с этим абсолютно прав С. И. Архипов, полагающий, что цели субъекта лежат не только лишь во внешней сфере, в чисто практических отношениях. Для субъекта права как творца не менее важна сфера его внутреннего правового самоопределения¹.

Наше исследование подтверждает, что право интересубъективно и вообще без субъекта существовать не может. Поэтому субъект права как индивидуальное, так и как коллективное существо (группа, общество) создает самого себя, свой внутренний правовой мир, свое правочувствование, правовидение, правопонимание и прочее. Значит, не бывает бессубъектного права, как не бывает ничьих прав и обязанностей. Права и обязанности составляют принадлежность субъекта. Следовательно, без субъекта они существовать не могут, и право, и обязанность должны быть непременно чьими-нибудь². Даже если они никак не проявляются, у вполне конкретного субъекта не означает их отсутствия.

А. В. Поляков и Е. В. Тимошина по этому поводу замечают, что право «живет» только в повседневном жизненном мире субъектов. «Этот мир является областью реальности, в которой человек принимает участие с неизбежной и регулярной повторяемостью. Взаимопонимание человека с окружающими его людьми возможно лишь в пределах общего для него и для других (то есть интересубъективного) жизненного мира, в котором происходит взаимодействие. Только в повседневном жизненном мире возможно конституирование общей среды коммуникации. Следовательно, жизненный мир повседневности есть особая реальность, свойственная лишь человеку. Но и право есть реальность, свойственная лишь человеку. Право, с одной стороны, есть антропогенная реальность (созданная человеком и существующая лишь в человеческой интерпретации), а с другой – независимая от него как от индивидуального социального субъекта»³.

Индивидуальный субъект не может быть просто индивидом (пресловутым Робинзоном). Он всегда возвышается до некоей целокупности. Свое индивидуальное «Я» человек познает через другого, через других, через сопоставление себя с другими людьми в процессе осуществления коммуникации, диалога.

Э. Фромм на этот счет метко заметил, что «по сути, все человеческие существа тождественны. Мы все – часть одного, мы все суть одного. Мы все одно, и, тем не менее, каждый из нас – неповторимая, уникальная сущность. Это противоречие повторяется в наших взаимоотношениях с другими людьми»⁴. Отсюда амбивалентность прав и обязанностей индивида и коллектива по отношению друг к другу, в какой-то одной или нескольких частях, а также в целом. Отсюда прорисовываются два уровня обычно-правовых отношений: индивидуальный и коллективный.

Индивидуальный уровень предполагает наличие двух или нескольких индивидуальных (персонифицированных) субъектов в правоотношении, где одна сторона реализу-

¹ Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 111.

² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 155.

³ Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: Учебник. СПб., 2005. С. 101.

⁴ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 139–140.

ет свои права, а вторая удовлетворяет ее правомочия (обязанности). Однако здесь всегда интенционально присутствует общество, так как только оно «устанавливает» и «признает» правила в качестве общеобязательных, а значит, только оно вправе требовать исполнения соответствующих долженствований с тех, кто их нарушил. Разнообразие средств общественного принуждения зависит от уровня развития общества и права, его характера (типа) и прочего.

Коллективный уровень предполагает наличие неперсонифицированных субъектов в правоотношениях, носителей коллективных прав и обязанностей и соответствующих коллективных интересов. Обращаясь к исходному периоду человеческого существования, следует констатировать, что носителями коллективных интересов в родовом обществе были все субъекты обычно-правовых отношений, в том числе и индивиды, не персонифицирующие себя в качестве отдельного лица (персоны). Их правосубъектность, или праводеееспособность определялась коллективом. Вид коллектива, его структура и форма организации отличались многообразием и изменчивостью и целиком определялись теми историческими условиями, в рамках которых этот коллектив функционировал.

Теоретический анализ демосоциальных (традиционных) структур сибирских народов показал, что формы организации первых социальных коллективов в процессе исторического развития не были статичными. Поэтому вопрос о том, какой коллектив доминировал здесь в правоотношениях (если под доминантностью понимать ту социальную группу, в рамках которой осуществлялось правотворчество и правоприменение) является непростым. Доминантность субъекта правоотношения определяется его и социальным, и экономическим положением.

Социальное положение определялось соответствующим престижем группы (умением защищать себя от военной угрозы соседей, от враждебных стихийных природных явлений, умением качественно воспроизводить здоровое потомство и проч.). Экономическая доминантность Г. В. Мальцевым определялась так: «...главным субъектом правоотношений является тот коллектив, который выступает в данное время основной экономической ячейкой в рамках автономно функционирующей культуры»¹.

Генетически первым и основным субъектом правоотношений на заре человеческой истории были родовые коллективы (родовые общины), которые лишь в процессе исторического развития перешли к новому территориальному типу общности (территориальным общинам), удовлетворявшему уже новые потребности². Лишь намного позже семья и индивид выделились из «родового тела» и приобрели относительно самостоятельный статус по отношению к коллективу и предкам, охраняющим это единство.

Поэтому не представляется бесспорной точка зрения Л. Крейдера о том, что монгольские и тюркские семьи изначально имели абсолютную правосубъектность³. Поскольку монгольские племена осуществляли основные виды хозяйственной деятельности сообща, например, коллективные охоты («зэгтэ аба») или военные походы, постольку их правосубъектность детерминировалась коллективом.

¹ Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., 1999. С. 37.

² Service E. R. *Origins of the State and Civilization*. N. Y., 1975. Pp. 50–96.

³ Krader L. *Social Organization of the Mongol Turcic Pastoral Nomads*. The Hague, 1963. Pp. 23–24.

Стало быть, лишь в процессе оформления развитого скотоводческого хозяйства и трансформации родовых организаций в соседские общины статус семьи как относительно самостоятельной хозяйственной ячейки возрастал.

Справедливости ради следует отметить, что выводы Л. Крейдера могут найти эмпирическое подтверждение в социальной практике некоторых народов, например, Огненной Земли – алакалуфов¹. У них, в силу скудности ресурсной базы и кочевого быта (они были рыболовами-кочевниками), экономической и правовой ячейкой была семья. Однако подобные примеры в истории встречаются редко. Поэтому представленная Л. Крейдером точка зрения вряд ли может претендовать на универсальность, так как представляет скорее исключение из правила, чем само правило.

Родовая группа в демосоциальных обществах выступает преимущественным, «привилегированным», тотальным субъектом обычно-правовых отношений. Поэтому рассмотрение коллективного статуса субъекта правоотношения должно предшествовать рассмотрению статуса индивидуального субъекта, которому в условиях родового общества отводится незначительная, вспомогательная роль лица, осуществляющего в основном пользование коллективными правами, принадлежащими роду, клану, семье.

Этот вопрос в контексте обычно-правовых отношений является ключевым. А. И. Ковлер не без основания пишет: «Для чего мы углубились в такие теоретические дебри, казалось бы, далекие от юриспруденции? Очевидно, для того, чтобы подчеркнуть: наряду с признанием важнейшей роли семьи, рода, как регулятора жизни человека, мы должны все же признать и определяющую в конечном счете роль общинных структур в качестве института социализации человека и источника основного массива регулирующих бытие человека норм. Именно общинная организация ... давала больше возможностей для развития индивидуальных черт в психологии и сознании человека»². И далее: «...у многих народов Сибири родовые отношения заменяются территориально-общинными лишь к концу XIX в. под влиянием русского торгового капитала, интенсивного роста имущественного расслоения»³. По сей день именно «родовая община продолжает играть важную роль в общественной жизни многих народов, в частности народов Севера, независимо от того, хотят это признавать или нет федеральные чиновники и некоторые исследователи»⁴.

Таким образом, признание за коренными народами особого правового статуса, отличного от статуса других народов, означает признание их права на традиционный образ жизни, в основе которого лежат этнические ценности, ценности свободы, заключающиеся в праве действовать в соответствии со своими этническими интересами. Признание же этого права со стороны доминирующего общества является, с одной стороны, цивилизационной необходимостью, так как его непризнание ведет к уничтожению их культур и маргинализации населения, порождает социальные, политические, экономические и прочие проблемы; с другой стороны, обедняет мировую цивилизацию, так как их опыт, то есть опыт локальных цивилизаций, может быть актуализирован в связи с поиском стратегической линии мирового развития.

¹ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 163.

² Ковлер А. И. Антропология права: Учебник для вузов. М., 2002. С. 144.

³ Там же. С. 144–149.

⁴ Там же.

Ведь мировая цивилизация – это не только модернизированный, а теперь уже и постмодернистский Запад и не мусульманский Восток, а матрица, аккумулирующая все культуры, в том числе и локальные традиционные (три четверти народов с самобытными культурами образуют современную цивилизацию). Решение сложных проблем современности невозможно без учета их своеобразной культуры и опыта их исторического развития.

Рассмотрим коллективный субъектный срез обычно-правовых отношений в традиционных сибирских обществах исторически, так как именно в этом срезе проявляется ярко выраженная групповая психология¹, обусловившая неразделимое единство рода, позже – этноса, народа.

Родовая община по многим основаниям представляла собой вполне самодостаточный этносоциальный и этноправовой организм со своей экономикой, хозяйственным укладом, собственной соционормативной, в том числе и обычно-правовой системой, обычно-правовой культурой, сохранявшей свою уникальность и пересекающейся с другими культурами лишь в случае необходимости. По отношению к внешнему миру родовой коллектив выступал как «целостное тело» с внутренней организацией.

Внутренняя организация базировалась на началах солидарности, стало быть, враждебные действия (внутренний сепаратизм) и внешняя агрессия понимались коллективным родовым сознанием как покушение на отторжение части от целого. В мифологии это нашло отражение в концептах «коллективного увечья», «родовой боли» и проч.

Правовая эмансипация индивида от коллектива («родового тела») на ранней ступени социогенеза была равносильна отделению от целого организма, его части. Семейные группы и индивиды мыслились как часть единого родового тела, представленного отдельными органами (руками, ногами, головой, туловищем и проч.). Функционирование каждого отдельно взятого органа невозможно без поддерживающей его организмической структуры (рода).

Внешние угрозы со стороны чужих коллективов по отношению к родовому коллективу мыслились как посягательства на жизнь каждого члена рода. Отсюда ликвидация агрессии понималась родовым сознанием в качестве уничтожения врага во имя сохранения «тела рода».

Этим объясняется пренебрежение членами рода индивидуалистическими правами, которые, по сути, и не представляли особой ценности в условиях, например, сурового (слишком холодного или жаркого) климата и малоэффективного присваивающего хозяйства.

Вряд ли в условиях родового быта какому-либо аборигену пришла бы в голову мысль о том, что у него мало свободы в западно-европейском (либеральном) ее понимании и надо любой ценой ее добыть, так как жизнь с такой свободой гораздо счастливее, чем без нее. В этой связи естественным средством, законом самосохранения являлся именно отказ от одних прав во имя обеспечения других, в частности права на жизнь в согласии с предками. Поэтому самыми страшными наказаниями были изгнание из рода и проклятие предков. Лишь вместе, коллективными усилиями можно было выжить в трудных условиях. Только род и обычное право рода обеспечивали главное право человека – право на жизнь, на свободу и равенство в их традиционном понимании.

Интересные на этот счет наблюдения высказал Ян Хогбин: «Аборигены Соломоновых островов говорят, что обязательства должны выполняться ради всей группы. Пренебрежение обязанностями ведет к расколу коллектива, утрате единства и способности

¹ Allott A. African Law. An Introduction to Legal Systems. London., 1968. P. 78.

сопротивления врагам. Опасность «раскола группы» – причина для того, чтобы люди уважали права друг друга и уступали в ссорах, не доводя дело до крайности. Я даже слышал разговор о том, что ради общей гармонии некто должен примириться с нарушением его прав и не мстить»¹.

Социальная практика сибирских этносов показывает, что практически все обычно-правовые институты носили в родовом обществе коллективный характер. Потеря члена рода расценивалась коллективным сознанием как ущерб общеродового значения. Поэтому род имел право на отмщение. В том же случае, если отмщение не могло быть совершено немедленно, ввиду слабости рода или важных хозяйственных, промысловых дел, то обиженная сторона должна была смириться и ждать того часа, когда род найдет возможным его осуществить.

Например, основанием отмщения у эвенков были факты случайного убийства на промысле представителя другого рода; захват женщин во время отсутствия мужчин; неудачное сватовство; агрессия (например, захват мест переправ оленей через реки на время промысла, во время голода, то есть борьба за обладание промысловыми местами; многократное унижение члена рода одной из сторон)².

Большое значение в традиционном родовом обществе имел институт брака, так как, помимо функций продолжения рода (несмотря на то, что эта функция была конституирующей), этот институт имел политическую направленность. Объединенный брачными узами союз двух родов скреплялся одновременно договором дружбы («андой»), согласно которому обе стороны обязывались к сотрудничеству и взаимопомощи. Нарушение договорных обязательств расценивалось как оскорбление и влекло юридическую ответственность, вплоть до военного нападения. При заключении брачного договора буряты обычно говорили: «Выбрали мы тебя не потому, что ты богат, и не потому, что ты хороший человек, а потому, что твой род хороший и честный», и обязательно авторитетный член рода в подтверждение этого приводил пословицу: «Дляковки лучшее железо выбирай, для родства хорошую породу ищи»³.

Таким образом, семья и индивид были поглощены родом и вне родового коллектива рассматриваться не могли. Включенность индивидуального интереса в общеродовую не порождала дуализма сугубо индивидуального и коллективного. Даже рождение детей рассматривалось родовым сознанием как общее событие.

В традиционных патриархальных обществах в случаях развода супругов дети оставались в роду мужа. Тот же императив действовал в случае ухода вдовы. Например, если вдова уходила из рода в свою семью, в свой род она могла взять с собой одну дочь. В этом заключалось ее право «на материальное содержание в старости».

Если она уходила из рода мужа в чужой род и выходила там повторно замуж, то она лишалась права на обеспечение со стороны своих детей вообще. Кроме того, ее новый муж должен был выплатить за нее калым родственникам умершего мужа. Если жив отец первого мужа, получает калым он, если он умер, то получает старший брат, если брата нет, то калым получают родственники. В том же случае, если вдова оставалась в роду мужа, то она имела право на получение родовой помощи в работах, услугах и про-

¹ Цит. по: Мальцев Г. В. Указ. соч. С.47.

² Увачан В. В. Обычное право эвенков в XVII – начале XX века. М., 2001. С. 89.

³ Петри Б. Э. Брачные нормы у северных бурят. Иркутск, 1924. С. 5–6.

чем. Вновь же родившиеся дети признавались детьми умершего мужа даже в том случае, если их отец был известен¹.

Очевидно, что род, будучи тотальным субъектом, в обычно-правовых отношениях имел преимущественные (абсолютные) права, что обуславливало его вмешательство во все жизненно важные процессы, в том числе и в процессы воспроизводства «тела рода». Род выступал главным субъектом в имущественных, политических, экономических, брачно-семейных, духовно-культурных и даже дружеских отношениях.

Д. Кочнев, исследователь соционормативной культуры якутов, писал, что «у якутов род имел право решать вопросы войны и мира, о переезде с одного места на другое, распределять добычу, женить своих молодых людей, потому что они считаются детьми рода, выдавать замуж девиц, наследовать после бездетной смерти одной из дочерей рода в чужом роде, создавать обычаи, вершить суд над теми, кто нарушает общий мир, и т. д. В обязанности рода входило осуществление инициации своих членов, обеспечение молодых людей, достигших зрелого возраста лошадью, оружием, платьем, известной должностью, новым именем. С этого момента молодой человек становился полноправным членом рода и вступал в ряды войска»².

Коллективная родовая правосубъектность проявлялась через институт субсидиарной ответственности. За правонарушение, совершенное членом рода, нес ответственность весь род. У монгольских племен этот институт получил название «яал», у тюркских – «кун», выкуп за кровь.

Как правило, у монгольских племен компенсация выражалась в четырехкратном размере и выплачивалась скотом. Четырехкратный размер «яала» символически обуславливался наличием четырех ног у лошади, коровы, овцы. «Яал» выплачивался родственниками одновременно. За убийство мужчины по бурятскому обычаю взыскивалось с рода виновного 66 голов скота, за убийство женщины – в два раза меньше.

У казахов, киргизов и других тюркских народов за убийство члена другого рода род «обидчика» выплачивал «кун»: за убийство мужчины – 1000 баранов, за убийство женщины – 500; за увечье – в зависимости от степени ущерба³. Выплата «яала» и «куна» отменяла кровную месть. Пока в обычном праве монгольских и тюркских народов не сложился институт индивидуальной ответственности, она ложилась на плечи родственников правонарушителя.

В правомочия родовой организации входило также и управление общим имуществом: промысловыми угодьями, землей, орудиями производства и проч. Род обязан был осуществлять передел земли между всеми своими членами. Передел земли осуществлялся на суглане (родовом собрании). Санкция родового собрания требовалась и на владение новыми «звероловными угодьями» и при передаче земельного участка во владение по наследству⁴.

Единство родового сознания проявлялось и на всех уровнях равнообеспечивающего распределения с некоторыми преимуществами «почетных людей» («социальных инженеров»: старцев, лучших охотников, шаманов).

¹ Там же. С. 13.

² Кочнев Д. Очерки юридического быта якутов. Казань, 1899. С. 55.

³ Молдабаев С. С. Субъект преступления в обычном праве казахов // Правоведение. 2001. № 5. С. 179–188.

⁴ Увачан В. В. Указ. соч. С. 82–83.

Доминирование родовой правосубъектности выражалось в правотворчестве и правоприменении, которые, по сути, были поддерживающими функциями родовой структуры.

Таким образом, именно род представлял своеобразный этносоциальный организм, основанный на универсальных родовых связях, поддерживаемых институциональной родовой культовой, обрядовой системой, укрепляющей родовое единство, выражающееся в его абсолютной правосубъектности.

Родовая организация являла пример экономического, политического, культурного, правового единства. Говорить серьезно о формировании индивидуальной свободы в рамках родовой организации нет никаких оснований. Жизнь этнических сообществ Сибири была определена жесткой экономической необходимостью «прокормиться» (а после присоединения к России еще и необходимостью уплатить земельную ренту, натуральным выражением которой был ясак, от своевременности и полноты исполнения которого зависела напрямую жизнь сибирских аборигенов).

Таким образом, исторически первым и практически тотальным субъектом обычно-правовых отношений в традиционных обществах был род (родовая община), его правомочия лишь в свернутом виде содержали индивидуалистические начала (которые, кстати, до сих пор не проявили себя в той мере, в какой проявили себя в обществах современных). В целом же содержание обычно-правовых отношений на субъектном уровне обуславливалось коллективистскими началами человеческого существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Юрид. Пресс-центр, 2004. 466 с.

Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / пер. А. Яценко, М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1908. 957 с.

Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право и преобразование государства. Лекции, прочитанные 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже / пер. с франц. СПб.: Н. Н. Ключков, 1909. 148 с.

Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 303 с.

Ковлер А. И. Антропология права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2002. 480 с.

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. 364 с.

Кочнев Д. Очерки юридического быта якутов. Казань: Типография Императорского ун-та, 1899. 177 с.

Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., 1999. С. 7–94.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 419–459.

Молдабаев С. С. Субъект преступления в обычном праве казахов // Правоведение. 2001. № 5. С. 179–188.

Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. 270 с.

Петри Б. Э. Брачные нормы у северных бурят. Иркутск: Изд-во Гостиполитография, 1924. 32 с.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг.: Изд-во юридического склада, 1920. 328 с.

Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: Учебник. СПб., Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2005. 472 с.

Пухта Г. Ф. Энциклопедия права / пер. с нем. шестого издания / Под ред. Карасевича. Ярославль: Типография Г. Фальк, 1872. 99 с.

Увачан В. В. Обычное право эвенков в XVII начале XX века. М.: Книжный дом, 2001. 136 с.

Фромм Э. Душа человека / сб. перевод П. С. Гуревича. М.: Республика, 1992. 428 с.

Allott A. African Law. An Introduction to Legal Systems. London., 1968. p. 78.

Kraderp L. Social Organization of the Mongol Turcic Pastoral Nomads. The Hague, 1963. pp. 23–24.

Service E. R. Origins of the State and Civilization. N. Y. 1975. pp. 50–96.

УДК 34.023

Самылов Иван Васильевич

канд. юрид. наук, старший преподаватель

кафедры теории и истории государства и права

Пермского государственного национального исследовательского университета,

г. Пермь, Россия

E-mail: samylovi@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В РАМКАХ ОБЩЕЙ СИСТЕМЫ СУБЪЕКТОВ ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового положения этнических сообществ в системе субъектов права. Анализируется правовой статус этнических сообществ по международному праву и законодательству Российской Федерации. Определяются особенности правосубъектности этнических сообществ и их место в общей системе субъектов права и правоотношений. Устанавливаются пределы деликтоспособности этнических сообществ и иных социальных общностей.

Ключевые слова: коллективные права, этнические общности, субъекты права, субъекты правоотношений, юридические лица, социальные общности, юридическая ответственность, правоспособность, деликтоспособность, правосубъектность.

Samylov Ivan V.

Candidate of juridical sciences, Senior lecturer

Department of theory and history of state and law Perm state national research university,

Perm, Russia

E-mail: samylovi@yandex.ru

LEGAL CAPACITY OF ETHNIC COMMUNITIES IN THE SYSTEM OF SUBJECTS OF LAW

Abstract. The article is devoted to the study of the legal status of ethnic communities in the system of subjects of law. The legal status of ethnic communities under international law and the legislation of the Russian Federation is analyzed. The peculiarities of the legal personality of ethnic communities and their place in the general system of subjects of law and legal relations are determined. The limits of the inability of ethnic communities and other social communities are established.

Keywords: Collective rights, ethnic communities, subjects of law, subjects of legal relations, legal entities, social communities, legal responsibility, legal capacity, delictual capacity, legal personality.

Несмотря на то, что этнические сообщества как элементы социальной структуры присутствуют в обществе с древнейших времен, более или менее определенный правовой статус они приобретают сравнительно недавно. К примеру, такие коллективные объединения как род, семья, городская или сельская община, признавались еще правом государств Древнего Востока. Многочисленные разновидности коллективных субъектов были выработаны в ходе развития римского права: профессиональные и религиозные коллегии, территориальные общины (колонии и муниципии), разного рода частные товарищества и корпорации. Эпоха Средневековья вообще представляет собой время наивысшего расцвета коллективной правосубъектности и разнообразных союзных форм, которые структурировали общественную жизнь: это различные рыцарские объединения, монашеские ордена, монастырские братии, городские коммун, гильдии купцов и ремесленные цехи, патриархальные семейные союзы. Тем не менее, до определенного момента мы не находим в праве упоминаний о коллективных субъектах, объединенных по этническому признаку.

Представление о нации и народе как субъекте права формируется только в Новейшее время. Процесс этот начался в международном праве, главным образом, в рамках правотворческой деятельности Организации Объединенных Наций. В ключевых документах в области международной защиты прав человека – в Международном пакте о социальных, экономических и культурных правах и в Международном пакте о гражданских и политических правах декларировано «право народов на самоопределение», что дает основания признавать в рамках международного права правосубъектность народов (наций), борющихся за независимость¹. В ряде других документов, принятых Генеральной Ассамблеей ООН и другими международными организациями провозглашается «право народов на мир», «право на здоровую окружающую среду», «право на развитие», «право на развитие культуры» и «право народов на пользование природными ресурсами». Такого рода права провозглашаются в Декларации «О праве народов на мир» 1984 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 39/11), Декларации «О праве на развитие» 1986 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 41/128), Рио-де-Жанейрской Декларации по окружающей среде и развитию, принятой Всемирной Конференцией ООН по окружающей среде и развитию 1992 г., Декларации ЮНЕСКО о принципах международного культурного сотрудничества 1966 г. Наконец, имеется специальный документ, направленный на защиту коллективных прав этнокультурных сообществ (аборигенных народов), – Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г.

Действующее российское право также признает правовой статус определенных этнических сообществ. Так, Конституция РФ называет «многонациональный народ» Российской Федерации носителем суверенитета и источником власти (ст. 3). Очевидно, что указанное положение носит во многом идеологический и декларативный характер, вместе с тем, большинство специалистов склонны положительно решать вопрос о конституци-

¹ См.: Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998. С. 81–86.

онной правосубъектности народа¹. Далее, ст.ст. 68 и 69 Конституции РФ говорят о правах отдельных народов, населяющих Российскую Федерацию, в том числе, о правах «коренных малочисленных народов». Права последних, кроме того, получили закрепление в специальном нормативном акте – Федеральном законе РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. №82-ФЗ². Часть 1 ст. 8 указанного закона содержит довольно обширный перечень таких прав, причем характерно, что права народов как таковых отличаются от прав, принадлежащих отдельным представителям этих народов (часть 2 той же статьи). Интересно, что ст. 14 закона допускает возможность судебной защиты прав малочисленных народов через их уполномоченных представителей.

По всей видимости, в силу сравнительно недавнего появления в юриспруденции этнических объединений, их юридический статус пока остается не вполне определенным. Несмотря на прямое указание в общепризнанных международных документах и федеральных законах на права этнических сообществ, их правосубъектность является предметом спора как в отраслевых юридических науках, так и в рамках общей теории права. Широкая дискуссия, в частности, развернулась относительно возможности существования института коллективных прав, принадлежащих этническому сообществу в целом. В поддержку такого рода института высказываются, в частности, В. А. Кряжков, М. В. Напсо, И. С. Тарбастаева и др. Принципиальными противниками идеи коллективных прав, в свою очередь, выступают А. Г. Осипов, В. Р. Филиппов, М. А. Южанин и др. Так, М. А. Южанин пишет, что «этническая общность не может быть субъектом ответственности, соответственно не может иметь обязанностей, а потому не обладает свойством правосубъектности»³. Он же замечает, что имеющиеся формулировки коллективных прав таковы, что невозможно говорить о том, что они накладывают на кого-либо позитивные обязательства, как следствие – невозможно говорить о правовой норме и правоотношении как таковых. А. Г. Осипов отмечает, что теоретическое конституирование категории коллективных прав нецелесообразно, поскольку коллективная реализация не меняет сущности права, которое при этом остается индивидуальным. Так, осуществление личного права на вступление в брак лишь при условии совместности его реализации с другим субъектом не делает данное право коллективным⁴. В.Р. Филиппов критикует сторонников коллективных прав этносов, в основном, с позиции недопустимости национализма в решении правовых и межэтнических проблем⁵.

В литературе верно было замечено, что одной из основных трудностей в обосновании этнической правосубъектности является отсутствие в рамках общей теории права

¹ Подробный обзор высказанных в науке мнений по данному вопросу см.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 317–329. Той же позиции придерживался и сам О.Е. Кутафин.

² Федеральный закон РФ от 30 апреля 1999 г. №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18.

³ Южанин М. А. Социально-правовая концепция «коллективных прав» этносов // Социология власти. 2012. №1. С. 205.

⁴ Осипов А. Г. Национально-культурная автономия: идеи, решения, институты. СПб., 2004. С. 102.

⁵ Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. М., 2003. С. 55, 63, 84 и др.

проработанных концепций, где этнические общности представлены как субъекты права¹. Для восполнения этого пробела и для правильного понимания правового положения этнических сообществ, на наш взгляд, их необходимо рассматривать в ряду прочих коллективных образований, не являющиеся юридическими лицами и не имеющих иного организационно оформленного правового статуса.

Такого рода объединения присутствовали в праве во все времена, имеются они и в современной российской правовой системе. К ним относятся, в частности, незарегистрированные общественные объединения и профсоюзы, религиозные группы, трудовые коллективы и др. Так, в соответствии со ст. 3 Федерального закона РФ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «создаваемые гражданами общественные объединения могут регистрироваться в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, и приобретать права юридического лица либо функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица»². Ст. 7 Федерального закона РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ говорит о правах религиозной группы, которой признается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица³. В соответствии с п. 1 ст. 8 Федерального закона РФ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях их деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ профсоюзы, их объединения (ассоциации), первичные профсоюзные организации вправе не регистрироваться; в этом случае они не приобретают прав юридического лица, однако данный факт не исключает возможности реализации иных прав данного объединения⁴. Как видно, этнические сообщества в плане правового статуса не являются уникальными; наряду с ними законодатель в целом ряде случаев признает правоспособность иных коллективных субъектов при отсутствии организационной структуры и свойств юридического лица. В этой ситуации теория права не может игнорировать такого рода коллективы; следует определить их место в системе прочих субъектов права и особенности их правосубъективности.

В науке не раз отмечалось, что перечень субъектов права не ограничивается физическими лицами и организациями – юридическими лицами. Еще И. А. Покровский писал: «Современная жизнь далеко не исчерпывается союзами, приобретшими качество самостоятельного субъекта прав, она каждый день создает бесчисленные коллективы, которые имеют характер социального единства, но которые не удовлетворяют требованиям закона о юридических лицах и часто даже определенно не желают им удовлетворять. В таких случаях для права создается чрезвычайно трудное положение. С точки зрения строгой последовательности надлежало бы все подобные коллективы просто игнорировать... Но такая последовательность шла бы слишком вразрез могущественным требованиям жиз-

¹ Тарбастаева И. С. Коллективные права этнических общностей: к проблеме правосубъектности в этнонациональной политике // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 106.

² Федеральный закон РФ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 02.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

³ Федеральный закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39.

⁴ Федеральный закон РФ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях их деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

ни...»¹. Принципиально неверно поэтому признавать субъектами права и правоотношений только индивидов и организации, имеющие статус юридического лица, что нередко встречается в научной и учебной литературе. Необходимо поддержать имеющиеся в науке попытки предложить общую систему субъектов права, включающую также организационно не оформленные коллективы. Такую идею выдвигал, к примеру, В. И. Леушин, который предложил следующую общую классификацию субъектов права: индивиды, организации (делятся на государственные, в том числе само государство, и негосударственные) и социальные общности (народ, нация, население региона, трудовой коллектив)². Автор при этом, к сожалению, не дал определения последней группе, отмечая лишь, что общности являются субъектами права лишь в особых, предусмотренных законом, случаях и действуют обычно через государственные и общественные организации³. Сходный подход использует В.М. Сырых, выделяя те же три группы субъектов, к которым, однако, не относится государство, занимающее, по его мнению, особое место. Автор при этом замечает, что отличительным признаком организации является наличие статуса юридического лица в гражданском праве, а «особенность правосубъектности социальных общностей состоит в том, что они не составляют организационно оформленного коллектива, а представляют собой социальный субъект как целое»⁴.

Полагаем, что наиболее логично было бы при создании общей классификации субъектов права, во-первых, выделять наряду с индивидами коллективные субъекты права, которые можно определить как относительно устойчивые объединения людей, характеризующиеся определенной степенью единства воли и цели. В рамках данной категории, далее, можно отметить две разновидности: организации и общности. Любой коллективный субъект, в принципе, обладает некоторой внутренней организацией, обеспечивающей возможность формирования общей воли. Однако, для того чтобы выступать во вне как единое лицо, вступать в конкретные правоотношения, необходима четкая внутренняя структура, позволяющая совершать юридические акты, а также некоторые другие качества, в зависимости от сферы правовых отношений и требований объективного права (обособленное имущество, возможность юрисдикционной защиты прав и привлечения к ответственности и т.п.). Такие качества присущи организациям, общности же их лишены, поэтому сфера их правосубъектности ограничивается кругом отношений, которые в науке принято именовать «общими» или «общерегулятивными»⁵. В таком отношении, в отличие классического, «конкретного», права и обязанности сторон сформулированы в общем виде, без детальной конкретизации. Они складываются, к примеру, на основе учредительных норм и норм-принципов конституционного права и имеют исходный, первичный характер. Для того, чтобы признать то или иное лицо участником таких правоотношений, совсем не обязательно требовать от него гражданской или процессуальной дееспособности. Права и свободы граждан, закрепленные в Конституции, и корреспондирующие им обязанности государства далеко не всегда могут быть переведены в плоскость кон-

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 158.

² Теория государства и права: Учебник. Под ред. Корельского В. М., Первалова В. Д. М., 2003. С. 356.

³ Там же. С. 361.

⁴ Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2004. С. 322–323.

⁵ См. напр.: Матузов Н. И. Правовые отношения // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Матузова Н. И., Малько А. В. М., 2002. С. 534; Реутов В. П. Функциональная природа системы права. Пермь, 2002. С. 83–84.

кретных взаимоотношений дееспособного человека и соответствующего государственного органа. Тем не менее, такие отношения урегулированы правом хотя бы и в самом общем виде, поэтому являются именно правоотношениями, а не просто фактическими общественными отношениями. Нет никаких препятствий к тому, чтобы признать участниками таких правоотношений социальные общности, в том числе, этнические сообщества.

При этом нации, народности и прочие социальные общности не могут быть участниками конкретных правоотношений, например, имущественных отношений в сфере гражданского права, не имеют процессуальной дееспособности, т.е. не могут как таковые быть стороной в судебном споре, самостоятельно и от своего имени заключать сделки и т.п. Однако такого рода действия, направленные на реализации правоспособности общностей в конкретных правоотношениях, могут быть совершены в интересах общности их представителями, общественными организациями или государственными органами в случаях, предусмотренных законом. В этом плане правосубъектность социальной общности имеет сходство с правосубъектностью недееспособного или не полностью дееспособного индивида.

Ограниченный характер правосубъектности социальных общностей проявляется также в отсутствии у них деликтоспособности, т.е. способности нести юридическую ответственность. Только наличие организационной структуры позволяет коллективам обнаруживать и проявлять во вне собственную волю при совершении противоправных действий (бездействий), за которые они могут быть привлечены к ответственности. Только наличие той же структуры позволяет организациям быть участником правоотношений, возникающих в процессе применения мер ретроспективной юридической ответственности, в частности, быть стороной в судебном разбирательстве, с которым неразрывно связана процедура юридической ответственности. Поэтому деликтоспособностью обладают только коллективы-организации. Социальные же общности как таковые не могут быть субъектом правонарушения, поэтому меры юридической ответственности к ним применяться не должны.

Нужно заметить, что с учетом современных реалий государство в ряде случаев все-таки отступает от этого правила, когда того требуют политические соображения. Хотя кодифицированное законодательство (Гражданский кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Таможенный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ) устанавливает принципиальные положения, согласно которым субъектами правонарушения и юридической ответственности, помимо индивидов, могут быть только организации со статусом юридического лица, это не мешает законодателю в отдельных случаях предусматривать привлечение к юридической ответственности коллективных субъектов, не имеющих четкой организационной структуры и являющихся, по существу, социальными общностями. Речь идет, в частности, о положениях Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ¹ и Федерального закона РФ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ². Названные законодательные акты предусматривают возможность привлечения к юридической ответственности за экстремистскую деятельность или причастность к терроризму не только для зарегистрированных организаций, являющихся юридическими лицами, но и для общественных объединений, не имеющих какого-то официального статуса. Поскольку при от-

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 23.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002, №30. Ст. 3031.

² Федеральный закон от 06.03.2006 №35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2006, № 11. Ст. 1146.

сутствии статуса юридического лица возложить какие-либо имущественные или организационные наказания на объединение невозможно, в качестве единственной меры ответственности устанавливается принудительная ликвидация или запрет на осуществление деятельности объединения (ст. 9 Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности», ч. 2 ст. 24 Федерального закона РФ «О противодействии терроризму»). Потребность в установлении мер ответственности для таких объединений диктуется, как представляется, в основном, сиюминутными политическими соображениями; при этом законодатель, устанавливая такую ответственность, игнорирует целый ряд как юридико-технических, так и теоретических сложностей¹.

Очевидно, что к этническим сообществам, таким как нация, народ, народность, возникновение и существование которых обусловлено естественными причинами и не связано напрямую с волей его членов и государства, такие меры ответственности как ликвидация или запрет неприменимы. Следовательно, они действительно ни при каких обстоятельствах не могут быть субъектами юридической ответственности, на что верно указывает А. С. Южанин в ранее процитированной работе. Вместе с тем, отсутствие деликтоспособности ни в коем случае не лишает социальные общности качеств субъекта права, хотя бы потому, что аналогичные особенности свойственны другим лицам, чья правосубъектность не вызывает сомнений (малолетние дети, невменяемые вследствие душевной болезни, некоторые государственные органы).

Таким образом, этнические сообщества, по крайней мере, те из них, права которых прямо установлены Конституцией и законами (народ, нация, малый коренной народ), относятся к числу особого рода коллективных субъектов права, которых можно обозначить общим понятием «социальная общность». Социальные общности обладают собственной правосубъектностью, которая уже правосубъектности организаций (юридических лиц) и позволяет им быть участниками лишь особого рода «общерегулятивных правоотношений» и пользоваться правами, гарантированными законом. В связи с отсутствием у этнических объединений организационной структуры и органов управления они не могут быть участниками конкретных правоотношений, в частности, имущественных отношений в сфере гражданского права и отношений, связанных с применением мер юридической ответственности, однако это не лишает их правосубъектности вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. 44 с.
- Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М.: Дело, 1998. 272 с.
- Осипов А. Г. Национально-культурная автономия: идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2004. 508 с.
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
- Реутов В. П. Функциональная природа системы права. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002. 163 с.

¹ Подробнее об этом см.: Самылов И. В. Проблемы юридической ответственности общественных объединений // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2008. Вып. 1(3). С. 155–159.

Самылов И. В. Проблемы юридической ответственности общественных объединений // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2008, Выпуск 1 (3). С. 155–159.

Сырых В. М. Теория государства и права: Учебник. М.: Юстицинформ, 2004. 704 с.

Тарбастаева И. С. Коллективные права этнических общностей: к проблеме правосубъектности в этнонациональной политике // Знание. Понимание. Умение. 2015. №4. С. 101–110.

Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Матузова Н.И., Малько А.В. М.: Юристъ, 2002. 776 с.

Теория государства и права: Учебник/ Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова М.: Инфра-М-НОРМА, 2003. 616 с.

Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М., ЦПРИ РАН. 2003. 379 с.

Южанин М. А. Социально-правовая концепция «коллективных прав» этносов // Социология власти. 2012. №1. С. 202–211.

УДК 316.01:39

Тарасенко Вера Владимировна

консультант правового управления Омского городского Совета
г. Омск, Россия

E-mail: simovera@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация. В статье обосновывается вывод, что национальное меньшинство может рассматриваться как субъект конституционного права. Анализ международных правовых актов, российского законодательства позволяет сделать вывод, что любое социальное меньшинство может не только обладать правами, но и своими действиями осуществлять и приобретать их как в прямой, так и в опосредованной формах. Также представлен вывод о соотношении коллективных прав меньшинств и индивидуальных прав их представителей.

Ключевые слова: национальное меньшинство, коллективный субъект права, правосубъектность, права человека.

Tarassenko Vera V.

consultant of legal department Omsk city council
Omsk, Russia

E-mail: simovera@mail.ru

ETHNIC MINORITY AS SUBJECT OF CONSTITUTIONAL RIGHT

Abstract. The article substantiates the conclusion that a national minority can be considered as a subject of constitutional law. Analysis of international legal acts, the Russian legislation allows us to conclude that any social minority can not only have rights, but also carry out their actions and acquire them both in direct and indirect ways. A conclusion is also drawn on the correlation between the collective rights of minorities and the individual rights of their representatives.

Key words: National minority, collective subject of law, legal personality, human rights.

В научной литературе констатируется формирование после Второй мировой войны международно-правового института так называемого «третьего поколения прав человека»¹, а одним из дискуссионных вопросов остается определение субъекта этих прав.

С политико-демографической точки зрения этнические, равно как и другие социальные общности, могут составлять в структуре населения государства не только большинство, но и меньшинство, если рассматривать эти группы в широком смысловом значении². Считая этнические и другие социальные общности субъектами конституционного права, отметим, что в отечественном научном обороте единое для любых минорных групп не только легальное, но и теоретическое определение понятия меньшинства отсутствует. Указания на то, что такая общность является носителем «третьего поколения прав человека», а ее этническая разновидность в российской правовой науке ассоциируется с конституционным принципом равноправия и самоопределения народов (пункт 3 статьи 5 Конституции Российской Федерации), недостаточно.

Хотя выработка одинаково общей и универсальной дефиниции «национальное меньшинство» на сегодняшний день в немалой степени обусловлена отсутствием единой интерпретации понятия «нация», с точки зрения конституционного права мы предлагаем говорить о национальных меньшинствах как об этнических общностях, состоящих из постоянно проживающих на территории Российской Федерации ее граждан, меньших по численности, чем титульный этнос, или не имеющих доминирующего социально-политического статуса. При наличии соответствующих факторов составляющие национальные (этнические) меньшинства индивиды способны выступать в качестве основы практически почти любого иного меньшинства. Так, реализуя свое активное избирательное право, они могут образовывать меньшинства в избирательном корпусе.

Надо сказать, что ряд авторов полагает, что народы и другие социальные общности правосубъектностью обладать не могут³. Не углубляясь в полемику о дефинициях, отметим правоту ученых, понимающих под конституционной правосубъектностью возможность субъекта находиться в сфере нормативного регулирования конституционного права⁴. Составляющими правосубъектности является правоспособность (возможность субъекта быть носителем прав и обязанностей) и дееспособность (способность субъекта своими действиями осуществлять права и исполнять обязанности), в состав которой входит деликтоспособность. Под конституционно-правовым статусом следует понимать конституционно-правовое положение лица, все меры возможного и должного поведения такого субъекта, нормы-дефиниции, нормы-принципы, которые содержатся в соответствующих

¹ Лукашева А. Е. Права человека. Учебник для вузов /отв. ред. А. Е. Лукашева. М., Издательство НОРМА, 2001. С. 136–139., Малинова О.Ю. Три поколения прав человека // Пчела. № 43. 2003 URL: <http://www.pchela.ru/podshiv/43/geNseratio№.htm> (дата обращения 05.04.2012); Ахметшин, Р.И. К проблеме третьего поколения прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 187 с; Майборода Э.Т. Институализация «третьего поколения прав человека» в условиях реполитизации этничности // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://jurNeal.org/articles/2007/polit27.html> (дата обращения 05.04.2012).

² См. подробнее: Тарасенко В. В. Социальное меньшинство в конституционном праве/ под ред. С. Н. Бабурина. Омск. 2016.

³ См., например: Казанник А. И. Народ как субъект конституционно-правовых отношений/ А.И. Казанник // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 3-6; Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М., 1999. С. 166.

⁴ См., например: Симонов В. А. О конституционно-правовой правосубъектности этнических (национальных) общностей // Система права и отдельных его отраслей: государственно-правовой аспект /под ред. А.Н. Костюкова. Омск: изд-во ОмГУ, 2002. С.22–81.

конституционно-правовых актах или, хотя и не содержатся, не противоречат им, в зависимости от обстоятельств, в которых лицо находится и действует.

Начало закрепления правосубъектности и основ юридического статуса коллективных субъектов было положено в международном праве. Положения, определяющие права таких субъектов, содержатся, прежде всего, во Всеобщей Декларации прав человека¹ (о выражении воли народа) и в Международном пакте о гражданских и политических правах² (в части права наций на самоопределение). В Конституции Российской Федерации (статьи 71-72) говорится о правах национальных меньшинств. Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» регламентирует форму национально-культурного самоопределения граждан, относящих себя к определенной этнической общности и находящейся в положении национального меньшинства (статья 1)³.

На региональном уровне также признаются и гарантируются коллективные права и свободы человека гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Об этом, например, свидетельствует содержание части 2 статьи 1 Устава Иркутской области⁴.

Однако, если в актах международного права и внутреннем конституционно – правовом законодательстве России и ее субъектов права меньшинств закреплены, то в отношении *обязанностей* дело обстоит сложнее. Статья 5 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах⁵, статья 5 Международного пакта о гражданских и политических правах, Преамбула Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 года⁶, запрещают группам лиц совершать действия, направленные на уничтожение закрепленных в Пактах прав и свобод, а также на ограничение их в большей мере, чем предусмотрено в этих документах. Закрепляется и право народов в своих интересах распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами, не нарушая каких бы то ни было обязательств, вытекающих из основанного на принципе взаимной выгоды международного экономического сотрудничества и норм международного права. Статья 17 Конституции Российской Федерации также устанавливает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц.

Однако, думается, что закрепление мер должного поведения общностей в самом общем плане в необходимых случаях желательно дополнить большей детализацией, указав хотя бы конкретный субъект, на которого они возлагаются. Любое социальное меньшинство может не только обладать правами, но и своими действиями осуществлять и приобретать их как в прямой, так и в опосредованной формах. В первом случае, прежде всего, на выборах и референдумах, но, согласно действующему законодательству, юридически участвовать в таких процедурах от имени всего меньшинства уполномочены

¹ Всеобщая декларация прав человека // Библиотечка Российской газеты. 1999. № 22–23.

² Международный пакт о гражданских и политических правах // Библиотечка Российской газеты. 1999. № 22–23.

³ Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (в ред. от 04.11.2014)// Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2965.

⁴ Устав Иркутской области от 17.04.2009 № 1 (в ред. от 07.10.2016) // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. 2009. № 9; 2011. № 36 (т. 2).

⁵ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).

⁶ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2000. С. 44, 53, 99.

только те его члены, которые обладают активным избирательным правом. Иными словами, избирательный корпус соответствующей минорной группы населения (о голосовании общностей на референдуме и о привлечении их к ответственности по его итогам за неправомерное решение)¹. Реализация в опосредованной форме происходит органами государственной власти и местного самоуправления, в избрании которых меньшинства принимали участие, и которые призваны выражать их волю. Интересы меньшинства может выражать созданное им и выступающее от его имени общественное объединение как имеющее статус юридического лица (например, национально-культурная автономия), так и не имеющее такового.

Что касается деликтоспособности, то реальное привлечение к ответственности меньшинств имеет определенную специфику. Если иметь в виду неструктурированные минорные сообщества, то принятие на референдуме неправомерного по содержанию решения отнюдь не означает, что за это решение будут голосовать все участники данного демократического форума. Безусловно, не подлежат ответственности те, кто не явился на участки для голосования. Что касается явившихся и проголосовавших за неправомерное решение, то, чтобы не отступать от принципа субъективного вменения и не применять санкции к невиновным, следовало бы прибегнуть к открытому голосованию. Однако такой отказ стал бы нарушением демократических основ избирательного права – в частности, тайны волеизъявления. Поэтому при современном состоянии отечественного законодательства реально привлечь к ответственности виновных в принятии на референдуме неправомерного решения невозможно². Привлечение к ответственности сформированных меньшинствами и выражающих их интересы органов государственной власти и органов местного самоуправления происходит в порядке, предусмотренном действующим законодательством³.

Что касается ответственности минорных сообществ, структурированных в общественные объединения, то юридически такая ответственность также возможна. Часть 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Аналогичные по содержанию положения имеются в статье 41 действующей редакции Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁴.

Согласно этому нормативному правовому акту общественные объединения могут как быть, так и не быть юридическим лицом. Регистрация указывает на признанную государством способность быть субъектом права, т.е., как указывал С. С. Алексеев, на об-

¹ См. подробно: Симонов В. А. О конституционно-правовой правосубъектности этнических (национальных) общностей. С.76–81.

² Симонов В. А. О конституционно-правовой правосубъектности этнических (национальных) общностей. С.76–81.

³ См., например, статьи 70 – 74 Федерального закона от 06.10. 2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁴ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 02.06.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930.

ладание объединением внешней обособленностью, персонифицированностью, способностью вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю¹.

Если же объединение решили не регистрировать, то на первый взгляд ничего не поменялось: есть органы управления, имеются права и обязанности, закрепленные и федеральным законом (статьи 20, 27-29, ФЗ «Об общественных объединениях») и уставом соответствующего объединения. Однако с точки зрения наступления ответственности все не так однозначно. Если совершено административное правонарушение, то возможна ответственность как гражданина или должностного лица, так и юридического лица в целом. Если преступление или дисциплинарный проступок, то отвечает только физическое лицо. К гражданско-правовой ответственности, при наличии оснований, возможно привлечь как организацию, так и конкретного гражданина. Если общественное объединение не имеет членства (например, общественное учреждение или общественное движение), то персональная неопределенность состава и общей численности его членов существенно затруднит привлечение лиц к ответственности.

Другой стороной ответственности общественного объединения, не являющегося юридическим лицом, является возможность запрещения его деятельности по смыслу статьи 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»².

Думается, в этом случае мы имеем пример некой аналогии закона, когда ликвидация юридически применена быть не может, но необходима действенная мера, направленная на прекращение деятельности объединения. В данном случае наблюдается некое «объективное вменение», когда «невиновные» члены такого объединения будут нести ответственность за «виновных».

Статьей 23 Закона «Об общественных объединениях» в качестве отказа в государственной регистрации предусмотрено ненадлежащее оформление представляемых для регистрации документов. В случае если оформлением документов занимался один человек, являющийся членом, участником или учредителем, то получается, что за его проступок отвечают все участники объединения, регистрация которого не состоялась. В данном случае возникает ситуация, аналогичная предыдущей.

Таким образом, в случае если имеется не зарегистрированное объединение, у него есть органы управления или лица, которые могут действовать от его имени, и данным объединением или данным лицом, или иным лицом, являющимся членом этого объединения или относящим себя к его приверженцам совершено правонарушение, то отвечать будут только конкретные нарушители, которых можно установить, а не меньшинство как коллективный субъект. В случае наличия зарегистрированного объединения ответственность могут понести как физические (и должностные) лица, так и организация в целом. Хотя есть и исключение – статья 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», когда ответственность понесет незарегистрированное как юридическое лицо общественное объединение, к приверженцам, участникам которого может себя относить неопределенный круг лиц.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. М.: Юридическая литература, 1981. Т. 2. С. 138.

² Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 23.11.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

Таким образом, меньшинство может находиться в сфере конституционно-правового регулирования. Оно имеет права, может их реализовывать, может иметь обязанности, может даже нести юридическую ответственность. Аналогичную позицию занимают и другие авторы¹, причем некоторые из них² предлагают закрепить в конституциях отдельный структурный элемент, посвященный коллективным субъектам. Эти предложения представляются значимыми, поскольку имеют целью конституционно закрепить существование и учесть своеобразие минорных коллективов как субъектов права и конституционного права в частности.

По мнению А. Н. Кокотова, правосубъектность меньшинств тождественна их правоспособности и не предполагает дееспособности³. Иными словами, меньшинства не могут иметь обязанностей и нести ответственность. С данной позицией в части значимости самой идеи о том, что конкретное социальное меньшинство как общность людей может являться субъектом права, мы согласны. Однако, с другой стороны, понятия «правоспособность» и «правосубъектность» не идентичны. Кроме того, если меньшинство структурировано в рамках, например, общественного объединения, оно сможет иметь не только обязанности, но и ощутить неблагоприятные последствия своих деяний. Также следует иметь в виду ответственность общественных объединений, не являющихся юридическими лицами, в соответствии со статьей 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

В. Ф. Мартынов обоснованно предостерегает от отождествления общностей как субъектов коллективных прав и различных условных общностей, статистически конструируемых и создаваемых искусственно, где связи и взаимодействия индивидов отсутствуют⁴. Нельзя согласиться с авторами, сомневающимися в том, что использование понятий «меньшинство» и тем более «большинство» является справедливым и допустимым. Так, например, Е. В. Регеда приходит к выводу, что меньшинство – это в большей мере доктринальный (теоретический) термин. Его практическая ценность снижается в силу сиюминутности критерия «недоминирования», т.к. после реализации минорной группой своего права на компенсацию, она перестает быть меньшинством⁵.

Спорность представленного мнения прежде всего в том, что недоминирование в принципе не может быть сиюминутным. Сложно представить более или менее реальную ситуацию, когда группа, являющаяся меньшинством, получив дополнительное право, стала доминирующей. Например, лицам, относящимся к инвалидам, предоставили право бесплатного приобретения определенных медицинских средств. Факт использования этого права вовсе не означает, что они вдруг перестали быть меньшинством и стали доминирующей общностью.

¹ См., например: Напсо М. Б. Право на этническую идентичность: правовые и социально-философские аспекты признания в современных условиях // Государство и право. 2011. № 8. С. 20–25; Мартынов В. Ф. Правосубъектность социальной организации: проблемные аспекты понимания // История государства и права. 2007. № 6. С. 2.

² Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма. 2005. 320 с. С. 174–175.

³ Кокотов А. Н., Кряжков В. А. Конституционное право России: Учебник. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. С. 265–270.

⁴ Мартынов В. Ф. Правосубъектность социальной организации: проблемные аспекты понимания // История государства и права. 2007. № 6. С. 2.

⁵ Регеда Е. В. Коллективные права этнических общностей в конституционном праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Пенза, 2009. С. 19–21.

В дискуссиях о конституционной правосубъектности социальных общностей указывается на важность индивидуальных прав и свобод. В. С. Нерсисянц отметил, что в конституционном правопонимании сочетаются два компонента: аксиологический (права и свободы человека как высшая ценность) и естественно-правовой (прирожденность и неотчуждаемость основных прав и свобод человека). Оба этих компонента исходят из индивидуальных (а не коллективных, групповых) прав и свобод, ибо только там, где индивиды свободны и правосубъектны, возможна правосубъектность и наиндивидуальных образований¹.

Таким образом, права социальных общностей (меньшинства или большинства) не могут быть отделены от индивидуальных прав каждого их представителя; при этом индивидуальные права дополняются и развиваются коллективными. Права общностей как права коллективные не могут быть рассмотрены как простая совокупность прав нескольких лиц. Дифференциация общества на группы, являющиеся коллективными субъектами, не может и не должна влечь какого-нибудь искусственного разделения и роста социальной напряженности. Такая градация должна быть осуществлена в пределах естественных, уже сформировавшихся границ общностей. Юридическое закрепление коллективных прав должно приводить к уменьшению противоречий между различными группами и, в конечном итоге, вести к поступательному развитию всего социума.

Спорным является утверждение о том, что ключевым коллективным правом коллективных субъектов, включая меньшинства, является право на развитие. Представляется более обоснованной позиция М. Б. Напсо, которая в качестве первого права общности указывает право на существование². Если общность не будет существовать, не может идти речь о ее развитии в любой сфере общественной деятельности.

Таким образом, меньшинства, в том числе национальные меньшинства, как социальные общности, обладают правосубъектностью. В российском законодательстве предусмотрены гарантии для различных категорий граждан, поэтому меньшинства, являющиеся субъектами права, могут быть классифицированы по различным основаниям, и лица, относящиеся к национальным меньшинствам, также могут относиться к иным минорным группам. Коллективные субъекты права могут не только иметь предоставленные законом меры поведения, но и самостоятельно приобретать права и выполнять обязанности, а также выступать субъектом как общих, так и конкретных правоотношений.

Меньшинства как коллективные субъекты не являются простой совокупностью индивидов, но имеют иное качество. Они объединены общим коллективным самосознанием, основанном на общей для всех составляющих коллективный субъект лиц потребности в реализации и защите их прав, свобод и законных интересов. Коллективные и индивидуальные права должны рассматриваться во взаимосвязи, поскольку коллективные права являются продолжением индивидуальных. Вместе с тем, национальные (этнические) меньшинства, как и другие минорные группы и вообще социальные общности, могут иметь сугубо коллективные права (например, право этнической общности на самоопределение).

¹ Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2006. С. 682; Нерсисянц В. С. Философия права: Учебник для вузов. М.: Издательская группа ИНФРА-М – Норма, 1997. С. 71.

² Напсо М. Б. Правовые основы защиты этнонациональных интересов в условиях глобализации: автореф... дисс... д-ра. юрид. наук. Краснодар. 2010. С. 21–22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Всеобщая декларация прав человека // Библиотечка Российской газеты. 1999. № 22–23.
- Международный пакт о гражданских и политических правах// Библиотечка Российской газеты. 1999. № 22–23.
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах// Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).
- Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2000. С. 44, 53, 99.
- Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930. Ред. от 02.06.2016.
- Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2965. Ред. от 04.11.2014.
- Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031. Ред. от 23.11.2015.
- Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822. Ред. от 07.06.2017.
- Устав Иркутской области от 17.04.2009 № 1 // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. 2009. № 9; 2011. № 36 (т. 2). Ред. от 07.10.2016.
- Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. М.: Юридическая литература, 1981. Т. 2.
- Ахметшин Р. И. К проблеме третьего поколения прав человека: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 1999.
- Казанник А. И. Народ как субъект конституционно-правовых отношений / А. И. Казанник // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 3–6.
- Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М., 1999.
- Кокотов А. Н., Кряжков В. А. Конституционное право России: Учебник. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001.
- Лукашева А. Е. Права человека: Учебник для вузов. / отв. ред. А.Е. Лукашева. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 136–139.
- Майборода Э. Т. Институализация «третьего поколения прав человека» в условиях реполитизации этничности // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://jurNeal.org/articles/2007/polit27.html> (дата обращения 05.04.2012).
- Малинова О.Ю. Три поколения прав человека // Пчела. 2003. № 43. URL: <http://www.pchela.ru/podshiv/43/geNeration№.htm>. (дата обращения 05.04.2012).
- Мартынов В. Ф. Правосубъектность социальной организации: проблемные аспекты понимания // История государства и права. 2007. № 6. С. 2–3.
- Напсо М. Б. Право на этническую идентичность: правовые и социально-философские аспекты признания в современных условиях // Государство и право. 2011. № 8. С. 20–25.
- Напсо М. Б. Правовые основы защиты этнонациональных интересов в условиях глобализации: автореф. ... дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар. 2010. 68 с.
- Нерсисянц В. С. Философия права. Учебник для вузов. М.: Издательская группа ИНФРА-М – Норма. 1997. 652 с.

Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2006. 832 с.

Регеда Е. В. Коллективные права этнических общностей в конституционном праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза. 2009. 27 с.

Симонов В. А. О конституционно-правовой правосубъектности этнических (национальных) общностей // Система права и отдельных его отраслей: государственно-правовой аспект / под ред. А.Н. Костюкова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. С. 22–81.

Тарасенко В. В. Социальное меньшинство в конституционном праве / Под ред. С.Н. Бабурина. Омск, 2016. 268 с.

Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 320 с.

УДК 340

Романов Александр Александрович

доц., докторант кафедры теории государства и права
юридического факультета им. М.М. Сперанского

Института права и национальной безопасности Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Россия

E-mail: aleksandr_romanov@yahoo.com

КОЛЛЕКТИВНОЕ И ГРУППОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется соотношение коллективных и индивидуальных прав, их правовая природа. Показывается, что коллективные права принадлежат коллективам как сущностно-целостному образованию, а не отдельным индивидам как таковым. Если индивидуальные права предоставляются персонально каждому человеку, то коллективные права предоставляются людям в связи с их отношениями в группах или сообществах. При этом оба этих вида прав не противопоставляются друг другу. Право не может воспроизводить индивидуальное, оно изначально предполагает его перестройку для коллективной жизни и в этом смысле всегда ограничивает индивидуализм.

Ключевые слова: коллективные права, индивидуальные права, этническая общность, этничность, этнонация, право человека.

Romanov Aleksandr Al.

associate professor, doctoral candidate of department
of the theory of the state and right law department of M. M. Speransky
Institute of the right and national security Russian Academy of national
economy and public service at the Russian President,
Moscow, Russia

E-mail: aleksandr_romanov@yahoo.com

COLLECTIVE AND GROUP MEASUREMENT IN THE RESEARCH OF LEGAL PERSONALITY OF THE ETHNIC COMMUNITY

Abstract. The article analyzes the correlation of collective and individual rights, their legal nature. It is shown that collective rights belong to collectives as an essentially integral entity, and not to individual individuals as such. If individual rights are granted personally to each person, collective rights

are granted to people in relation to their relations in groups or communities. However, both these types of rights are not opposed to each other. Law can not reproduce the individual, it initially assumes its reorganization for collective life and in this sense always limits individualism.

Keywords: Collective rights, individual rights, ethnic generality, ethnicity, ethnonation, human rights.

В правовых исследованиях изучение правового статуса этнической общности, определение субъекта этнонационального самоопределения, в зависимости от рассматриваемых интеллектуальных традиций является принципиально различным в ракурсе индивидуального или коллективного начала измерения, и на первый план выдвигается соотношение индивидуальных и коллективных прав. По вопросу о том, обладают ли коллективы правами человека, на самом ли деле фиксация и защита коллективных прав логически вытекает из принципов, заложенных в правах человека как сложном комплексе взаимоотношений личности с государством, их взаимных прав и обязанностей. Или возможно ли отказаться от коллективных прав, сосредоточившись только и единственно на защите индивидуальных прав, до сих пор в правовых науках остается нерешенным.

Институт коллективных прав как концепция третьего поколения прав человека начала формироваться после Второй мировой войны. Все больше интерес, как в теории, так и в практике, обусловлен не только новизной и непроработанностью данного института, но и тем, что позиция ученых – и теоретиков и практиков – варьируется от различного толкования понятия «коллективных прав» до их полного отрицания и непризнания.

В формировании принципов коллективных права большую роль сыграл Устав ООН, а дальнейшее развитие закрепилось в таких документах как Всеобщая Декларация прав человека, Женевская Конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны, Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (25 ноября 1981 года), на региональном уровне – в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) Совет Европы (Рим, 4 ноября 1950 года), в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., в Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению 1990 г. В европейской хартии местного самоуправления 1985 г. используется правовая дефиниция «групповое право» – право «местного сообщества», но не развивается.

С 1992 г. коллективные права начали рассматриваться через призму как индивидуальных, так и коллективных измерений. Так, в Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г. закрепляется не права коллектива, а права лиц принадлежащих к коллективу.

Очевидно, что, обращаясь к этничности, невозможно абстрагироваться от групповых интересов и групповых прав, ибо сама этничность проявляется и функционирует в сфере коллективной жизни, определяется понятием «Мы» и ни один индивид не может являться выразителем полного спектра этнического «Я». Тем более, в условиях политизированной этничности, правовые отношения в обществе характеризуются отсутствием свободной личности. Личность двигается единым тейповым конгломератом, вне которого абсолютно дезориентируется в пространстве. Ее задача сохранение семьи, рода, этнонации. В центре социальной заботы не отдельный человек, этнический индивид и гражданин, высшая ценность не личность, а этническая общность, жизнь личности не является

высшей ценностью, гибель – не конец, пока жива семья, род. Речь может идти не о правах индивида, независимо от других себе подобных, а о групповых правах.

В отличие от индивидуальных прав, коллективные права не являются естественными правами, поскольку возникают по мере формирования интересов той или иной группы. Если индивидуальные права предоставляются персонально каждому человеку, *коллективные права* предоставляются людям в связи с их отношениями в группах или сообществах. Эти права принадлежат коллективам как сущностно-целостному образованию, а не отдельным индивидам как таковым. Если рассматривать данную проблему с правовой точки зрения, то необходимо раскрыть взаимосвязи категорий «целое» и «часть» по принципу противопоставления Ж.-Ж. Руссо «общая воля» и «воля всех».

Очевидно, что «общая воля» не является простой (механической) суммой волей отдельных индивидов. Иначе говоря, целое не есть простая сумма частей, не простое арифметическое сложение прав индивидов, входящих в группу. Целое отличается такими характеристиками, которые возникают в результате взаимоотношения частей в рамках определенной системы правовых связей. Как бы ни было многообразие коллективных прав их правовая «прочность» должна подвергаться проверке человеческим измерением – правами человека. Необходимо исследовать объективную реальность, насколько коллективные права ведут к ущемлению прав человека, насколько индивидуальные права подлежат согласованию с коллективными правами. М. Д. Смыслов предлагает в качестве разграничительных критериев «нарушение». То есть, коллективными правами должны называться те права, которые не только реализуются в интересах коллектива, но и их нарушение относится в целом соответствующему коллективу и не ущемляют права человека из того же коллектива¹.

Ряд ученых считают, что *групповые права не могут осуществляться отдельным индивидом*, участие индивида в их реализации возможно лишь в статусе члена коллектива, без учета индивидуального правового статуса. Такие права не имеют индивидуально-го измерения, а их реализация имеет «коммунитарный» характер, является социально и институционально опосредованной. Например, отдельный представитель этнической общности не может индивидуально реализовать право на этнонациональное самоопределение, так как личное право оно просто не может быть материализовано. Как пишет В. Марча, права ученого на свободу мысли, его реализация вне научного сообщества и «рациональных дискуссий» невозможна, ученому – при всей свободе индивидуального творческого самовыражения – останется лишь работать «в стол»². Другим примером является функционирование и развитие родного языка. Право представителя определенной этнической группы – это не индивидуальное право отдельного человека говорить, читать, писать, думать на своем родном языке. Язык, прежде всего, является средством общения между людьми, а не средством самовыражения личности, и может функционировать только при реализации коллективного, группового права – и в общественной жизни, и в официальном делопроизводстве, и в общении гражданина со своим государственным аппаратом. Недостаточно того, чтобы человеку, в соответствии с его индивидуальными правами разрешили говорить или, скажем, петь песни на родном языке: для нормального

¹ Смыслов М. Д. Определение меньшинства. Меньшинства и право на самоопределение // Московский журнал международного права. 1993. № 1. С. 106.

² Марача В. Структура и развитие науки с точки зрения методологического институционализма // Кентавр № 33 (апрель 2004). URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/42> (дата обращения: 30.06.2017).

функционирования и развития языка нужны школы, вузы, электронная и печатная продукция, в том числе государственная документация на «родном языке». Или объектом дискриминации по этническому признаку является не гражданин вне этничности, а этническая группа или этнический индивид как представитель этой группы, что предполагает, прежде всего, нарушение коллективных прав. Очевидно, что речь идет уже не об индивидуальных правах, независимо от других себе подобных, а о коллективных правах этнонации. Как личное право «представителя» этнонации оно просто не может быть реализовано.

С такой позиции делаются утверждения, что коллективы (в той мере, в которой все же существуют в каком бы то ни было виде) не должны обладать правами человека, хотя и в некоторых случаях, с одной стороны защита прав индивида оказывается невозможной без обеспечения коллективных прав, с другой стороны индивид пользуется отдельными льготами установленными государством для той или иной этнической общности в процессе реализации права на самоопределение. Следовательно, правосубъектность этнической группы не производная от прав человека, так как «право на самоопределение – это не право, а привилегия, заведомо неуниверсализуемая свобода»¹. Иначе говоря, этнонациональное самоопределение, понятое как право коллективное, может и не содержать права личности.

В то же время приходится констатировать, что *коллективные права не столь уж резко противопоставляемы правам личности*, более того, многие индивидуальные права имеют коллективные измерения, и осуществление последних зачастую предполагают основываться на коллективных действиях (например, право обучения на родном языке), право пользования коллективным достоянием (например, печатным изданием)². Декларация о праве на развитие, принятая резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1986 г. рассматривает право на развитие как индивидуальное и коллективное право и подчеркивает его связь с другими коллективными правами: «Право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами. Право человека на развитие предполагает также осуществление в полной мере права народов на самоопределение, которое включает, согласно соответствующим положениям обоих пактов о правах человека, осуществление их неотъемлемого права на полный суверенитет над всеми своими природными богатствами и ресурсами»³.

Коллективные права невозможно отделять стеной от прав человека и гражданина, поскольку, будучи носителем определенной этничности, индивид крайне заинтересован в реализации коллективных прав. Индивидуальные права, реализуемые в коллективе, в ассоциации, совместно с другими людьми, через них же удовлетворяют личные интересы и потребности человека. Соблюдение конкретных прав индивида часто становится невозможным при нарушении коллективных прав его группы (обучение на родном языке при

¹ Паин Э. А. Между империей и нацией: модернистский проект и еготрадиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд-во: Фонд Либер. миссия, 2004. 246 с.

² Линдохольм Т. Законны ли и осуществимы ли «коллективные права» человека для меньшинств // Доклады и сообщения. Л., 1991. С 93-97. (Цит. по Соколовский С.В. Права меньшинств...//Серия «Научные доклады». № 42. М., 1997. С.88).

³ Сборник международных договоров. Нью-Йорк, 1989. С. 740–741.

правительственном запрете). Так, каждый индивидуум своим голосом, своим личным участием в референдуме, плебисците, голосовании и т. д., реализует свое личное право, тем самым свое отношение к коллективному праву (на этнонациональное самоопределение). В то же время если этническая общность лишена прав на этнонациональное самоопределение, то, как справедливо замечает С. Червонная, и от личного права человека как-то участвовать в решении судьбы своей земли, своей родины ничего не останется¹. Как полагает С. Сорокин, групповые права могут и должны интерпретироваться, прежде всего, как групповая форма реализации индивидуальных прав человека². Делаются выводы, что коллективные права являются правами человека лишь до тех пор, пока отражаемые в групповых правах потребности могут юридически формулироваться в виде норм на основании той посылки, что права человека и коллективные права изначально задуманы главным образом для защиты индивида и коллектива от произвола со стороны государства³. Как считает Г. Старушенко, коллективное право не самоцель, а лишь средство защиты прав человека, личности⁴, и как доказывает О. Егорова не должны ущемлять права человека: «Любой документ, касающийся коллективных или индивидуальных прав, должен рассматриваться как часть уже существующей международной системы правовых стандартов по правам человека»⁵. По мнению С. Ковалева в обществе, где на первом месте стоят духовные ценности, индивидуальные права человека и гражданина не могут вступать в противоречие с коллективными правами⁶. Коллективное право самоопределения этнической общности реализуется как средство согласования интересов этой группы и защиты прав человека, личности, не за счет прав и свобод человека, а через их всестороннюю защиту.

В. Федосенко групповые права подразделяет на собственно групповые права (т.е. те, которые принадлежат исключительно группам), к которым можно отнести такие права, как право на этнонациональное самоопределение, референдум и т.д., и групповые права с двойственной или смешанной природой (такие, которые могут одновременно принадлежать и группам, и отдельным индивидам), например, право на благоприятную окружающую среду, на мир, на международное общение, на информацию, на судебное разбирательство, запрет на необоснованные обыски и захват собственности и т.д.⁷ Следовательно, групповыми правами может пользоваться как вся этническая общность, так и отдельные лица, их образующие.

¹ См.: «Дискуссия «Содержание идеи права народов на самоопределение». URL: <http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/Chapter9.htm> (дата обращения: 30.06.2017).

² Сироткин С. Имеет ли «право на самоопределение отношение к праву?». URL: <http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/Chapter6.htm> (дата обращения: 30.06.2017).

³ Нагенгаст К. Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть. М., 1994. С. 177–202.

⁴ Старушенко Г. Б. Не только тушить, но и предупреждать конфликты / Московский журнал международного права. 1997. № 1. С. 37. С. 28–48.

⁵ Егоров О. Коллективные права и самоопределение. URL: <http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/Chapter7.htm> (дата обращения: 30.06.2017).

⁶ Ковалев С. Права человека как национальная идея / Российский независимый исторический и правозащитный журнал. URL: <http://www.hro.org/editions/karta/nr21/index.php> (дата обращения: 30.06.2017).

⁷ Федосенко В. Актуальные проблемы института коллективных прав / Московская школа политических исследований. URL: (<http://msps.su/?page=102&module==256&id=41>) (дата обращения: 14.12.2008).

Ряд ученых, в основном с конструктивистской позиции, утверждают, что в современных условиях, когда материальные ценности, материальный интерес разъединяет людей и зарождает индивидуализм¹, личность все больше утверждает в своей самодостаточности, претендует на автономную от государства и этнической группы роль. В результате более маневренные субъективные интересы личности вступают в конфликт с традиционалистскими интересами государства и группы. Для них индивидуальные права человека независимы от его этнической принадлежности. Несмотря даже на то, что массовое нарушение индивидуальных прав обусловленных этнической принадлежностью может вызвать коллективный протест, само наличие такой коллективной реакции не превращает индивидуальные права в коллективные².

Следовательно, при рассмотрении концепции «права человека» субъектом всегда должен быть индивид, так как приоритет коллективных прав неизбежно приведет к нарушению прав отдельного человека, и, следовательно, коллективные права (в той мере, в которой все же существуют, в каком бы то ни было виде) не должны называться правами человека. Инструменталистский взгляд обосновывает доминирование прав личности по отношению к правам любой общности, в том числе этнической. Конструктивисты выдвигают более радикальные теории: право на этнонациональное самоопределение противоречит правам человека как индивидуальной личности, а принцип самоопределения – это относится к правам людей – совершенно напрасен перенос понятия о правах народов на человека, потому что народ – не субъект права. Народов, собственно говоря, не существуют – есть отдельные люди.

В отношении субъектов права на самоопределение *либеральная теория* наиболее комплементарна «естественным» началам: «Если каким-либо образом можно было бы предоставить право на самоопределение каждому отдельному человеку, как писал классик либерализма Людвиг фон Мизес (нем. Ludwig Heinrich Edler von Mises), то это следовало бы сделать»³, так как «человечество больше выиграет, если предоставит каждому право жить так, как ему нравится, чем принуждая жить «как надо» с точки зрения остальных», как писал английский философ Дж. Милль⁴. С точки зрения либерализма представляет наивысшую ценность права и свободы *личности*, а не общности, какими бы словами ни назывались, и, при рассмотрении прав человека, субъектом всегда должен быть индивид. Индивидуальные права направлены в первую очередь на защиту прав и свобод человека и не направлены на защиту особого коллектива индивидуумов.

У. Альтерматт, например, утверждает, что в условиях гражданского общества необходимо сконцентрироваться не на коллективных правах, а на индивидуальных правах гражданина, на гражданские права и права человека, которые упразднили примат коллективных прав на западе, например, в форме сословных привилегий⁵. Собственно говоря, современное европейское общество возникло в результате распада традиционного средневекового общества. Наподобие механической картины мира и атомизма индивидуализм стал началом мироощущения человека по принципу «человек – свободный атом челове-

¹ Ковалев С. Указ. соч.

² Соколовский С. В. Права меньшинств: антропологические, социологические и международные аспекты // Транспечать. Серия: Научные доклады. М., 1997. № 42. С. 88.

³ Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции / пер. с англ. А. В. Куряева. М.: Издательство Экономика, 2001. С. 107.

⁴ Милль Дж. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 13.

⁵ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. С. 20–21.

чества!», «один человек – один голос». На первый план вышли права атомизированного индивида, который стал носителем прав и свобод человека в гражданском обществе. Права человека стали центральным элементом правовой системы национальных государств и были нацелены на ограничение абсолютной власти монархов, на установление между гражданином и государством модели взаимовыгодных правоотношений, а именно модели общественного договора. По существу за современной концепцией прав и свобод человека и гражданина в большей степени стоят ценности западной правовой культуры и образа жизни. При этом изначально правовые отношения содержали несколько важных нарративов: во-первых, права человека мыслились преимущественно в юрисдикции суверенного государства, третьи стороны не признавались стороной общественного договора. Г. Гроций допустил некоторое исключение: Если, однако, творится явное беззаконие, если какой-нибудь Бузирис, Фаларис или Диомед Фракийский творит над подданными такое, что не может быть оправдано никем, кто не утратил справедливости, то право человеческого общества не упраздняется»¹; во-вторых, обеспечение прав человека полагалось в рамках общественного договора, как самый эффективный механизм и не противопоставлялось государству; в-третьих, права человека основываются на естественных законах и являются «естественным правом», предшествует государству; человек наделяется правом в силу самого факта его рождения, следовательно, государство не источник предоставления прав человека, а их реализация связана с отношениями с другими людьми.

В современном мире права человека интернационализировались, государство приобрело основную ответственность за их обеспечение и рассматривается как результат правовой политики государств и международных событий.

По мнению М. Д. Перри, сама идея прав человека состоит из двух частей. Первая – каждый человек существо священное «неприкосновенное», «самодостаточное» и т. п. Вторая, что вытекает из первой – некоторые действия не должны осуществляться в отношении каждого человека, а некоторые другие действия должны осуществляться в отношении любого человека². По справедливому замечанию А. де Бенуа критика идеологии индивидуальных прав в настоящее время рассматривается как богохульство, своего рода идеология, требующая, чтобы ее догмы воспринимались как абсолютные. Теоретически основанная на толерантности, как не парадоксально сама идеология индивидуальных прав является нетерпимой³.

Однако такая точка зрения в науке не является доминирующей, тем более – исключительно правильной. Как пишет Д. Кеннеди, права человека часто являлись «скорее проводником для империи, чем антидотом против империи»⁴. Правовой феномен юридизации прав человека более подробно рассматривается в исследовании Базака Сали и Саладина Меклед-Гарсия⁵. Современное учение отражает, скорее всего, правовые, нежели философские концепции индивидуальных прав исходя из следующих предпосылок:

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1956. С. 562.

² Perry M. J. The Idea of Human Rights: Four Inquiries. Oxford Univ. Press, 1998. Pp. 4–5, 14–15.

³ Benoist A. de. Au-dela de droit de l'homme. Défendre les libertés. P.: Editions Krisis, 2004. Pp. 3–4.

⁴ Kennedy D. Reassessing International Humanitarianism: The Dark Sides // International Law and its Others / Ed. by A. Orford. Cambridge Univ. Press, 2006. P. 133.

⁵ Çali B., Meckled-García S. Introduction. Human Rights Legalized – Defining, Interpreting, and Implementing an Ideal // The Legalization of Human Rights. Multidisciplinary perspectives on Human Rights and Human Rights Law / Eds. S. Meckled-García, B. Çali. L.: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. pp. 1–3.

– права человека исследуются в отношениях человека с государством, выступающим и как главный противник и как главный гарант. Самостоятельной ценностью в широком смысле этого слова, эти отношения не обладают;

– юридизация индивидуальных прав структурируется в судебной и нормативно-правовой гарантии, в использовании, воспроизводится признанием фундаментальных правовых категорий и правовых источников в качестве первоисточников, в специфичном, отличном от распространенного, понимании предметов, явлений и процессов;

– права человека как *jus cogens*, все больше рассматриваются универсальной юрисдикцией. Соответственно, режим особой ответственности за их поправление допускает некоторую гуманитарную интервенцию;

– право не может воспроизводить индивидуальное, оно изначально предполагает его перестройку для коллективной жизни, в связи с чем в этом смысле всегда ограничивает индивидуализм. Все усилия нормирования «неотъемлемого» индивидуализма с неизбежностью приводят к конфликту между ограничением как регулирующим свойством права и замкнутостью как свойством индивидуализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. 366 с.
- Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1956. 868 с.
- Егоров О. Коллективные права и самоопределение. URL: <http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/Chapter7.htm> (дата обращения: 30.06.2017).
- Линдохольм Т. Законны ли и осуществимы ли «коллективные права» человека для меньшинств // Доклады и сообщения. Л., 1991. С. 93–97.
- Марача В. Структура и развитие науки с точки зрения методологического институционализма // Кентавр. апрель 2004. № 33. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/42> (дата обращения: 30.06.2017).
- Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции / пер. с англ. А. В. Куряева. М.: Изд-во «Экономика», 2001. 344 с.
- Милль Дж. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10–15.
- Нагенгаст К. Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть. М., 1994. С. 177–202.
- Паин Э. А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд-во: Фонд Либеральная миссия, 2004. 246 с.
- Сборник международных договоров. Нью-Йорк, 1989. С. 740–741.
- Смыслов М. Д. Определение меньшинства. Меньшинства и право на самоопределение // Московский журнал международного права. 1993. № 1. С. 91–110.
- Соколовский С. В. Права меньшинств: антропологические, социологические и международные аспекты // Серия: Научные доклады. М., 1997. № 42. 224 с.
- Старушенко Г. Б. Не только тушить, но и предупреждать конфликты // Московский журнал международного права. 1997. № 1. С. 28–48.
- Perry M. J. The Idea of Human Rights: Four Inquiries. Oxford Univ. Press, 1998. Pp. 4–5, 14–15.

Benoist A. de. Au-dela de droit de l'homme. Défendre les libertés. P.: Editions Krisis, 2004. Pp. 3–4

Kennedy D. Reassessing International Humanitarianism: The Dark Sides // International Law and its Others / Ed. by A. Orford. Cambridge Univ. Press, 2006. p. 133.

Çali B., Meckled-García S. Introduction. Human Rights Legalized – Defining, Interpreting, and Implementing an Ideal // The Legalization of Human Rights. Multidisciplinary perspectives on Human Rights and Human Rights Law / Eds. S. Meckled-García, B. Çali. L.: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. Pp. 1–3.

Раздел 3

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

УДК 34(091) (47+57)

Фалалеева Ирина Николаевна

канд. юрид. наук, доцент кафедры теории, истории права и государства
Волгоградского государственного университета
г. Волгоград, Россия
E-mail: falal@mail.ru

Фалалеева Людмила Александровна

ассистент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения
Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград, Россия
E-mail: ludailina25@inbox.ru

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. Статья посвящена проблеме концептуализации понятия коллективной правосубъектности этносов, а также ее практической реализации национальными меньшинствами Нижне-Волжского края в довоенный период советской истории. Авторы приходят к выводу, что коллективная правосубъектность этносов в исследуемый период находит проявление не только в нормативно-правовых актах, но и в повседневной правоприменительной практике.

Ключевые слова: коллективные права, национальная политика, национальные меньшинства, повседневные практики, этническая правосубъектность.

Irina Falaleeva N.

Doctor of Law, Associate Professor, Chair for History and Theory of the Law and the State,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia
E-mail: falal@mail.ru;

Lyudmila Falaleeva A.

Assistant, Department of International Relations, Political Science and Area Studies,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia
E-mail: ludailina25@inbox.ru

ON THE PROBLEM OF COLLECTIVE LEGAL PERSONALITY IMPLEMENTATION FOR NATIONAL MINORITIES OF THE SOVIET STATE IN THE PRE-WAR PERIOD

Abstract. The article is devoted to the problem of conceptualization of the concept of collective legal personality of ethnic groups, as well as its practical realization by national minorities of the Lower Volga region in the pre-war period of Soviet history. The authors come to the conclusion that the

collective legal personality of ethnic groups during the period under investigation finds expression not only in normative legal acts, but also in everyday law enforcement practice.

Keywords: Collective rights, national policy, national minorities, everyday practices, ethnic personality.

Конфликт национально-культурного, сословного и классового в первые десятилетия советской власти как неизбежное следствие революции единодушно отмечают все исследователи. Этот феномен анализируется в различных парадигмах научного описания. В настоящей статье мы ставим целью охарактеризовать процесс реализации коллективной правосубъектности национальными меньшинствами Нижне-Волжского края в довоенный период как опривыченных рутинных практик. Полагаем, что ретроспективный взгляд на проблему поможет увидеть особенности разворачивания концепта коллективных прав в отечественной истории.

В этой связи успешным представляется обращение к конативному анализу, одному из методов исследования истории повседневности. Постклассические методы исследования стремятся представить правовую сторону взаимодействия не как отдельную умозрительную конструкцию, а как определенный срез, аспект социальной реальности. Один из таких методов, конативный анализ, подразумевает изучение механизма действия правовой системы через любые социальные практики (политические, культурные, хозяйственные и т.п.), эксплицирующие в первую очередь, поведенческие намерения, мотивы волевых актов людей, как представителей этносообществ. Если с позиции истории права нас интересует общая юридическая регламентация лиц и социальных групп, то с позиции истории повседневности стоит задача уяснить и объяснить (интерпретировать) групповые и индивидуальные реакции на конкретные правовые предписания и законы. Благодаря этому подходу проверяется эффективность формальных и неписаных правил.

Одной из проблем исследования видится методологическая трудность в понимании сущности коллективных прав. Нам импонирует аргументация И. С. Тарбастаевой в защиту этого понятия, которая доказывает, что «этническая общность как целое обладает таким системным свойством, как этническая культура, которая функционирует только в пределах группы и не репрезентируется в полном объеме в конкретном человеке»¹.

В отечественной теории права не утихают дискуссии также и о сущностном содержании второй части словосочетания «коллективная правосубъектность» – собственно «правосубъектности»². Правосубъектность как юридическая категория – это вид правового состояния субъекта (любого типа), отражающий способность иметь и осуществлять непосредственно или через своих представителей, юридические права и обязанности, т.е. выступать субъектом правоотношений. Правосубъектность, как и любое правовое состояние, фиксирует позицию субъектов права в конкретных пространственно-временных границах, но, привычным добавлением к этой формуле будет: «закрепленное в установ-

¹ Тарбастаева И. С. Коллективные права этнических общностей: к проблеме правосубъектности в этнонациональной политике // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 101–110; Тарбастаева И. С. Потенциал социальной философии в определении коллективных прав // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 3. С. 260–272. См.: Там же подробный анализ точек зрения сторонников и противников этого концепта.

² Антонов М. В. Правосубъектность в системе теоретико-правовых понятий: от терминологических споров к методологической реинтерпретации // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: Материалы международной научно-практической конференции 25 февраля 2011 г. Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2011. Вып. 9. С. 38.

ленном законом порядке», то есть, она существует только в связи с государственной волей. Именно это добавление является ядром современных дискуссий.

Традиционно в советской правовой теории правосубъектность рассматривалась исключительно в статике, так как определялась законодательными рамками, но в политико-правовой практике, особенно в послереволюционный период, активно проявляли себя динамические компоненты субъектности, в том числе, этнические. Как неоднократно отмечали исследователи, в советском пространстве национальность одновременно оказывалась подвижной и неизменной¹. То же касается классового и партийного статуса².

Историки права вовсе полагают, что следует абстрагироваться от современного контекста термина «правосубъектность», когда речь идет о ретроспективном анализе понятия, указывают на «плавающие рамки» многих признаков, в частности, юридической ответственности, неразграниченности индивида и общества³. Нельзя не замечать и того, указывают исследователи, «что зачастую в истории вообще не ставился вопрос такого уровня абстракции, как признание за лицами правосубъектности. Так, для римского права типична правовая ситуация, когда раб рассматривается в качестве «говорящей вещи», но одновременно за его действиями признаются юридические следствия»⁴.

Один из ведущих специалистов, профессор В. П. Малахов, критикуя «некорректную матрицу словообразования» отечественной теории права в отношении ключевого элемента правосубъектности, понятия «правоспособность», отмечает, что теорию интересует только то, «насколько и как человек может выдерживать давление права, его принудительную силу. Правоспособность человека (точнее, физического лица) имеет значение в действительности как мера правовых (юридических) требований к нему и мера его ответственности... Иными словами, это способность выдерживать государственно-властное принуждение. [...] Представляется, что значение понятия правоспособности состоит в обосновании возможности и необходимости предъявления требований и привлечения к ответственности, а вовсе не обращение внимания на человека (да и юридического лица) как носителя прав. Именно как основание ответственности правоспособность интересует юридическую теорию»⁵. Полагаем, то же можно отнести и к характеристике коллективного субъекта, поскольку именно это – закрепление юридической ответственности за коллективными субъектами, каковыми были этнические группы – и являлось целью советского госуправления в исследуемый период. Думается, что избирательный подход законодателя к наделению правосубъектностью не только отдельных лиц, а тех или иных социальных групп, вполне объясним в этатистской парадигме как советского государства, так и государства любого типа: «В правовое пространство допускаются лишь те уча-

¹ Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 13.

² Социокультурная антропология права. Коллективная монография / Под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 366.

³ Оспенников Ю. В. Об элементах правосубъектности в русском средневековом праве // Проблема правосубъектности: современные интерпретации. Материалы XII ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Самара, 2015. Вып.12. С. 32.

⁴ Антонов М. В. Указ. соч. С. 39.

⁵ Малахов В. П. Сущность правоспособности человека / Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма : сб. науч. тр.; под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск. Акад. МВД, 2015. С. 55–57.

стники социальных взаимодействий, которые выполняют конкретные государственно значимые функции и в существовании которых заинтересована сама власть»¹.

При этом принцип историзма все же требует учитывать специфику понимания коллективных прав в советский период. «Взращивание» наций в форме предоставления автономий носило тактический характер, являлось воплощением социальной инженерии большевизма. Раздавая национальную государственность в обмен на лояльность местных этнических элит, новые управленцы параллельно стремились использовать их как проводников советизации национальных окраин. Данный процесс являлся, по нашему мнению, смысловым ядром национальной политики советского государства с решений XII съезда РКП(б) 1923 г о коренизации до середины 1930-х годов.

Следовательно, такая политика, с одной стороны, продолжала традиции отечественного патернализма, октроированности любых прав, с другой – манифестировала право народов на самоопределение, культурное и экономическое развитие. Лавируя между этими полюсами, законодатель обнаруживал большую изобретательность в деле привлечения национальных меньшинств на свою сторону. Примером можно привести странный для советского правового лексикона, демонстрирующий некую показную угодливость, термин «обслуживание нацмен», которым изобилуют нормативные документы исследуемого периода².

Известно, что возможность реальной защиты существует лишь в отношении тех прав и свобод, содержание которых в достаточной степени определено в действующих нормативно-правовых актах. Однако в отечественном законодательстве отсутствовало определение понятия «национальные меньшинства», хотя для реализации национальной политики были сформированы специальные органы управления. Помимо Народного комиссариата по делам национальностей существовали полномочные представительства национальных меньшинств и уполномоченные по делам национальных меньшинств Наркомнац на местном уровне. Главная задача уполномоченных определялась как защита прав и интересов «нетитульного» населения. Однако после оформления союза, Наркомнац был упразднен и его преемником стал Совет национальностей ЦИК СССР. При этом правовая политика в отношении национальных меньшинств долго оставалась децентрализованной. На деле термин «нацменьшинства» лишь упоминался в республиканской (но не союзной!) Конституции РСФСР 1925 г., его единообразной трактовки не существовало. При преобладании сталинского понимания этого термина: «отдельные текущие национальные группы [...], вкрапленные в инонациональные компактные большинства и в большинстве случаев не имеющие [...] определенной территории»³ даже среди ответственных советских работников бытовало представление о нацменьшинстве как о всем нерусском населении РСФСР. В процессе проведения политики коренизации было осознано, что это особая категория этногрупп, к тому же неоднородная по уровню социально-экономического и культурного развития.

¹ Шигабутдинова А. Л. Правообъектность общины Древнего Востока: некоторые историко-правовые аспекты // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 51–52.

² Фалалеева И. Н. Реализация прав национальных меньшинств Волго-Донского региона как направление правовой политики советского государства в 1920-1930-е годы // В сборнике: Правовая политика и права человека в современной России. Материалы Международного круглого стола. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 217–226.

³ Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X-му съезду РКП(б) // Собр. соч. М., 1951. Т. 5. С. 26.

В докладе Крайно по народному образованию за 1929/1930 г. среди нацмен Нижне-Волжского края, по аналогии с позицией заместителя секретаря ВЦИК РСФСР А.И. Досова, предложившего различать две отдельные группы нацменьшинств исходя из культурного неравенства¹, применительно к Нижне-Волжскому краю выделялись три основные группы: 1) отсталые в культурном отношении (казахи, татары, калмыки, чуваша, мордва); 2) говорящие на русском языке (украинцы, евреи, армяне); 3) стоящие на высокой ступени развития и говорящие также на своем языке (немцы, поляки, чехословаки)². Главной целью такого деления являлась реализация идей выравнивания экономического развития и достижения фактического равенства как базы для дальнейшего «сближения и слияния наций». По мнению исследователей, многие управленцы ожидали этого в ближайшем будущем, от чего отношение к этнодисперсным группам, не имевшим своих территориально-государственных образований, было соответственным. В. Д. Енингхауз полагает, что реально внимание к ним было возбуждено только протестным движением «националов» против коллективизации³.

«Низовое» национальное административно-территориальное районирование проводилось наряду с выделением союзных, автономных республик и автономных областей в 1923–1936 гг. В 1930 г. Президиум ВЦИК предписал местным органам власти провести повсеместное выделение компактно живущих национальных меньшинств в особые административно-территориальные единицы, установив при этом их численность, размеры территории проживания, количественное соотношение с населением других национальностей. Такое выделение оказалось трудной задачей, скорее это был пропагандистский призыв, т.к. в основу административной политики все же был положен принцип экономического тяготения к тому или иному центру. В целом установление межкраевых и внутрикраевых границ не соответствовало национальным особенностям Нижнего Поволжья. При этом зачастую наблюдалось стремление населения не к размежеванию, а к объединению сельсоветов независимо от их национального состава⁴.

В период проведения коренизации в области национальной политики советское государство наделяло правосубъектностью национальные сельские советы, они могли решать вопросы не только культурно-образовательного профиля (участвовать в организации преподавания на родном языке, издавать периодическую печать и т.п.), но и получали преимущества в решении земельного вопроса, регулировали доступ к вузам и должностям с учетом этнического принципа, выполняли административные и фискальные функции. При этом реальных возможностей осуществлять свои права (актуальной дееспособности) у них было крайне мало. Тем не менее, исследователи отмечают интересный парадокс: «Если при определении границ крупных регионов экономические и классовые интересы были среди приоритетных, то при микрорайонировании на уровне ниже районов вплоть до отдельных поселков «национальный принцип был важнее классового принципа»⁵.

¹ См.: Деннингхаус В. Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е гг.: Материалы VI Международной конференции (Киев, 2013 г.). М.: РОССПЭН, 2014. С. 117.

² ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1342. Л. 291.

³ Деннингхаус В. Указ. соч. С. 123.

⁴ Плюцинский С. С. Национально-государственные отношения на территории Нижнего Поволжья. 1917–1929 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. С. 201–202.

⁵ Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / Под ред. В.К. Мальковой, акад. В. А. Тишкова. Ростов н/Д: Изд. ЮНЦ РАН, 2012. С. 11.

Таким образом, следует согласиться с В. Деннингхаусом в том, что «национальные меньшинства парадоксальным образом стали в СССР в 1920-е гг. невольными «благоприобретателями» слабости и неорганизованности деятельности советского государственного аппарата в области реализации национальной политики»¹.

По данным на 1932 г. в Нижне-Волжском крае помимо Республики немцев Поволжья и Калмыцкой автономной области выделены национальные районы: Самойловский, Владимировский, Николаевский – украинские; Володарский – казахский; Наримановский – татаро-ногайский и оформлялось выделение Петровско-мордовского района. Советы в этих национальных районах на 91–92 % состояли из нацмен². Исследователи отмечают, что даже при пропорциональном удельном весе «коренной национальности» в органах советской власти, средняя группа служащих – технические и канцелярские работники, в основном, были русскими. Такая латентная опека вполне устраивала центр³. Заметим, что анализ сведений, содержащих указание национальности уполномоченных нацмен по Нижне-Волжскому краю, показывает, что из шести членов четверо были русскими⁴.

Юридическая наука регистрирует, как правило, те фрагменты правовой действительности, которые объективированы вовне. Но, поскольку правовое взаимодействие постоянно происходило в ситуации неопределенности, нацменьшинства как участники правоотношений имели качества, неподдающиеся однозначной юридической квалификации. В этом случае субъект управления учитывал в правовой практике не только факты (например, формальный критерий – уровень грамотности среди нацменьшинств), но и attitudes (ожидания), как свои собственные, выраженные в многочисленных планах по хозяйственно-культурному обслуживанию нацмен, так и этногрупповые ожидания и притязания «дисперсных этнических групп», проявлявшиеся, например, в борьбе за территориальное межевание сельсоветов, финансирование издательского дела, квоты в вузы и т.п. Так, отнесение национальных меньшинств к «западным» или «восточным», «культурным» или «отсталым» de facto было основано на предубеждениях (ожиданиях) о потенции этноса в деле реализации своих коллективных прав (имели свою автономию или нет), а также в деле строительства социализма.

При конативном анализе архивных документов обнаруживается, что, в частности, от немцев Нижнего Поволжья и не ожидалось высокой политической активности, будь то членство в ВКП(б) или пионерской организации⁵, поскольку они традиционно самоустраивались от политики и в спокойные и в бурные времена. Вместе с тем хозяйственная активность, особенно в период НЭПа, немецким кантонам была присуща в гораздо большей степени, чем иным национальным районам⁶ и это привычно воспринималось как само собой разумеющееся, как норма, т. е., фактически не замечалось.

¹ Деннингхаус В. Указ. соч. С. 125

² ГАВО. Ф. Р-2084. Оп. 2. Д. 9. Л. 24.

³ Никулышина Е. А. Национальное представительство в местных органах власти автономных республик и областей РСФСР в 1920-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 20; Плюцинский С.С. Национально-государственные отношения на территории Нижнего Поволжья. 1917–1929 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. С. 204.

⁴ ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1339. Л. 40.

⁵ Фалалеева Л. А. «Будь готов стать пионером!» Коммунистическое воспитание детей в Республике немцев Поволжья // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2016. №2. С. 129.

⁶ Доклад Старо-Полтавского канткома ВКП (б) о работе с момента обследования в 1925 г. по 1 сентября 1926 г. // ЦДНВО. Ф. 10487. Оп. 1. Д. 71. Л. 94.

О трудностях в работе по «обслуживанию нацмен» также можно судить, например, по докладу ответственного советского работника на первом совещании национальных колхозов Нижне-Волжского края: «Чтобы правильно осуществлять нацруководство, нужно иметь кадры ни на одну бумажку из крайсоюза не было ответа на нацязыке»¹. В другом докладе уполномоченный по делам нацмен тов. Яхина жалуется: «Когда говоришь о недостатках в работе по отношению нацменьшинств, то товарищи говорят, мы работаем не по национальной системе, а по производственному принципу»². Архивные документы изобилуют подобными примерами «переключения» внимания субъекта управления с одной прескрипции на другую (с хозяйственной на этническую и наоборот), демонстрируя некое гештальт-видение в зависимости от текущих задач. Сетования проводников национальной политики на местах вполне понятны. Приведенные цитаты относятся к 1932 г., периоду, когда коллективизация и промышленная модернизация по определению подразумевает унификацию в управлении, а не учет национальных особенностей и «обслуживание интересов».

Как видим, регламентация этнических отношений далеко не всегда была адекватна роли этих отношений в социальной реальности. При проведении кампании коренизации эта роль идеологически завышалась, а при смене курса – резко занижалась, хотя и продолжалась по инерции социального действия, которая приводила к тому, что в фокусе внимания власти оказывался только негативный аспект коллективной правосубъектности – юридическая ответственность. По схожему поводу Н.В. Исаева пишет: «Никто не оспаривает необходимость выделения тех или иных социальных групп, в том числе в целях оказания поддержки в тот или иной период. Вместе с тем, следует учитывать, что... [это] может иметь как положительное влияние на развитие и самореализацию субъекта, так и отрицательное»³.

Как известно, в 1930-е годы неудачи в социалистическом строительстве стали объяснять, в том числе, ростом «местных национализмов».

С 1932 г. в РСФСР был установлен ежегодный учет национального состава рабочих и служащих в каждой автономии, с 1934 г. такой учет велся уже во всем Союзе. С 1933 г. обязательным стало представление ежегодной статистики нацсостава учащихся техникумов, вузов и втузов в общесоюзных наркоматах. По «Положению о паспортах» 1932 г. графа «национальность» заполнялась со слов владельцев, но к 1938 г. произошла смена порядка заполнения пятой графы в паспорте⁴, что также свидетельствовало о кодификации этносубъектности. Исследователи обоснованно связывают сворачивание политики коренизации и усиления контроля над этногруппами с началом нового периода отечественной истории: форсированная модернизация требовала «окончательного решения национального вопроса». Это произошло 17 декабря 1937 года, когда Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило решение о ликвидации национальных районов и сельсоветов как искусственно созданных «врагами народа» с вредительскими целями⁵.

¹ ГАВО. Ф. Р-313, Оп.1. Д. 1342. Л. 194.

² Там же. Л. 146.

³ Исаева Н. В. Особенности социального аспекта правовой идентичности личности // Научный поиск. 2016. № 2. С. 10.

⁴ Тарасов А. Ю. Паспортная система и паспортный режим в советском государстве в 30-е гг. XX в.: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.

⁵ Аманжолова Д.А. Советская власть между идеологией и реальностью (1929–1941 годы) // Сервис PLUS. 2013. № 1. С. 13–15.

Период репрессий с 1936 г. и депортаций периода Великой Отечественной войны еще более отчетливо демонстрируют двойственность правовой политики в национальном вопросе, а именно, два плана нормативных актов, которые можно классифицировать не только по юридической силе и по кругу лиц, но и по принципу гласности¹.

В «открытых» нормативно-правовых актах и актах применения права устанавливалась индивидуальная ответственность за террористическую, шпионскую деятельность и т.п. безотносительно этнической принадлежности, но в актах с грифом «совершенно секретно» назывались лица конкретных национальностей (поляки, немцы, калмыки и т.д.). Да и в местах заключения учет «спецконтингента» строго велся, в том числе и по этническому признаку². Следовательно, юридическая ответственность лица вытекала из его принадлежности к этногруппе³. Таким образом, этносубъектность закреплялась как коллективная, но в негативном смысле, только в форме юридической ответственности.

Если бы национальные сельсоветы и депортации «наказанных народов» не существовали как массовые, причем, рутинные явления правовой, и шире, социальной практики, можно было бы остаться на позиции, что правосубъектность этносов проявлялась только через индивидуальных носителей. Но указанные исторические факты подтверждают обратное.

Мы считаем обоснованным мнение Р. Вахитова о том, что этнополитическая иерархия советских народов может быть понята в категории «этносословие» и что «этносословность была выгодной государству и в определенной мере всем населяющим его гражданам и народам, в том числе и тем, которые внешне выглядят как повергающиеся дискриминации в рамках системы «этносословия-государство»⁴. Указанный концепт помогает осмыслить особый способ юридической идентификации социальных фактов в рамках советской правовой системы, и, шире – правовой реальности. Это и есть та «среда права», тот «социокультурный фон», который определяет и специфику правового статуса отечественных этнокорпораций.

Как естественность сословной субъектности, обоснованная еще М. М. Сперанским, влекла за собой естественность иерархии этногрупп в Российской империи, так же и в XX в. марксистская иерархия классов служила предпосылкой иерархии этносов. Причина такого положения – различная степень «классовой зрелости» в национальных окраинах империи. Отсюда – неизбежность дифференцированного подхода к народам «западным» и «восточным», «развитым» и «культурно отсталым».

Укоренение модели «сталинистской сословности» в варианте распределяющей справедливости связывается с тоталитарным политическим режимом. Собственно, что бы общество было управляемо, оно должно быть структурировано по вертикали – это закон менеджмента, он естественен, следовательно, справедлив и в экономике и в политике и в праве. «Эксплуатация остается присущей жизни как ее основная органичная функция и выте-

¹ Байбурин А. К. Советские практики определения национальности в 1920–1930-е гг. // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции (Киев, 10–12 октября 2013 г.) М.: РОССПЭН, 2014. С.462–463.

² Сулов А. Б. Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х годов: спецконтингент // Вопросы истории. 2004. №3. С. 125–134; Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.

³ Архив Яковлева Александра. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org> (дата обращения 13.05.17).

⁴ Вахитов В. Р. Этносословия и нации: ненационалистический путь модернизации // Общество и этнополитика. VIII конф. РАНХиГС. Новосибирск, 2015. Т. 2. С. 48.

кает непосредственно из воли к власти. «Коллективный эгоизм» любых корпораций, будь то классы, этносы, партии – характерная черта современности»¹.

В заключении следует сделать вывод о том, что, в отсутствии четко разработанного механизма реализации правосубъектности этнических сообществ, повседневная советская практика правоприменения продолжала оперировать соображениями революционной целесообразности. «Мерцание» различных признаков коллективной субъектности, от этнической до классовой, воспринималось как опривыченная норма и было обусловлено сменой задач отечественного государственного управления, что нашло отражение в сфере советской национальной политики. Полагаем, права профессор Т. Ю. Красовицкая, утверждая, что «несмотря на противоречия в национальной политике, вариант большевиков осуществления принципа самоопределения соответствовал объективным интересам многочисленных этносов бывшей империи»².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аманжолова Д. А. Советская власть между идеологией и реальностью (1929–1941 годы) // Сервис PLUS. 2013. № 1. С.13–15.

Антонов М. В. Правосубъектность в системе теоретико-правовых понятий: от терминологических споров к методологической реинтерпретации // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: Материалы международной научно-практической конференции (Самара, 25 февраля 2011 г.). Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2011. Вып. 9. С. 31–40.

Байбурин А. К. Советские практики определения национальности в 1920–1930-е гг. // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции (Киев, 10–12 октября 2013 г.). М.: РОССПЭН, 2014. С. 462–463.

Вахитов В. Р. Этносословия и нации: ненационалистический путь модернизации // Общество и этнополитика. VIII конф. РАНХиГС. Новосибирск, 2015. Т. 2. С. 42–50.

Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 764 с.

Деннингхаус В. Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции (Киев, 10–12 октября 2013 г.). М.: РОССПЭН, 2014. 686 с.

Исаев И. А. Консервативные парадигмы: власть и традиция // История государства и права. 2015. № 22. С. 36–43.

Исаева Н. В. Особенность социального аспекта правовой идентичности личности // Научный поиск. 2016. № 2. С. 9–11.

Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В.К. Мальковой, акад. В. А. Тишкова. Ростов н/Д: Изд. ЮНЦ РАН, 2012. 312 с.

¹ Исаев И. А. Консервативные парадигмы: власть и традиция // История государства и права. 2015. № 22. С. 43.

² Красовицкая Т. Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности (1917–1922) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XV Международной научной конференции: В 2-х ч. 2016. С. 91.

Малахов В. П. Сущность правоспособности человека/Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма: сб. науч. тр.; под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск: Акад. МВД, 2015. С. 55–57.

Никульшина Е. А. Национальное представительство в местных органах власти автономных республик и областей РСФСР в 1920-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 28 с.

Оспенников Ю. В. Об элементах правосубъектности в русском средневековом праве // Проблема правосубъектности: современные интерпретации. Материалы XII ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Самара, 2015. Вып.12. С. 32.

Плюцинский С. С. Национально-государственные отношения на территории Нижнего Поволжья. 1917–1929 гг: дисс. дисс. кандид. ист. наук. Волгоград. 2010. С. 201–202.

Социокультурная антропология права. Коллективная монография / Под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб.: Изд. Дом Алеф-Пресс, 2015. 840 с.

Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X-му съезду РКП (б) // Собр. соч. М., 1951. Т. 5. 441 с.

Суслов А. Б. Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х годов: спецконтингент // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 125–134; Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.

Тарасов А. Ю. Паспортная система и паспортный режим в советском государстве в 30-е гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 166 с.

Тарбастаева И. С. Коллективные права этнических общностей: к проблеме правосубъектности в этнонациональной политике // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 101–110.

Тарбастаева И. С. Потенциал социальной философии в определении коллективных прав // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 3. С. 260–272.

Фалалеева Л. А. «Будь готов стать пионером!» Коммунистическое воспитание детей в Республике немцев Поволжья // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2016. № 2. С. 126–142.

Фалалеева И. Н. Реализация прав национальных меньшинств Волго-Донского региона как направление правовой политики советского государства в 1920-1930-е годы // Правовая политика и права человека в современной России: Материалы Международного круглого стола. Волгоград: Изд. ВолГУ, 2015. С. 217–226.

Шигабутдинова А. Л. Правосубъектность общины Древнего Востока: некоторые историко-правовые аспекты // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2(26). С. 51–52.

УДК 82-92

Байбатырова Наиля Мунировна

канд. филол. наук,
доцент кафедры теории и истории журналистики
Астраханского государственного университета
г. Астрахань, Россия
E-mail: aulova83@mail.ru

ПРАВА ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ СССР В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация. Исследуются вопросы соблюдения прав народов Советского Союза в оценке публицистов «третьей волны» русской эмиграции, а также освещению национального вопроса в изданиях русского зарубежья второй половины XX века. Проанализированы статьи, выступления, интервью и другие публицистические работы писателей и публицистов-эмигрантов с мировым именем – А. И. Солженицына, А. А. Зиновьева, а также книги и труды, посвященные национальной политике страны и этнических прав ее народов менее известных авторов эмиграции.

Ключевые слова: этнические сообщества, права народов, национальный вопрос, публицистика русского зарубежья, авторы эмиграции.

Baybatyrova Nailya M.

Candidate of Philology (PhD)
Associate Professor of the Subdepartment of Theory
and History of Journalism of Astrakhan State University
Astrakhan, Russia
E-mail: aulova83@mail.ru

THE RIGHTS OF ETHNIC COMMUNITIES OF THE USSR IN THE JOURNALISTIC DISCOURSE OF RUSSIAN ABROAD

Abstract. Questions of observing the rights of the peoples of the Soviet Union in assessing the publicists of the "third wave" of Russian emigration, as well as covering the national issue in the editions of the Russian emigration of the second half of the 20th century are examined. Articles, speeches, interviews and other journalistic works of world-famous writers and publicists-AI Solzhenitsyn, AA Zinoviev-have been analyzed, as well as books and works devoted to the national policy of the country and the ethnic rights of its peoples of less well-known authors of emigration.

Key words: Ethnic communities, the rights of peoples, the national question, the journalism of the Russian emigration, the authors of emigration.

В многонациональном Советском Союзе этнические проблемы не были предметом широкого обсуждения, зачастую они намеренно скрывались либо искажались. Общациональные процессы в СССР были значительно более сложными явлениями, чем борьба за осуществление тех или иных национальных ценностей. Это прежде всего внутриэтнический процесс, который строился на специфическом и уникальном взаимодействии членов нации, разных ее внутриэтнических групп. Народы СССР имели несколько различную внутриэтническую организацию, и не в смысле наличия или отсутствия у них тех или иных общественных инструкций, а в смысле структуры функциональных внутриэт-

нических признаков. При наличии всех внешних черт гомогенности населения Советской России дистанция между этническими русскими и другими народами реально не всегда могла быть уменьшена до минимума. Периодические попытки форсировать русификацию союзных республик тоже не всегда оканчивались удачно.

В публицистике русского зарубежья развернулось широкое обсуждение национальных вопросов, в том числе затрагивались темы юридического механизма реализации гарантий конституционных прав, касающихся национальных отношений. Отдельные авторы и эмигрантские издания заговорили о необходимости изменения национально-государственного устройства, о национальных автономиях.

Один из самых известных русских эмигрантов «третьей волны», лауреат Нобелевской премии по литературе Александр Исаевич Солженицын в «Письме вождям Советского Союза»¹, опубликованном в Париже в 1974 г., напрямую заявлял об угрозе национальной катастрофы. По его мнению, следовало провести справедливое размежевание ныне существующих национальных республик. В ряде случаев этот вопрос затрагивает интересы не двух, а трех и более республик и множества этносов. Не решенные вовремя пограничные споры неизбежно станут очагами конфликтов, в которые будут втянуты сразу несколько соответствующих регионов.

Весомым для анализа точки зрения автора на национальную политику в стране стало гораздо более позднее произведение А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» с подзаголовком автора «Посильные соображения»². Публицистическая работа увидела свет накануне развала Советского Союза в приложении-брошюре к газете «Комсомольская правда». Автор затрагивал сложные и неоднозначные темы и напрямую говорил о мнимом идеологическом понятии - «социалистической дружбе народов», в котором разочаровались и рядовые граждане, и правящая верхушка. Обосновывалась необходимость отделения союзных республик. А.И. Солженицын сравнил Союз с опостылевшей всем жильцам коммунальной квартирой. Главные права любой нации, считал он, – это права самоопределения и отделения. Если же они не будут соблюдаться, это может закончиться насилием и кровью. Поэтому нет смысла удерживать народы вместе такой ценой.

В статье «Большевизм и национальный вопрос» историк и писатель, профессор Николай Иванович Ульянов высказывал мысль, что в СССР ведется намеренное разжигание национальных страстей. Прошедший ГУЛАГ, а затем эмигрировавший в Марокко, позже проживавший в Канаде, США, Н.И. Ульянов ни на минуту не забывал о родине. Значимым трудом этого автора в эмигрантский период его творчества стало исследование «Происхождение украинского сепаратизма»³. Оно было опубликовано еще в 1966 г. несколькими зарубежными издательствами. В публицистическом сборнике «Скрипты» он неоднократно обращался к теме национальной политики страны и этнических прав ее народов: «Ведь так разрушали Россию, ведь так вбивали клинья между тремя ветвями русского народа. И никому, пожалуй, кроме нас, так осязательно, так воочию не ясно, каким мощным орудием является национальная политика в руках коммунистов»⁴. Н.И. Ульянов уверен: «Годы нечеловеческих страданий под советской властью, страшные годы войны – притупили национальную рознь, но необычайно усилили сердечные

¹ Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. Paris, 1974. 51 с.

² Солженицын А. Как нам обустроить Россию (посильные соображения). М, 1990. 45 с.

³ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. 288 с.

⁴ Ульянов Н. И. Большевик и национальный вопрос // Скрипты. Энн Арбор, 1981. С. 149.

связи между народами СССР»¹. Он спорил с сепаратистскими изданиями, которые утверждали, что народы страны одержимы идеей независимости. По словам автора, «подсоветский человек, лишенный элементарных прав, элементарной законности, лишенный зачастую простых общечеловеческих прав, низведенный до звериного существования, мечтает не столько о национальном величии, сколько об обретении этих прав, об обретении человеческого образа»². Советскому человеку важнее гражданские права и свободы.

Пресса русского зарубежья чутко отреагировала на перестроечные реформы, происходившие в Союзе. Особо обсуждался национальный вопрос, остро вставший в Прибалтике и Казахстане, Армении и Украине, в Симферополе и Ташкенте. По огромной стране прокатилась волна митингов и демонстраций. Национальные обиды и непонимания были связаны с ущемлением прав этносов СССР. Антология журналистики под названием «Своими силами» 1987–1988 гг. назвала национальный вопрос «самым животрепещущим, самым неотложным, самым болезненным политическим вопросом...»³. Жажда этнического самоопределения и развития у всех народов Советского Союза влекла за собой отрицание советской власти, воспринимаемой как чуждое национальному духу, навязанное извне национальное начало. Оппозиционная пресса русского зарубежья напрямую обвиняла советскую власть в русском империализме и фальшивом интернационализме. «Становится все более и более очевидно, что национальные проблемы – сегодня главные, наиболее насущные проблемы нашего многонационального общества. Однако то, что вполне ясно независимому общественному мнению, для правящей администрации и для официального менталитета существует лишь как объект подавления – подавления, которое прикрывается пустой болтовней о социалистическом интернационализме», – утверждалось в вышеназванной антологии зарубежной журналистики⁴. Здесь же были опубликованы материалы с заголовками: «Решение национальных проблем откладывать некуда», «Чем меньше империй, тем меньше проблем».

Основной вопрос, который обсуждали авторы на страницах эмигрантских изданий, звучал следующим образом: как отделиться тем, кто хочет отделиться, и как жить вместе тем, кто предпочитает жить вместе? Так, главным признавалось право этносов на самоопределение. Анализу подверглись и другие, более конкретные права этносов СССР. Главнейшая тема – введение в конституциях всех союзных республик положения о коренном языке как государственном языке каждой республики, обеспечении полноценного функционирования национальных языков во всех сферах государственной и общественной жизни республик. Писали также о праве обеспечения национально-культурных потребностей малых народов, упразднении дискриминационных пунктов в учебных заведениях и при приеме на работу, правах национальных меньшинств, основная масса населения которых проживает вне СССР и имеет свою государственность.

Математик с мировым именем, член-корреспондент АН СССР, лауреат Нобелевской премии, публицист Игорь Ростиславович Шафаревич много и плодотворно занимался исследованием национальных проблем в СССР. Он опубликовал несколько книг и статей, затрагивающих проблемы соблюдения прав русских в союзных республиках, а также прав малых народов. Этот автор не эмигрировал из Союза, однако многие его труды вы-

¹ Там же. С. 156.

² Там же. С. 156–157.

³ Своими силами: Антология независимой журналистики 1987–1988 гг. / Авт.-сост. Р. Редлих. Франкфурт-на-Майне, 1989. С. 63

⁴ Там же. С. 70

шли в свет в русскоязычных издательствах за рубежом. И.Р. Шафаревичу принадлежит работа «Русофобия», а также статьи «Есть ли у России будущее?», «Мы все оказались на пепелище...», «Русский вопрос». И.Р. Шафаревич неоднократно писал, что в республиках немало сложностей, нарушений этнических прав. Публицист задавался вопросом: «Как сохранить права нацменьшинств, которые по численности в ряде республик почти равны национальному большинству?»¹. Его статья «Обособление или сближение? (Национальный вопрос в СССР)» смогла найти место только в «самиздате», а затем вошла в инициированный А.И. Солженицыным сборник «Из-под глыб», вышедший в издательстве YMKA-PRESS в Париже в 1974 г. «Можно сказать (и говорят, разумеется) о том, что не должно быть никаких ограничений и национальность не должна приниматься во внимание, должны приниматься во внимание только способности», – подчеркивал он в беседе с корреспондентом журнала «Слово» Д. Меркуловым в 1990 г.²

Феномену жизни в Советском Союзе посвящена публицистическая книга Александра Александровича Зиновьева «Гомо советикус»³. Советские власти лишили ученого-логика, философа, писателя и публициста А. А. Зиновьева ученых степеней и званий и в 1978 г. выдворили его за пределы родины. В эмиграции он продолжал увлеченно заниматься публицистикой, сопоставляя типы обществ в исторической перспективе. На Западе А. А. Зиновьев был награжден премией за лучшее европейское эссе по социологии, а в 1982 г. получил престижнейшую премию Токвиля. Этот автор рассматривал советское общество как вненациональную общность людей, то есть как коммунальный социум. В другом произведении – книге «Коммунизм как реальность» (1980 год) А. А. Зиновьев подчеркивал, что «коммунистический строй успешно справляется с национальными проблемами»⁴. Он отмечал также очень сильную тенденцию «к уничтожению национальных перегородок и нивелированию национальных различий в населении страны...»⁵.

Особое место в литературно-публицистическом творчестве представителей «третьей волны» русской эмиграции занимали политические анекдоты на тему национальных отношений, этнических прав народов СССР. Среди них были как авторские образцы фольклорного жанра, так и анекдоты, коллекционируемые представителями русской эмиграции. Так, Дора Штурман и Сергей Тиктин в своей книге «Советский Союз в зеркале политического анекдота» национальному вопросу отводят особый раздел. «Мы выделили в особую группу анекдоты, посвященные так называемой «дружбе народов» – этому постоянно эксплуатируемому советской официальной пропагандой мифу», – писали авторы⁶. В отдельных анекдотах подчеркивалась взаимная неприязнь некоторых национальностей, например, грузинов и армян, русских и прибалтов. Вот одна из подобных анекдотических зарисовок, популярная в 1970-х гг.:

«В Таллине, столице Эстонии, русский ищет какой-то адрес. Он показывает прохожему-эстонцу записку с адресом и спрашивает, куда пройти. Эстонец подробно описывает маршрут, и русский удивляется:

– Но ведь эта улица ведет на вокзал...

¹ Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее? Публицистика. М., 1991. С. 547.

² Там же. С. 536.

³ Зиновьев А. Гомо советикус. М., 2000. 477 с.

⁴ Зиновьев А. Коммунизм как реальность. М., 2003. С. 215.

⁵ Там же.

⁶ Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. London, 1985. С. 354.

- Да, конечно...
- Но мне совсем не надо на вокзал!
- Но это для вас самый лучший путь...»¹.

Отдельного внимания требует анализ анекдотов на «еврейскую тему». Еврейские анекдоты как тематическое единство делились, с одной стороны, на антисемитские, с другой – на такие, в которых доминирует симпатия к евреям. Количественно анекдоты на еврейские темы обгоняли почти все прочие виды. В цикле анекдотов, собранных Д. Штурман и С. Тиктиным, были отражены многие фундаментальные стороны советской действительности, но их восприятие дано через призму еврейских проблем – под знаком мироощущения и миропонимания советских евреев. В анекдотах на еврейские темы был весьма точно отражен характер советского государственного антисемитизма. Национальность отмечалась обычно в пятом пункте анкет, заполняемых советскими гражданами при устройстве на работу. Отсюда возникали многочисленные шутки, обыгрывающие эту графу. В 1970-х годах особо актуальной стала тема выездов евреев из СССР по вызовам Израиля. Права евреев – особый вопрос, обсуждаемый авторами русского зарубежья. Следует отметить, что «третья волна» эмиграции из Советской России во многом состояла из этнических евреев. Именно поэтому ее называли «этнической». Правовому статусу еврейского населения посвящен, например, следующий анекдот, также датируемый 1970-ми годами:

- «Автоинспектор останавливает водителя:
- Вы превысили скорость.
- Какой русский не любит быстрой езды? – Говорит нарушитель.
- Ваши права!
- Какие у еврея права?»².

Таким образом, журналисты, публицисты и писатели русского зарубежья во второй половине XX в. уделяли повышенное внимание проблемам этнических прав народов покинутого ими СССР, национальному вопросу в меняющихся социально-политических условиях. Большинство авторов эмиграции отчетливо понимали и подчеркивали в своих статьях, публичных выступлениях, произведениях крупных публицистических форм, что каково бы ни было будущее Союза, собственно Россия останется страной многонациональной. Многие отмечали, что смешение понятий «советский» и «русский» – это уже нарушение основополагающего права титульной нации страны. Данный факт продуцировал рост антирусских настроений на национальных окраинах, что в свою очередь вызывало шовинистическую волну в океане русского населения. Писатели и публицисты «третьей волны» русской эмиграции указывали, что теряются национальные ценности как русского населения, так и других крупных и малых этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зиновьев А. Гомо советикус. М., 2000. 477 с.
 Зиновьев А. Коммунизм как реальность. М., 2003. 211 с.
 Своими силами: Антология независимой журналистики 1987-1988 гг. / авт.-сост. Р. Редлих. Франкфурт-на-Майне, 1989. с. 122.

¹ Там же.

² Там же. С. 439.

- Солженицын А. Как нам обустроить Россию (посильные соображения). М., 1990. 45 с.
 Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. Paris, 1974. 51 с.
 Ульянов Н. И. Большевизм и национальный вопрос // Скрипты. Энн Арбор, 1981. С. 149.
 Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. 288 с.
 Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее? Публицистика. М., 1991. 195 с.
 Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. London, 1985. С. 354.

УДК [947]: 470.55/58

Мударисов Рамиль Зуфарович
 д-р ист. наук
 Финансовый университет
 при Правительстве Российской Федерации, Уфимский филиал,
 г. Уфа, Россия
 E-mail: mударисов_ramil@mail.ru

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА БАШКИР НА ЗЕМЛЮ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются особые правовые нормы землевладения башкир в первой половине XIX века и политика правительства направленная на регулирования земельных отношений в регионе.

Ключевые слова: башкиры, золотодобывающая промышленность, земля, землевладение.

Mударисов Ramil Z.
 Doctor historical Sciences
 Financial University under the Government of the Russian Federation,
 Ufa branch
 E-mail: mударисов_ramil@mail.ru

THE COLLECTIVE RIGHTS OF BASHKIRS ON LAND IN THE RUSSIAN LEGISLATION IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Abstract. The article deals with the special legal norms of land tenure of the Bashkirs in the first half of the XIX century and the policy of the government aimed at regulating land relations in the region.

Key words: Bashkirs, gold mining industry, land, land ownership.

Значительная часть земли и природных ресурсов края в первой половине XIX в. принадлежала башкирам. В целях социально-экономического развития региона, создания благоприятных условий для привлечения капитала правительство должно было урегулировать вопросы землевладения и землепользования в Башкирии. Однако политика российского правительства в решении этих вопросов отличалась своей неоднозначностью. Подтверждением этого служит история золотодобычи на землях, принадлежащих башкирам.

Для развития частной золотопромышленности на башкирских землях важное значение имел закон от 10 апреля 1832 г. «О правах башкирцев на принадлежащие им земли в Оренбургском крае»¹. Закон признавал «башкирцев владельцами всех тех земель, кои ныне бесспорно им принадлежат», а также прекращал действие указа от 11 октября 1818 года, «коим воспрещена была продажа башкирских земель». 2 сентября 1833 г. были опубликованы «Высочайше утвержденные правила, во исполнение Высочайшего указа 10 апреля 1832 г., составленные на продажу и отдачу в кортому башкирцами вотчинных земель их»². По закону земельные сделки переходили под непосредственный контроль военного губернатора. Он оценивал выгоден или нет башкирам заключаемый ими контракт об отдаче земли в аренду. Ему также принадлежало последнее слово при его утверждении.

Вопрос о том, разрешено ли было башкирам в изучаемое время лично владеть приисками и добывать золото на своих вотчинных землях, законодательно не был урегулирован. Об этом красноречиво свидетельствует дело башкира 8 кантона 18 юрты деревни Такиной Мухаметкарима Мухамаева. В октябре 1857 г. им было найдено золото в землях, принадлежащих башкирам этой юрты около д. Тляшевой. Мухамаев изъявил желание начать разработку найденного золота и доложил об этом своему начальству: юртовому старшине Мирасу Хисаметдинову, кантонному начальнику Белякову, попечителю³ округа майору Бородовичину, а также в земскую полицию. «Но все его объявления остались без последствий». Между тем открытый им золотой прииск стал «разрабатываться какими-то купцами». Тогда Мухамаев обратился с прошением на имя Александра II выдать ему разрешение на отыскание других месторождений. В прошении он писал: «Я имею непоколебимое желание приискивать и другие золотые пески, которые могут приносить государству пользу». Простение попало на рассмотрение Главному начальнику горных заводов Уральского хребта генерал-майору Ф. И. Фелькнеру. Последний 3 октября 1859 г. препровождает его оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А. А. Катенину, сославшись на то, что Мухамаев «по званию своему принадлежит не горному ведомству и предмет его просьбы относится до земель, находящихся в распоряжении начальства башкирского войска и при том в просьбе этой заключена претензия на то же начальство»⁴.

По существу вопроса, имеют ли право башкиры владеть золотыми приисками и сами разрабатывать их, оренбургским и самарским генерал-губернатором А. П. Безаком в письме министру финансов от 6 февраля 1861 г. было высказано следующее мнение. В гражданском законодательстве было указано, что владеющие землей башкиры-вотчинники «распоряжаются не на одну поверхность, но и на самые ее недра». Горное законодательство также разрешало каждому собственнику «искать, копать, плавить, варить и чистить металлы: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, а также минералы, драгоценные камни и все то по собственному своему произволу обрабатывать»⁵. Вместе с тем круг людей, по закону имеющих право заниматься золотопромышленностью, был строго ограничен. Башкиры в их число не входили.

Следовательно, с одной стороны, башкирам, как собственникам земель, не запрещалось самим владеть приисками и добывать золото, но, с другой стороны, по горному уставу они не имели на это право. Поэтому генерал-губернатор просил у министра финансов «от-

¹ Полное собрание законов. II. Т. VII. № 5287. (Далее ПСЗ).

² Там же. Т. VIII. № 6334.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10156. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Свод законов Российской империи... Устав горный... Т. VII. Ст. 560.

зыка», т. е. разъяснения этого противоречия в законодательстве. Со своей стороны он считал, что «на точном основании» Устава горного башкиры не должны быть лишены права «лично самим заниматься разработкой золота в своих землях, с соблюдением при этом общего правила, обязывающего всякое лицо, вступающее в сделку с башкирами, заключать условие с двумя третьими вотчинников»¹. В ответе, полученном генерал-губернатором 10 августа 1861 г. от товарища министра финансов, говорилось: он согласен, что «для развития золотопромышленности полезно было бы предоставлять права» разработки золота башкирам. Это явилось бы по существу «не дарование нового права башкирам, а лишь согласование разрешения, происшедшая по букве закона»². Также с целью развития золотопромышленности товарищ министра считал возможным разрешить золотодобычу не только башкирам, но и тептярям, не имеющим вотчинных прав на землю, и казакам Оренбургского казачьего войска, «имеющих земли в пользовании, а не во владении»³.

Таким образом, в исследуемое время башкиры собственными золотыми приисками не владели. Даже в том случае, когда находили золото на своих вотчинных землях, разрешение на его добычу им не давали. Следовательно, они являлись не полными собственниками земли, а ограниченными. В пользу этого утверждения говорит и то обстоятельство, что закон вообще допускал конфискацию вотчинной земли у башкир для различных государственных целей. Таким образом, официально признавая вотчинное право башкир, правительство в то же время подчеркивало и условность его. Разрешение заниматься золотопромышленностью лицам всех сословий было дано только в 1870 г. с введением Устава о частной золотопромышленности⁴. Поэтому до этого времени башкиры-вотчинники вынуждены были отдавать золотоносные участки в аренду частным лицам, по закону имеющим право на золотодобычу.

К таковым относились только русские подданные: «1) дворяне потомственные и личные, служащие и неслужащие...; 2) почетные граждане потомственные; 3) купцы 1-й и 2-й гильдии и торгующие на правах которой-либо из сих гильдий. Но отставные от службы с тем, чтобы впредь не определять, и оглашенные по суду изобличенным в поступках предосудительных, не имеют права на получения дозволения заниматься золотопромышленностью..., хотя бы и принадлежали к сословиям лиц вышеозначенных»⁵. Другими словами, лица, находящиеся или бывшие под судом, лишались права заниматься золотодобычей. Прииски их передавались другим лицам. Частный золотой промысел в Оренбургской губернии разрешался также «лицам на службе по выборам от дворянства состоящим»⁶. Личные дворяне и почетные граждане для производства золотого промысла обязаны были иметь «установленные для 2-й купеческой гильдии свидетельства»⁷.

Аренда башкирских земель происходила на следующих условиях:

1. Золотопромышленник, приступая к разведке золота, должен объявить о своем намерении начальнику кантона.
2. В случае нахождения золота обязан заявить о своем открытии кантонному начальнику.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10156. Л. 10.

² ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10156. Л. 12–13.

³ Там же.

⁴ Горный журнал. 1870. № 9. С. 58–107.

⁵ Свод законов Российской империи... Устав горный. Т. VII. Ст. 2432.

⁶ Свод законов Российской империи... Устав горный. Ст. № 2429.

⁷ Там же. Ст. № 2433.

3. Получить согласие башкир на отдачу в оброчное содержание землю и заключить с ними договор. В условиях договора обязательно указывались «урочища, отдаваемые в оброк; сумма подлежащая к уплате вотчинникам; права владельцев и контрагентов в случае неустойки; право отыскания золота ограничивалось одним годом».

4. Договор свидетельствовался у юртового старшины и кантонного начальника¹.

Вотчинниками считались «все башкиры, к одной волости или тюбе принадлежащие, хотя бы они разделялись на разные команды и даже состояли в разных уездах». На заключение договора должны были дать согласие две трети членов общины с 20-летнего возраста «без всякого преимущества в пользу чиновных из них».

Кантонные начальники и старшины участвовали в договоре наравне с рядовыми вотчинниками и то только в том случае, «когда они принадлежат к той волости, которая прощает землю; но чиновначалие в сем случае не имеет никакого перевеса или влияния». Кантонный начальник предоставлял предварительные условия контракта на рассмотрение командующего Башкирским войском. Затем они утверждались военным губернатором, если он считал их «безобидными для вотчинников», и после замечаний последнего «условия сии» доставлялись в гражданскую палату, которая совершала контракт. Губернатор уведомлял горное правление о разрешении на заключение контракта, после чего оно «отводило к прииску узаконенную площадь», выдавало промышленнику специальные пронумерованные строгой отчетности «шнуровые книги на записку золота».

В гражданском суде интересы башкир представляли выбранные из их среды доверенные люди. В основном это были влиятельные башкиры, члены кантонного и войскового управления, а также наиболее уважаемые, грамотные рядовые члены общины. От общества им выдавалась письменная доверенность на гербовой бумаге, заверенная кантонной печатью. В доверенности указывалось, кому и для решения каких вопросов она выдана.

В пользу башкир золотопромышленники платили, в зависимости от взаимной договоренности, 10 % со всего добытого золота или 10 % с чистой прибыли. Две трети из этой суммы раздавались вотчинникам, одна третья поступала в общественный башкирский капитал, сумма которого к началу 60-х годов XIX в. достигла значительной суммы – 420 тыс. руб. Эти деньги по закону по «собственному усмотрению и желания обществ... с утверждения Оренбургского военного губернатора» должны были использоваться: «а) на пособие башкирцам, потерпевшим разорение от пожара и других несчастных случаев; б) на образование юношества; в) на устройство общественных зданий; г) на пособие совершенно бедным в обмундировании и вооружении; д) на содержание кантонного и местного сельского управления»².

За отходящие под прииски земли промышленники платили башкирам вознаграждение в следующих размерах: за каждую десятину луговой земли по 3 руб. сер., пашенной, не распаханной под посев от 1 р. 30 к. до 3 руб. сер. и за приготовленную под посев платили одновременно за распашку – от 5 до 6 руб. сер.³

Башкиры заботились о том, чтобы после окончания срока аренды возвращаемая им земля была пригодна для занятия земледелием, скотоводством, охотой, бортничеством, т. е. традиционными видами хозяйства, поэтому во всех договорах об отдаче в аренду земли золотопромышленникам обязательно включались условия, запрещающие им вытап-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3055. Л. 3.

² ПСЗ. II. Т. VIII. № 6334.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3095. Л. 43;

тивать и пахать луга, истреблять леса. Держать лошадей разрешалось только для нужд производства. За нарушение этих условий предусматривались штрафы. Так, «если разработка металла будет производиться на лугах и те будут изрыты, должен платить хозяину луга за каждый квадратные три сажени вырытой ямы по 15 коп. асс., а потом засыпать должны ямы, где мы ему скажем, оставляя их не более аршина в глубину. У кого рабочие потопчат луга или хлеб потравят, тому платить вдвое»¹.

На арендованных землях без согласия вотчинников не разрешалось возводить железнотделательных заводов, других строений, кроме необходимых для добычи и промывки песков и для размещения рабочих. Лес для строительства и отопления временного жилья отпускался по ценам, установленным для башкирских лесов. За поврежденные леса с промышленников взыскивался штраф. Отработанные шурфы во избежание падения в них скота должны были засыпаться. В случае невыполнения этого условия и гибели скота должен был платиться штраф: за лошадь – 15 руб., жеребенка – 5 руб., корову – 10 руб., теленка, барана, козу – по 2 руб. сер.² Срок аренды определялся в договорах от 8 до 12 лет. Вотчинники оговаривали право кочевать в своих землях по всем речкам, ключам, озерам, но если где-либо заводился прииск, «то мы, вотчинники, обязуемся немедленно откочевать на другие места на расстояние двух верст от места работ»³.

В договорах особо оговаривалось положение о том, что аренда земли не дает промышленникам право собственности на нее и с прекращением разработки прииска она возвращается вотчинникам.

Таким образом, история возникновения золотопромышленности на башкирских землях дает достаточное основание утверждать о довольно развитой законодательной системе защиты коллективных прав башкир в дореволюционной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Полное собрание законов. II. Т. VII. № 5287.
 Центральный Государственный Исторический Архив Республики Башкортостан Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10156. Л. 9.
 Свод законов Российской империи. Устав горный. Т. VII. СПб., 1857. Ст. 560.
 Центральный Государственный Исторический Архив Республики Башкортостан И-2. Оп. 1. Д. 10156. Л. 10.
 Горный журнал. 1870. № 9. С. 58–107.
 Свод законов Российской империи. Устав горный. Т. VII. СПб., 1857. Ст. 2432.
 Центральный Государственный Исторический Архив Республики Башкортостан И-2. Оп. 1. Д. 3055. Л. 3.
 Полное собрание законов. II. Т. VIII. № 6334.
 Центральный Государственный Исторический Архив Республики Башкортостан И-2. Оп. 1. Д. 6237. Л. 11.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6237. Л. 11.

² Там же. Д. 6597. Л. 41.

³ Там же. Д. 6221. Л. 20–25.

*Раздел 4***ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ**

УДК 39, 340

Новикова Наталья Ивановна

ведущий научный сотрудник

Института этнологии и антропологии РАН,

г. Москва, Россия

natinovikova@gmail.com**КОЛЛЕКТИВНОЕ ПРАВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ НА САМОБЫТНОЕ
РАЗВИТИЕ: КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ ИЛИ КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ¹**

Аннотация. В статье анализируются коллективные и индивидуальные права коренных малочисленных народов в контексте промышленного освоения и аборигенного предпринимательства. Специальное внимание уделяется культурной ценности коллективных прав и необходимости достижения свободного предварительного и осознанного согласия этих народов при принятии решений и в их собственной деятельности.

Ключевые слова: коллективные и индивидуальные права, самобытное развитие, аборигенное предпринимательство, культурные ценности, международное право и российское законодательство, статус коренных малочисленных народов.

Novikova Natalia I.

Leading Researcher

Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia

natinovikova@gmail.com**COLLECTIVE RIGHT OF INDIGENOUS PEOPLE FOR ORIGINAL
DEVELOPMENT: CULTURAL VALUE OR CONFLICT OF INTERESTS**

Abstract. The article analyzes collective and individual rights of indigenous small peoples in the context of industrial development and aboriginal entrepreneurship. Special attention is paid to the cultural value of collective rights and the need to achieve free prior and informed consent of these peoples in decision-making and in their own activities.

Keywords: Collective and individual rights, original development, aboriginal entrepreneurship, cultural values, international law and Russian legislation, the status of indigenous small peoples.

В 2017 г. отмечается 10-летие Декларации ООН о правах коренных народов. Статья 1 Декларации гласит: Коренные народы имеют право, коллективно и индивидуально, на полное осуществление всех прав человека и основных свобод, признанных в Уставе Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и в

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ (РФФИ) № 15-01-00452.

нормах международного права, касающихся прав человека¹. Необходимость коллективных прав может быть рассмотрена с различных позиций, в данной статье анализируются культурно-ценностный аспект и гарантии таких прав в обычном и государственном праве Российской Федерации для коренных малочисленных народов. Рассматриваемый подход строится на признании «прав человека третьего поколения» как инструмента для осуществления индивидуальных прав в сфере предпринимательской деятельности, направленной на развитие традиционной культуры, в том числе при распределении прибыли от промышленной деятельности в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока. В рамках теории правового плюрализма как методологической основы юридической антропологии в данной статье предлагается рассмотреть круг интересов и их регламентацию как в обычном праве и традициях коренных народов, так и в государственном и международном праве, а затем – в практиках этих народов в сфере их экономических стратегий.

Значение коллективных прав коренных народов. Концепция прав человека является определяющей правовой категорией в современном мире. В XX в. сложилось «третье поколение» прав человека – коллективные права, воплощающие интересы общностей, ассоциаций, наций, народов, международного сообщества. К ним относятся право на самоопределение, развитие, на благоприятную окружающую среду и т.п. Коллективные права являются свидетельством осознания как человечеством в целом, так и отдельными общностями солидарных интересов, пренебрежение которыми может прервать нормальное развитие человечества, народа, социальной группы. Коллективные права не являются прирожденными правами и суммой индивидуальных прав. Как бы ни были многообразны эти права, они должны неизменно проходить проверку правами индивида². В отношении коренных малочисленных народов важно подчеркнуть, что они включены в правовую систему национальных государств, но их статус определяется и в международном праве, что подчёркивается в Декларации ООН и других документах.

Индивидуальные права коренных народов предполагают, что они пользуются всеми правами человека, в некоторых случаях правами национальных меньшинств, а также правами коренных народов. Отдельный человек принимает участие в реализации коллективных прав, и это определяется не его личным статусом, а его положением как члена какой-то общности. Права человека различаются не только по поколениям, но и по позиции государства в отношении к этим правам, так как в отношении политических прав государство занимает позицию невмешательства, а для осуществления социальных прав от государства требуется созидательная работа³.

При рассмотрении вопросов, связанных с правами человека и правами коренных народов, складывается ситуация, когда «защита индивида оказывается невозможной без обеспечения прав группы». Адресатом этих прав служит государство, и «всеобщие права человека устанавливают положительные права всех управляемых», иными словами, в них формулируются универсальные принципы, связанные с проблемой фундаментального неравенства в сфере власти между индивидом и государством, а также между определен-

¹ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения 13.12.17).

² Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2002. С. 36–37.

³ Проблемы общей теории права и государства / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. М.: Норма, 2008. С. 224.

ными коллективами и государством»¹. Неравенство существует и внутри сообщества, и коллективные права могут вызывать конфликт интересов, например, при распределении выгод от промышленного освоения, поэтому проблема соотношения коллективных и индивидуальных прав столь актуальна в современных условиях.

Когда заходит речь о коллективных правах, то к ним относят в первую очередь право на самоопределение, которым обладают и коренные народы. Для этих народов оно становится действенным в цепочке самоопределение – самоуправление – соуправление ресурсами. В Декларации ООН о правах коренных народов подчеркивается, что коренные народы имеют право на самоопределение (ст. 3). Формой его реализации является право на самоуправление и автономию в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, включая вопросы не только культурного, но и экономического развития, использования ресурсов. Механизмом реализации права на самоопределение выступает осуществление принципа свободного, предварительного и осознанного согласия на принятие решений, имеющих значение для коренных народов. Важную роль в реализации коллективных прав играет представительство: советы при органах власти и местного самоуправления, общественные организации, официальные представители в органах законодательной власти и другие². Лишь некоторые из этих форм определены законодательно. Исторически согласно обычаям и традициям коренных народов их интересы выражали вожди или иные лидеры на основании консенсуса. В современных условиях достичь всеобщего согласия достаточно сложно, и вопросы о том, кто и как может представлять коллективные интересы и защищать их коллективные права остаются неурегулированными.

Эта проблема приобретает особую остроту при промышленном освоении. Как добиться того, чтобы право на свободное, предварительное и осознанное согласие на выполнение промышленных проектов действительно было и коллективным, и индивидуальным? Аборигенное сообщество сегодня представлено разнообразными группами, очень мало идей и практик объединяют всех его представителей. В значительной степени это определяется уровнем самоорганизации. В Северной Америке были созданы специальные корпорации для взаимодействия с промышленными компаниями. В России эту роль играют общественные организации, которые не всегда успешно отстаивают права своих членов, поэтому при слабом развитии институтов гражданского общества велика роль органов государственной власти³.

Иногда группа выделяется не по этническим границам, а по «принадлежности к земле», когда местное сообщество, думая о долговременной перспективе, настаивает на политике устойчивого развития и расширении списка выгодополучателей от промышленной деятельности, например, при проведении этнологических экспертиз и заключении социально-экономических соглашений между компаниями и муниципалитетами в Республике Саха (Якутия). Другая практика представлена Планом содействия развитию ко-

¹ Нагенгаст К. Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 183–185.

² Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. С. 153–156; Новикова Н.И. Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. С. 223–258.

³ Подробнее: Новикова Н. И. Недостающее звено (об опыте проведения этнологических экспертиз на Севере России) // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишков и В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 344–352.

ренных народов в Сахалинской области, действие которого распространяется на все коренные народы острова, независимо от места их проживания. В этих случаях не только смягчаются противоречия, но и создаются реальные предпосылки для повышения уровня и качества жизни местного населения. Не случайно в законах, непосредственно посвященных коренным малочисленным народам, указывается, что действие их распространяется и на некоренное местное население, ведущее схожий образ жизни. Опыт полевых исследований показывает, что для справедливого достижения права на свободное, предварительное и осознанное согласие должно быть обеспечено представительство коренных малочисленных народов при проведении консультаций и общественных слушаний, а также обеспечено индивидуальное право несогласных с решением на отстаивание своих прав в суде, проведении дополнительных экспертиз и т.п. Важность этого принципа сохраняется и в собственной предпринимательской деятельности коренных народов. На последнее обстоятельство указывается и в недавнем докладе Экспертного механизма по правам коренных народов о предпринимательской деятельности: «Даже в тех случаях, когда коренные народы сами осваивают ресурсы на своих землях, получение свободного, предварительного и осознанного согласия будет иметь решающее значение в деле обеспечения эффективного участия всех слоев общинного коренного населения, включая женщин, молодежь и инвалидов. Свободное, предварительное и осознанное согласие, таким образом, способствует укреплению инклюзивного характера моделей предпринимательской деятельности коренных народов»¹.

Наиболее распространенной практикой взаимодействия промышленных компаний и коренных народов являются компенсационные выплаты. Важно отметить также возникающие новые возможности для развития бизнеса коренных народов при промышленном освоении. В рамках Плана содействия выделяются гранты и микрокредиты для закупки техники, транспорта, обустройства пунктов переработки продукции. Выделяемые средства расходуются также на приобретение автономных энергоустановок, информационно-коммуникативных технологий, электроприборов, которые могут применяться для коммерческой деятельности². В 2017 г. компанией Сахалин энерджи в рамках Плана содействия был поддержан проект по участию аборигенных мастеров в Европейской выставке народных промыслов в Будапеште. Производство сувениров, для которого используются дерево, кость, рыба, кожа не только вызывают большой интерес у покупателей и становятся важной частью системы жизнеобеспечения, но и стали средством сохранения и продвижения народных знаний. На этой Европейской выставке большой популярностью пользовались мастер-классы по выделке рыбьей кожи, бересты, традиционным вышивкам. С одной стороны, художественные промыслы являются индивидуальной творческой деятельностью, а с другой стороны, предпринимательская деятельность по производству сувениров, народных костюмов и произведений декоративно-прикладного искусства составляет значительную часть жизнеобеспечения мастеров и их объединений. Во время выставки в Будапеште сахалинские мастера, следуя сложившимся традиционным правилам, брали на продажу вещи членов общин или просто своих соседей (из числа коренных

¹ Передовая практика и вызовы, включая дискриминацию, в предпринимательской деятельности и в области доступа коренных народов, в особенности женщин и инвалидов из числа коренных народов, к финансовым услугам. Исследование, подготовленное Экспертным механизмом по правам коренных народов, Совет по правам человека, 36 сессия, 11–29 сентября 2017 года. С. 10. URL: <http://www.undocs.org/ru/a/hrc/36/53>. (дата обращения 13.12. 17).

² Там же. С. 16.

народов). Привлечению покупателей способствовали их мастер-классы, концертные программы, этнические костюмы. Все это было направлено на выполнение двух задач: пропаганды и популяризации народной культуры аборигенов Сахалина и развития предпринимательства¹.

Необходимо обратить внимание на еще два важнейших коллективных права коренных народов. Я имею в виду право на развитие и право на самобытность, которые могут быть соединены в одно – *право на самобытное развитие*. В 1986 году ООН приняла Декларацию о праве на развитие². В контексте рассматриваемых в данной статье вопросов нужно выделить две идеи этого документа.

«Право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами» (Ст.1).

«Все люди несут ответственность за развитие в индивидуальном и коллективном плане с учетом необходимости полного уважения прав человека и основных свобод, а также своих обязанностей перед обществом, которое только и может обеспечить свободное и полное развитие человеческой личности, и поэтому они должны поощрять и защищать соответствующий политический, социальный и экономический порядок, необходимый для развития» (Ст.2).

В российском политическом и академическом дискурсах превалирует правозащитная концепция традиционного образа жизни: политики и ученые больше пишут о необходимости сохранения культуры коренных народов, чем об ее развитии и повышении качества их жизни. Я хочу привлечь внимание к работе П.В. Гоголева, который пишет, что обоснование положения и путей развития коренных малочисленных народов строится не на их самоизоляции, а сохранении их ценностей как основе общественного благополучия, на трансферте традиционных знаний в область техногенной сферы в целях формирования экологии будущего, экономики воспроизводимых природных ресурсов³.

Важно подчеркнуть, что именно на таком подходе настаивают этнологи/социальные антропологи, основываясь на современных аборигенных практиках оленеводов, охотников и рыболовов. Приведу лишь одно высказывание: о том, что «замкнутость охотничьих культур (как и других традиционных – Н.Н.) относительна. Как раз их устойчивость и прочность объясняются способностью воспринимать и усваивать новое...Так называемые эндогенные изменения, т.е. происходящие внутри самой культуры в результате ее самостоятельного развития, культурология и этнография абсолютизируют. На мой взгляд, эндогенные изменения являются вторичными: они появляются в результате действия экзогенных, входящих извне изменений. Нельзя обойти стороной очень важный вопрос о включении в хозяйственный оборот природных ресурсов. Именно

¹ Полевые материалы автора. Будапешт, 2017.

² Декларация ООН о праве на развитие. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения 13.12.17).

³ Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 61.

включение в хозяйственную цепь страны, государства, местных природных ресурсов есть показатель контактов данной территории с внешним миром»¹.

Право на самобытное развитие является культурной ценностью в современном аборигенном сообществе, именно поэтому хранители традиций и «знающие люди» так активно настаивают не только на передаче знаний, языков коренных народов из поколения в поколение, но и на широком знакомстве с традициями других народов, включении в мировое культурное пространство. Но при этом, создание «фейковой» культуры под знаком аборигенной вызывает законные протесты. Культурное наследие коренных народов является коллективной интеллектуальной собственностью, поэтому при его использовании возникают также конфликты общих и частных интересов. В целом, можно сказать, что все сферы современной жизни аборигенов связаны с этим конфликтом, поэтому так важно правовое и обычно-правовое регулирование этих вопросов.

Коллективные и индивидуальные права в российском законодательстве и проблема реестра коренных малочисленных народов. Одной из особенностей правового положения коренных малочисленных народов в Российской Федерации является то, что они наделены коллективными и индивидуальными правами.

Проблема коллективных прав связана с определением статуса коренных малочисленных народов. Он обозначен и в Конституции Российской Федерации, и в федеральных и региональных законах. В самом общем виде их права зафиксированы в статье 8 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»². Выделим наиболее важные (с учетом задачи данной статьи): участвовать в осуществлении контроля над использованием земель различных категорий, необходимых для осуществления традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами малочисленных народов, и общераспространенных полезных ископаемых в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов; на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами. Последнее право предоставляется также лицам, принадлежащим к этим народам. Одной из причин современных проблем коренных народов часто называется отсутствие индивидуальной идентификации и подтверждающих ее документов. После изменения паспортной системы и отмены статьи об обязательном указании национальности, нет документа, который подтверждает их статус в государстве и специальные права. Уже несколько лет дебатировался вопрос о введении реестра коренных малочисленных народов, в меньшей степени обсуждается вопрос о том, на основании каких критериев граждане могут приобретать статус коренных малочисленных народов. Подробный анализ этих обсуждений представлен в статье Е.А. Пивневой.³ Добавлю лишь несколько соображений, связанных с моей работой в качестве эксперта Комитета национальностей Государственной Думы. Вариант, предложенный Феде-

¹ Кулемзин В. М. От рыболовного запора до супермаркета: охотничье-рыболовная культура на перекрестке традиций и современности // Человек – текст – эпоха, вып. 3. Социокультурные аспекты освоения Сибири. Томск: Издательство ТГУ, 2008. С. 80–81.

² Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (дата обращения 13.12. 17).

³ Пивнева Е. А. Коренные малочисленные народы Севера: коллективные права и персональная идентичность // Вестник российской нации, 2016. № 6. С. 95–112.

ральным агентством по делам национальностей, встретил неприятие коренных народов, их организаций и ряда экспертов. В нем предлагается собрать формальные сведения о налогоплательщиках и регистрации граждан от МВД и на основании этих данных сделать именной список, составлением и ведением которого будет управлять оператор из Федерального агентства по делам национальностей. На мой взгляд, он представляет формальный подход и не учитывает право на самоидентификацию, волеизъявление самих представителей коренных народов, также странно настаивать на решении этих вопросов только на федеральном уровне, хотя очевидно, региональные органы власти и органы местного самоуправления обладают гораздо более полными данными о коренных малочисленных народах. Но важнее даже другое обстоятельство. Широкое недовольство в первую очередь вызывает предлагаемое выделение группы граждан, ведущих традиционный образ жизни со всеми вытекающими последствиями (занятия, места проживания и т.п.). По мнению многих это создает деление на настоящих и ненастоящих аборигенов и умаляет их естественное право на определение своей национальности. Прозвучавшие предложения сочетать личное волеизъявление и решение общин и других организаций коренных народов, то есть индивидуальных и коллективных прав, отклоняется из-за недоверия к своим же организациям.

Знания как индикатор аборигенности/самобытности и регулятор предпринимательства. Главной культурной ценностью для коренных народов являются их традиционные знания, объединяющие широкий спектр представлений о взаимодействии с природой и месте человека в природном и общественном окружении, навыков повседневной жизни. Существует несколько определений понятия коренных народов, но в аспекте данного исследования наиболее значимым является их рассмотрение как носителей особых знаний. Основу их составляют представления о земле и других возобновляемых природных ресурсах. В понятии земли соединяются различные представления. Коротко, земля – это часть вселенной, ей не дается оценок, ее нужно беречь, о ней нужно заботиться. Земля как «своя земля» – место, где живет человек, это родина самого человека и его предков. Концепт земли-мира включает все живое и определяет взаимодействие человек – природа, человек – общество. В законодательстве эти представления получили определение «исконная среда обитания», защита которой является конституционной задачей органов государственной власти.

Конструктивным для исследования аборигенных сообществ в современном мире является подход П. Бергера и Т. Лукмана, по которому «причастность к социальному запасу знания» становится мотивацией «размещения индивидов в обществе и соответствующего обращения с ними»¹. С таким подходом связан и усиливающийся в последнее время интерес к традиционным, в том числе правовым знаниям коренных народов. Мировое сообщество признало их значение для развития экономики местных сообществ² и устойчивого развития. В документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию говорится: «Коренное население и его общины, а также другие местные общины призваны играть жизненно важную роль в рациональном использовании и улучшении окружающей среды с учетом их знаний и традиционной практики. Государства должны

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., Academia-центр, Медиум, 1995. С. 53.

² Доклад о развитии человека в Арктике. Екатеринбург; Салехард, 2007. С. 74.

признавать и должным образом поддерживать их самобытность, культуру и интересы и обеспечивать их эффективное участие в достижении устойчивого развития»¹.

Положение о традиционных знаниях коренных народов вошло в Национальную стратегию и План действий по сохранению биоразнообразия в Российской Федерации, что отмечено в Пятом национальном докладе: Задача 18. К 2020 году традиционные знания, нововведения и практика коренных и местных общин, имеющие значение для сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, и традиционное использование ими биологических ресурсов уважаются в соответствии с национальным законодательством и соответствующими международными обязательствами и полностью включены в процесс осуществления Конвенции и отражены в нем при всемерном и эффективном участии коренных и местных общин на всех соответствующих уровнях. В соответствии с мировой стратегией к 2020 году законодательство обеспечивает ведение традиционного образа жизни и устойчивое использование биоразнообразия коренными малочисленными народами, включая учет традиционных знаний при планировании и осуществлении деятельности, связанной с использованием и воздействием на биологические ресурсы².

При определении правового статуса коренных народов особенно важным является необходимость выработки общего знания, строящегося на диалоге научных и традиционных знаний. Эта идея, четко сформулированная в Манифесте северной антропологии Т. Ингольда³ в 2005 г. на ICASSV, нашла свое развитие в документах IX Конгресса арктических исследователей 2017 г. Его участники обратились ко всем исследователям, коренным народам и их организациям с заявлением, в котором отмечают, что знания коренных народов является основой для индивидуального и коллективного благополучия настоящего и будущих поколений коренных народов Арктики. Предлагается максимально включать их в научные исследования, соблюдая этические стандарты и привлекая самих носителей этих знаний⁴.

Традиционные знания коренных малочисленных народов определяют их обычно-правовые нормы в природопользовании и социальных, в первую очередь семейных, отношениях. При анализе складывающегося предпринимательства это особенно важно учитывать, так как во многих случаях оно строится на отношениях взаимопомощи, эгалитарности и реципрокности. Аборигенное предпринимательство может рассматриваться как новая форма социальной организации. Хозяйственная деятельность в предприятиях коренных народов строится на семейных и родственных связях, ориентирована на традиционное природопользование, знания и культуру народов Севера. В качестве примера приведу небольшой анализ общинного предпринимательства оленеводов-ненцев.

Община Сядэй-Яхинская, занимается оленеводством в Антипаютинской и Гыданской тундрах. Община стала учредителем убойного пункта, на который могут сдавать оленей все желающие. Через него проходит до 5 тыс. голов. Председатель общины Сте-

¹ Рио-де-Жанейровская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 год, принцип 22. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 13.12.17).

² Пятый национальный доклад «Сохранение биоразнообразия в Российской Федерации». М., 2015, С 49. URL: http://file:///C:/Users/111/Downloads/www_natdoklad_final.pdf (дата обращения 13.11.17).

³ Ingold T. Manifesto for the Anthropology of the North// Connections: Local and Global Aspects of Arctic Social Systems. Topics in Arctic Social Sciences 5 IASSA. 2005. Pp. 68–69.

⁴ Распространено в Face book.

пан Вануйто говорит: *«В Тазовском мясо только зимой продаем, дальше будем расширять ассортимент. В разных видах перерабатывать и продавать. В других городах уже есть торговля. Это еще и решение проблемы занятости, там работает до 40 человек. Если будет много таких пунктов, то стадо будет сокращаться, так как сейчас оленей в два раза больше, чем могут прокормиться на наших пастбищах. Благодаря этому будет сокращаться количество быков, быки больше вытаптывают. Если цена за мясо будет хорошая, то стадо не будет сильно расти, хватит кормов. В общине 12 тыс. оленей. Доходы распределяются в зависимости от вклада. Община спасает от трудных ситуаций, платит налоги, делает отчисления в пенсионный фонд»*. Общины могут стать жизнеспособными хозяйствами и их члены смогут меньше зависеть от субсидий государства, различных льгот. Когда люди хорошо зарабатывают, они могут сами купить или построить свое жилье, дать детям образование. Многие общинники именно в этом видят смысл объединения. Современные оленеводы хотят придать устойчивость своим хозяйствам еще и потому, что воспринимают жизнь с оленями как комфортную, интересную, причем такие высказывания мы слышали и от молодых образованных ненцев: *«У нас в родах, и даже в семьях есть свои традиции. У ненцев все сохраняется, действительно больше, чем у других народов. В оленеводстве что хорошо, 365 дней человек с женой и детьми, никуда от них не уезжает»*¹.

Оленеводство представляет сегодня и образ жизни, и форму самоорганизации, и сферу сохранения языков, и область предпринимательства. По представлениям ненцев олень всегда принадлежит конкретному человеку, но пастбища, без которых его содержание и размножение невозможны, это коллективное право. Это только один пример того, как в повседневной практике переплетаются коллективные и индивидуальные права, и их защита со стороны государства волнует и ученых, и самих представителей коренных народов, и их организации.

Часто в современных условиях складывается впечатление, что коренные народы стоят на пути прогресса. Обращусь снова к Докладу о предпринимательстве. В нем указывается: «Одной из основных составляющих дискриминации, с которой сталкиваются коренные народы, является стереотипичное мнение о том, что они представляют собой препятствие на пути развития или что их экономическая деятельность не вносит вклад в экономику стран, в которых они проживают. Экономические модели коренных народов часто воспринимаются как расточительные с точки зрения ресурсов. Эти предвзятые взгляды зиждутся на системах понятий, которые использовались и продолжают использоваться для оправдания практики изъятия земель и экономической маргинализации». В Докладе приводятся многочисленные примеры вклада коренных народов в национальные экономики разных стран, в том числе на основании пастбищного животноводства. Кроме того, прочные связи коренных народов с природной средой позволяют им умело распознавать угрозы, вызванные потеплением климата и другими экологическими изменениями². К сожалению, в практике многих государств, в том числе России, этот вклад остается

¹ Полевые материалы автора, ЯНАО, 2012 год. В настоящее время С. Вануйто директор «Агрокомплекса Тазовский».

² Передовая практика и вызовы, включая дискриминацию, в предпринимательской деятельности и в области доступа коренных народов, в особенности женщин и инвалидов из числа коренных народов, к финансовым услугам. Исследование, подготовленное Экспертным механизмом по правам коренных народов, Совет по правам человека, 36 сессия, 11–29 сентября 2017 года // <http://www.undocs.org/ru/a/hrc/36/53>. С. 11–12.

невидимым. А в общественном мнении коллективная ответственность коренных народов воспринимается часто как проявление их консервативных и иждивенческих настроений, а значение их традиционных знаний не учитывается.

Таким образом, проблема коллективных и индивидуальных прав коренных малочисленных народов охватывает все сферы их жизни. В современных условиях становления аборигенного предпринимательства высвечивается ее новый ракурс. Пока в обществе их право на самобытное развитие не будет восприниматься как культурная ценность, как средство обеспечения благосостояния, неизбежны многочисленные конфликты, касающиеся культурных и экономических прав. Мировое сообщество предложило свою модель – Декларацию ООН о правах коренных народов. Российская Федерация в Конституции подтвердила свое следование принципам и нормам международного права. Остается подтвердить эти устремления на практике, что поможет коренным народам перейти от стигматизированной группы к обретению статуса полноправных граждан страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-центр, Медиум, 1995. 323 с.

Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М.: Изд-во МГУ, 2014. 434 с.

Декларация ООН о праве на развитие URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения 13.12. 17).

Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения 13.12. 17).

Доклад о развитии человека в Арктике. Перевод с английского. Ред. А.В. Головнев. Екатеринбург; Салехард, 2007. 244 с.

Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., Норма, 2010. 560 с.

Кулемзин В. М. От рыболовного запора до супермаркета: охотничье-рыболовная культура на перекрестке традиций и современности // Человек – текст – эпоха. Вып. 3: Социокультурные аспекты освоения Сибири. Томск: Издательство ТГУ, 2008. С. 79–91.

Нагенгаст К. Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтничных государствах / Отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 177–202.

Новикова Н. И. Недостающее звено (об опыте проведения этнологических экспертиз на Севере России) // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 344–352.

Новикова Н. И. Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.

Передовая практика и вызовы, включая дискриминацию, в предпринимательской деятельности и в области доступа коренных народов, в особенности женщин и инвалидов

из числа коренных народов, к финансовым услугам. Исследование, подготовленное Экспертным механизмом по правам коренных народов, Совет по правам человека, 36 сессия, 11–29 сентября 2017 года. С. 11–12. URL: <http://www.undocs.org/ru/a/hrc/36/53> (дата обращения 13.12. 17).

Пивнева Е. А. Коренные малочисленные народы Севера: коллективные права и персональная идентичность // Вестник российской нации. 2016. № 6. С. 95–112.

Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 2002. 448 с.

Проблемы общей теории права и государства / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 2008. 832 с.

Пятый национальный доклад «Сохранение биоразнообразия в Российской Федерации». М., 2015 URL: file:///C:/Users/111/Downloads/www_natdoklad_final.pdf (дата обращения 13.12. 17)

Рио-де-Жанейровская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 год, принцип 22. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 13.12. 17).

Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (дата обращения 13.12. 17).

Ingold T. Manifesto for the Anthropology of the North// Connections: Local and Global Aspects of Arctic Social Systems. Topics in Arctic Social Sciences 5 IASSA. 2005. Pp.68–69.

УДК 316.01:39

Писарев Георгий Анатольевич

канд. юрид. наук,
директор юридической фирмы «АСЕССОР»
г. Рязань, Россия
E-mail: gpisarev@mail.ru

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМА ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ЗАКОНЕ

Аннотация. Коллективные права рассматриваются как особые права коренных малочисленных народов. Они связаны с самобытностью этноса, обычаями, сохранением традиционного природопользования. Однако понятие «коллективные права» не получило закрепления в теории права. Оно не используется в гражданском праве. В законодательстве Российской Федерации сохраняется традиционный подход. Права коренных малочисленных народов реализуются через создание юридического лица, общины. Община является коллективным субъектом права.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, самобытность, община, коллективные права, имущественные права.

Pisarev Georgij A.
Candidate of Sciences in Law,
Director of legal firm «ASSESSOR»
Ryazan, Russia
E-mail: gpisarev@mail.ru

COLLECTIVE RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES: THE CHALLENGE OF SUSTAINING THE LAW

Abstract. Collective rights are considered as special rights of indigenous small peoples. They are associated with the ethnos identity, customs, preservation of traditional nature management. However, the concept of «collective rights» has not been consolidated in the theory of law. It is not used in civil law. The legislation of the Russian Federation retains the traditional approach. Rights of indigenous minorities are realized through the creation of a legal entity, the community. The community is a collective subject of law.

Key words: Indigenous small peoples, identity, community, collective rights, property rights.

Коренные малочисленные народы относятся к особым этническим группам, чьи права и законные интересы подлежат особой защите со стороны государства. Это форма самоорганизации малочисленных народов, объединяемых по кровнородственному признаку, который в отношении иных социальных групп населения практически полностью утрачивает свое значение¹. Одной из главных целей подобной самоорганизации законом называется ведение традиционного образа жизни, осуществление исторически сложившегося типа хозяйствования и занятие традиционными промыслами с использованием тех природных ресурсов, которые всегда были доступны данному населению и определяли социально-экономические и культурные взаимосвязи того или иного этноса.

Несмотря на признание особого правового положения коренных малочисленных народов, в Российской Федерации сохраняется традиционный подход взаимодействия с коллективными образованиями граждан через общественные организации, наделенные статусом юридического лица. В Гражданском кодексе РФ появилась особая ст. 123.16 «Община коренных малочисленных народов Российской Федерации». Именно данная организационно-правовая форма установила особый статус добровольных объединений граждан, относящихся к коренным малочисленным народам РФ и объединившихся по кровнородственному и (или) территориально-соседскому признаку в целях защиты исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры.

Закон под коренными малочисленными народами понимает те народы, что проживают на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняют традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, а также насчитывают в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознают себя самостоятельными этническими общностями (ст. 1 закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ)². При этом в законодательстве и научной литературе используются и иные термины, так или иначе, связанные с

¹ Писарев Г. А. Община коренных малочисленных народов традиционное природопользование // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 89–90.

² Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

определением особого правового или социально-экономического положения отдельных групп населения, объединенных по признаку нации. Отдельные авторы предлагают упорядочить данные нормы и применять только термины «национальные меньшинства» и «коренные малочисленные народы»¹. На наш взгляд, ключевым моментом в определении той или иной группы является та практика, которая используется законодателем. Закон устанавливает перечень признаков – территориальная обособленность (территориально-соседское проживание), кровнородственные отношения, наличие исконной среды обитания, потребность в сохранении традиционного образа жизни – по совокупности которых можно было бы определять, относится та или иная социальная группа к малочисленным народам. Однако право на самоидентификацию у данных групп отсутствует. Государство само определяет (путем установления перечней), какие этнические группы относятся к коренным малочисленным народам, какие места обитания подходят под требованиям закона и какие виды хозяйственной деятельности можно отнести к традиционным промыслам коренных малочисленных народов². На наш взгляд, данный подход, с одной стороны, облегчает рассмотрение судебных споров и разрешение различных административно-управленческих вопросов. С другой стороны, противоречит законодательному определению традиционного образа жизни малочисленных народов, как исторически сложившегося способа жизнеобеспечения малочисленных народов, основанного на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований (ст. 1 закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ). Большой резонанс в свое время получило дело о незаконности добычи нефрита семейно-родовой эвенкийской общиной «Дылача» в Бурятии. По мнению правоохранительных органов (что в дальнейшем подтвердило и решение суда) добыча нефрита не относилась к традиционным промыслам³. Даже не имея достоверной информации, относилась ли когда-либо добыча нефрита к традиционным промыслам, можно отметить, что подобная добыча природных ископаемых является особым приоритетом развития всей экономики Бурятии и страны в целом. В данном случае возникает противоречие между, так называемыми коллективными правами коренных малочисленных народов, и общественными (публичными) интересами.

¹ Васильева Н. Л. Соотношение понятий «национальные меньшинства», «коренные малочисленные народы» и «другие этнические общности» (по материалам Дальневосточного федерального округа) // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 40–41.

² См.: Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 25.08.2015) / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс»; Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 01.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2493. Составление перечней можно отнести к традиционной практике государства по предоставлению особых прав коренным малочисленным народам. См., например: Приказ Главохоты РСФСР от 22.08.1984 № 316 «Об утверждении инструкции о порядке добычи диких копытных животных по разрешениям (лицензиям) на территории РСФСР» / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс» (утратил силу). В соответствии с указанной инструкцией нациям и народностям Крайнего Севера, указанным в перечне, разрешения на отстрел выдавались бесплатно.

³ «На разработках «Дылачи» будет добывать нефрит новая компания». URL: <http://nazaccent.ru/content/10170-na-razrabotkah-dylachi-budet-dobyvat-nefrit.html> (дата обращения: 01.07.2017).

Возникает вопрос относительно содержания понятия коллективные права. Это категория, которая относится к особым правовым явлениям общемирового порядка и составляет один из элементов международного права? Или же коллективные права коренных народов следует рассматривать в узком смысле, руководствуясь идеей о том, что данные «народы постоянно стремятся к тому, чтобы их рассматривали не просто как еще одну разновидность национальных меньшинств, а как сообщества с особым статусом. Речь идет о таких основополагающих отличиях этих народов, как их неразрывная, в том числе духовная, связь со своими исконными землями, территориями и природными ресурсами. Отсюда и их соответствующая зависимость от благополучия исконной среды обитания. В связи с этим правовые акты, направленные на защиту прав национальных меньшинств, хотя и способствуют обеспечению защиты прав коренных малочисленных народов, однако далеко ее не исчерпывают, так как не направлены на защиту отдельных важных особенностей самобытности коренных малочисленных народов. Поэтому требуется дополнительная защита их прав, как на международном, так и на государственном уровне¹.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, считаем необходимым более подробно рассмотреть те особые права, которые предоставлены рассматриваемым народам.

Закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ выделяет две группы прав. К первой относятся права малочисленных народов как социальной общности. Это право на защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов (ст. 8). Вторую группу составляют права отдельных лиц. В частности, право на замену военной службы альтернативной гражданской службой; право на сохранение и развитие своей самобытной культуры.

Коллективные права малочисленных народов и их объединений включают в себя имущественное право по безвозмездному пользованию в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами, и общераспространенными полезными ископаемыми. Также малочисленные народы вправе претендовать на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами.

Закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ содержит достаточно спорное, на наш взгляд, право на получение от органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, международных организаций, общественных объединений и физических лиц материальных и финансовых средств, необходимых для социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов. Речь идет, скорее всего, о недопущении ограничений источников финансовой помощи малочисленным народам. При этом положение закона сформулировано таким образом, что фактически устанавливает обязанность любых субъектов права осуществлять материальную помощь данным народам.

¹ Гарипов Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве // Международное право и международные организации. 2013. № 3. С. 408–420.

К коллективным правам относятся также право на участие в осуществлении контроля за использованием земель, необходимых для осуществления традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами, соблюдением федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации об охране окружающей среды при промышленном использовании земель и природных ресурсов, строительстве и реконструкции хозяйственных и других объектов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, участия в проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды и др. Содержание данных прав позволяет в полной мере поддержать мнение И. С. Тарбастаевой. о том, что коллективные права не должны рассматриваться как исключительно культурные, нужно включать в содержание данных прав и право на политическое участие¹. Может быть термин политическое участие не совсем точен и требует расширительного толкования. Но, фактически, данные права позволяют представителям малочисленных народов участвовать в системе местного самоуправления как самостоятельный элемент управления.

Однако основное содержание коллективных прав коренных народов, с позиции специального законодательства, связано с владением земельными (лесными) участками и «эксплуатацией» природных ресурсов. Традиционное природопользование лишь связывает хозяйственную деятельность данных народов с устоявшимися обычаями. Оно далеко не во всех случаях свидетельствует об эффективности использования тех или иных ресурсов, увеличения объемов добычи и пр. Не случайно многие специалисты указывают, что в условиях климатических изменений и уменьшения объема используемых общинами объектов животного и растительного мира, возникает сомнение в реальном соответствии традиционных промыслов экологически обоснованным способам использования природных ресурсов². Но традиционные способы хозяйствования и промысел оказываются настолько тесно «сплетенными» с национальной идентификацией, что «ценность института коллективных прав особенно проявляется при решении общемировой и государственной задачи по сохранению и развитию этнокультурного многообразия ... этническое не функционирует в рамках одного индивида»³. «Право на самобытность должно быть, прежде всего, правом коллективным»⁴.

Таким образом, указанная самобытность включает в себя три группы коллективных прав – имущественные права, культурные права и права, связанные с участием в системе местного самоуправления.

¹ Тарбастаева И. С. Коллективные права этнических общностей: проблемы концептуализации // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 1. С. 115.

² Рагулина М. В. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Сибири: тенденции и парадоксы развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2014. Т. 7. С. 123.

³ Тарбастаева И. С. Указ. соч. С. 106.

⁴ Досакаев А. Б. К вопросу об эффективности коллективных форм защиты прав коренных малочисленных народов России (на примере народов Северного Кавказа) // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2017. С. 249–250.

Имущественные права реализуются на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов¹. Основа правового режима территорий традиционного природопользования закрепляется положениями о территориях традиционного природопользования, утвержденными соответственно уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления с участием лиц, относящихся к малочисленным народам, и общин малочисленных народов или их уполномоченных представителей.

Правовой режим данных территорий включает в себя особые правила использования природных ресурсов, изъятия земельных участков и других обособленных природных объектов, находящихся в пределах границ территорий традиционного природопользования.

Использование общераспространенных полезных ископаемых и природных ресурсов, находящихся на территориях традиционного природопользования, связано с целевым назначением (для обеспечения ведения традиционного образа жизни), ограниченным субъектным составом (лицами, относящимися к малочисленным народам, и общинами малочисленных народов), на основании обычаев малочисленных народов. Ст. 13 закона о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации определяет, что иные субъекты, постоянно проживающие на территориях традиционного природопользования, могут пользоваться природными ресурсами для личных нужд, если это не нарушает правовой режим территорий традиционного природопользования. Пользование природными ресурсами, находящимися на территориях традиционного природопользования, гражданами и юридическими лицами для осуществления предпринимательской деятельности допускается, если указанная деятельность не нарушает правовой режим территорий традиционного природопользования. Получается, что из нормы закона «выпадает» использование природных ресурсов для личных целей лицами, временно находящимися на территориях традиционного природопользования. На наш взгляд, формально это упущение является ограничением для развития экологического туризма, экотуризма и не способствует возможному расширению сфер жизнедеятельности коренных малочисленных народов.

Изъятие для государственных нужд допускается по основаниям и в порядке, установленном гражданским и земельным законодательством. Лицам, относящимся к малочисленным народам, и общинам малочисленных народов предоставляется возмещение за изъятые у них имущество.

Анализ судебной практики также показывает, что имущественные права наиболее часто становятся предметом спора. Это говорит об их несомненной значимости. Это сопоставление распоряжений местных властей о предоставлении земельных участков иным лицам. Суды подчеркивают в своих решениях, что закреплением данных участков за общинами связаны с существенным значением сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов для их выживания, следовательно, общины имеют первоочередное право на получение данных территорий².

¹ Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972. Ст. 1.

² Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 12.05.2008 № А19-15670/07-Ф02-1834/08 по делу № А19-15670/07 / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс».

В судебных решениях устраняется формализм приятия решений местными администрациями, когда, например, оспариваемый отказ обоснован тем, что заявка общины составлена не по установленной форме, в ней отсутствует указание на район добычи, орудия лова, их технические характеристики. Суд удовлетворяет требование, поскольку оспариваемое решение нарушает права общины на традиционные промыслы и хозяйственную деятельность в месте их традиционного проживания, гарантированные законом в целях обеспечения прав коренных малочисленных народов РФ¹.

Суды взыскивают убытки, причиненные в результате хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов, например, из-за прорыва нефтепровода произошло загрязнение нефтью земельного участка, который используется для содержания и выпаса оленей².

Таким образом, доля имущественных прав в так называемых коллективных правах коренных малочисленных народов достаточно высока. В этом смысле необходимо поддерживать Напсо М.Б., что содержание коллективных этнических прав выходит за рамки культурных прав³.

Теория коллективных прав в определенном смысле базируется на противопоставлении индивидуализму в праве и необходимости социализации права и законодательства. Но помимо этого ключевым вопросом теории становится определение коллективного субъекта⁴. И именно в этом контексте концепция коллективных прав не находит достаточного выражения в нормативных актах. Например, в паспорте подпрограммы 4 «Коренные малочисленные народы Российской Федерации»⁵ мы видим перечень следующих задач:

- создание условий для участия общественных организаций коренных малочисленных народов Российской Федерации в решении вопросов, затрагивающих права и интересы таких народов;

- содействие сохранению самобытных культур и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации;

- содействие улучшению качества жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Эти задачи, так или иначе, связаны с определением коллективного субъекта – общины. Законодатель идет по традиционному пути «включения» коллективного социального образования в самостоятельный субъект права – юридическое лицо. Подтверждает данный вывод и целевые индикаторы, и показатели указанной подпрограммы. Это доля общественных организаций коренных малочисленных народов РФ, участвующих в решении вопросов, затрагивающих права и интересы таких народов; динамика численности

¹ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26.03.2014 № Ф07-1270/2014 по делу № А05-7574/2013 / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс».

² Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26.03.2014 № Ф07-1270/2014 по делу № А05-7574/2013 / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс».

³ Напсо М.Б. Этнические коллективные и индивидуальные права: выбор между правами народов и культурными правами индивида // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 50. С. 102–110.

⁴ Calera N.L. Hay derechos colectivos? Individualidad y socialized en la teoria de los derechos. Barcelona: Ariel Derecho, 2000. 174 p.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 №1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (ред. от 12.05.2017) // Собрание законодательства РФ. 2017. №2 (Часть I). Ст. 361.

участников культурно-досуговых мероприятий, проводимых в субъектах РФ, на территориях которых проживают коренные малочисленные народы, по отношению к соответствующему показателю 2016 года; уровень доходов населения в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Правовое значение имеет в данном случае доля юридических лиц, реализующих коллективные права, принадлежащие коренным малочисленным народам.

На наш взгляд, рассматриваемые особенности законодательства Российской Федерации являются следствием отсутствия единства в правовой науке на природу и содержание коллективных прав. Применительно к имущественным отношениям самобытность коренных малочисленных народов связана с реальными имущественными потребностями и интересами. Для участия в гражданском обороте коллективные права должны получить «овеществленное» выражение в виде коллективного субъекта как юридической конструкции, имеющей четкое закрепление в российском праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильева Н. Л. Соотношение понятий «национальные меньшинства», «коренные малочисленные народы» и «другие этнические общности» (по материалам Дальневосточного федерального округа) // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 40–41.

Гарипов Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве // Международное право и международные организации. 2013. № 3. С. 408–420.

Досакаев А. Б. К вопросу об эффективности коллективных форм защиты прав коренных малочисленных народов России (на примере народов Северного Кавказа) // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2017. С. 249–250.

Напсо М.Б. Этнические коллективные и индивидуальные права: выбор между правами народов и культурными правами индивида // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 50. С. 102–110.

Писарев Г. А. Община коренных малочисленных народов традиционное природопользование // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 89–90.

Рагулина М. В. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Сибири: тенденции и парадоксы развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2014. Т. 7. С. 116–128.

Тарбастаева И. С. Коллективные права этнических общностей: проблемы концептуализации // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 1. С. 115.

Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

Calera N.L. Hay derechos colectivos? Individualidad y socialized en la teoria de los derechos. Barcelona: Ariel Derecho, 2000. 174 p.

Журавель Валерий Петрович

канд. пед. наук, доцент
ведущий научный сотрудник Института Европы РАН
г. Москва, Россия
E-mail: zhvalery@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. В статье раскрывается положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, обращается внимание на нерешенные вопросы обеспечения коллективных прав коренных малочисленных народов в законодательном порядке определения их национальной принадлежности, области здравоохранения, оленеводства, регулирования процессов промышленного освоения территорий, образования. В заключение делается вывод о том, что, несмотря на существующие недоработки в Российской Арктике в результате самодостаточной общественно-государственной, этнонациональной политики складывается переходная система особых прав коренных малочисленных народов, их традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, традиционный образ жизни, виды традиционной хозяйственной деятельности, российское законодательство.

Zhuravel Valery P.

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor
Leading Researcher Institute of Europe RAS
Moscow, Russia
E-mail: zhvalery@mail.ru

INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST: PROBLEMS OF PROVIDING COLLECTIVE RIGHTS

Abstract. The article reveals the situation of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Attention is drawn to the unresolved issues of ensuring the collective rights of indigenous small-numbered peoples in the legislative order for determining their nationality, health care, reindeer husbandry, regulating the processes of industrial development of territories and education. In conclusion, it is concluded that, despite the existing shortcomings in the Russian Arctic as a result of a self-sufficient public-state and ethnonational policy, the advanced system of special rights of indigenous small-numbered peoples, their traditional way of life and economic activities is emerging.

Key words: Indigenous small peoples, traditional way of life, traditional economic activities, Russian legislation.

В России проживает 316 тысяч представителей коренных малочисленных народов РФ. В соответствии с Единым перечнем коренных малочисленных народов Российской Федерации к этим народам относится 47 этносов. В особую социальную группу выделяется 42 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, общая численность которых составляет 247 тыс. человек. Они проживают в экстремальных природно-климатических условиях, ведут традиционный, в том

числе кочевой, образ жизни и традиционное хозяйствование, их численность составляет менее 50 тыс. человек¹. В настоящее время в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) проживает 2 млн. 502 тыс. человек², в том числе 82,5 тыс. представителей коренных малочисленных народов³. Из 28 субъектов Российской Федерации, на территориях которых проживают коренные малочисленные народы, семь входят в состав АЗРФ.

Действующее законодательство, Конституция Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации гарантируют особые права коренных малочисленных народов и поддержку их традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности. Коренные малочисленные народы – не единственные коренные народы России, но их низкая численность и уязвимость традиционного образа жизни с точки зрения урбанистического и промышленного развития территорий требуют особого внимания государства, поэтому федеральными органами государственной власти, органами власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными организациями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации уделяется особое внимание проблемам коренных малочисленных народов, предпринимаются соответствующие меры по улучшению условий социально-экономического и национально-культурного развития этих народов.

Законодательство Российской Федерации направлено на сохранение самобытного традиционного образа жизни, который ведут эти народы – с одной стороны, и обеспечение их устойчивого развития – с другой.

Среди основных векторов реализации государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера ключевыми направления являются:

- сохранение традиционного образа жизни, поддержка и поощрение разнообразия культурных традиций и традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера;
- повышение доступности образовательных услуг для коренных малочисленных народов, в том числе с учетом необходимости использования родного языка в образовательном процессе;
- модернизация системы здравоохранения и медицины в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера;
- содействие повышению занятости среди коренных малочисленных народов Севера, развитие их традиционной хозяйственной деятельности;
- развитие институтов гражданского общества в среде коренных малочисленных народов Севера, различных форм самоуправления.

¹ См.: Тишков В. А. Коренные народы российской Арктики: [Научная сессия общего собрания РАН] / В. А. Тишков, Н. И. Новикова, Е. А. Пивнева // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 5–6. С. 491–500; Гарипов Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве/ Ш.Гарипов // Международное право и международные организации. 2013. № 3. С. 408– 420; Горбунов С. Н. Коренные народы и устойчивое развитие: монография / С. Н. Горбунов, М. Ю. Задорин; Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В.Ломоносова. Архангельск: САФУ, 2014. 357 с.

² Лукин Ю. Ф. Арктическая энциклопедия: население Арктики. URL: http://narfu.ru/aan/Encyclopedia_Arctic/Encyclopedia_Population.pdf (дата обращения: 27.02. 2017).

³ Тишков В. А., Новикова Н. И., Пивнева Е. А., Степанов В. В. Коренные народы российской Арктики: история, современный статус, перспективы. URL: www.ras.ru/scientificactivity/ras-programs/arctic.aspx (дата обращения: 27.02. 2017)

В Российской Федерации обеспечение коллективных прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в первую очередь связано с защитой их исконной среды обитания и традиционного образа жизни, основанного на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований.

Правовую основу обеспечения гарантий коренных малочисленных народов по сохранению традиционного образа жизни, помимо Конституции Российской Федерации, составляют следующие федеральные законы: Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации в настоящее время выступает в качестве основного критерия, с учетом которого осуществляется государственная поддержка в отношении коренных малочисленных народов на федеральном уровне. В данный Перечень включены:

- животноводство, в том числе кочевое (оленоводство, коневодство, яководство, овцеводство),
- переработка продукции животноводства, включая сбор, заготовку и выделку шкур, шерсти, волоса, окостенелых рогов, копыт, пантов, костей, эндокринных желез, мяса, субпродуктов,
- собаководство (разведение оленегонных, ездовых и охотничьих собак),
- разведение зверей, переработка и реализация продукции звероводства,
- бортничество, пчеловодство,
- рыболовство (в том числе морской зверобойный промысел) и реализация водных биологических ресурсов,
- промысловая охота, переработка и реализация охотничьей продукции,
- земледелие (огородничество), а также разведение и переработка ценных в лекарственном отношении растений,
- заготовка древесины и недревесных лесных ресурсов для собственных нужд,
- собирательство (заготовка, переработка и реализация пищевых лесных ресурсов, сбор лекарственных растений),
- добыча и переработка общераспространенных полезных ископаемых для собственных нужд,
- художественные промыслы и народные ремесла (кузнечное и железоделательное ремесло, изготовление утвари, инвентаря, лодок, нарт, иных традиционных средств передвижения, музыкальных инструментов, берестяных изделий, чучел промысловых зверей и птиц, сувениров из меха оленей и промысловых зверей и птиц, иных материалов, плетение из трав и иных растений, вязание сетей, резьба по кости, резьба по дереву, пошив национальной одежды и другие виды промыслов и ремесел, связанные с обработкой меха, кожи, кости и других материалов),
- строительство национальных традиционных жилищ и других построек, необходимых для осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности.

Вместе с тем в поддержке коренных малочисленных народов, проживающих на арктических территориях России *накопилось немало проблем*, которые необходимо решать в ближайшее время.

Самым острым вопросом является отсутствие порядка определения национальной принадлежности. По мнению участников заседания президиума Экспертного совета по Арктике и Антарктике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, состоявшегося 26 февраля 2014 г., для того «чтобы воспользоваться большинством прав и преференций, гарантированных коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, необходимо документально подтвердить свою национальную принадлежность к ним. При этом действующим законодательством такой порядок не установлен. Это серьезно препятствует реализации специфических прав, гарантированных коренным малочисленным народам, при традиционном природопользовании, ведении традиционного образа жизни»¹. Об этом шла речь и на VIII съезде Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

По мнению президента Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, депутата Государственной Думы Г. П. Ледкова, а также его коллег А. В. Пермякова и В. С. Истомина необходима унификация терминологии, используемой в нормативных правовых актах применительно к регулирующим отношениям с участием коренных малочисленных народов².

В области здравоохранения, при всех положительных результатах, вместе с тем, как показывают результаты многочисленных исследований НИИ арктической медицины Северного государственного медицинского университета (г. Архангельск) в районах проживания коренных малочисленных народов не хватает врачей и среднего медицинского персонала, сокращается число больничных и амбулаторно-поликлинических учреждений, фельдшерско-акушерских пунктов, женских и детских консультаций. Значительная часть учреждений медицинского обслуживания требует капитального ремонта, оснащения современным медицинским оборудованием. Для небольших арктических населенных пунктов затруднена транспортная доступность квалифицированной медицинской помощи³. Высок уровень материнской смертности, продолжительность жизни народов значительно ниже, чем в среднем по стране. В связи с этим необходимо кардинально менять подходы к медобслуживанию коренных народов, улучшать подготовку медицинских кадров и условия труда в местах проживания коренных малочисленных народов Севера,кратно увеличить количество оснащенных передвижных врачебных амбулаторий, а также фельдшерско-акушерских пунктов.

В настоящее время главными проблемами оленеводства являются: истощение кормовой базы оленьих пастбищ в тундровой природной зоне; повышение оленепоголовья над допустимой олене емкостью пастбищ; интенсивный рост численности домашних оленей, как в частных, так и коллективных хозяйствах; отрицательное влияние промышленного освоения региона на сокращение оленьих пастбищ (изъятие земель около магистральных трубопроводов, несанкционированные промышленные свалки, дороги, земли, попавшие в

¹ Иванов Г. В. Проблемы малочисленных народов Севера и пути их решения // Арктические ведомости. 2014. № 1. С. 132–133.

² См.: Сборник нормативно-правовых актов, регулирующих отношения с участием коренных малочисленных народов / Составители Г. П. Ледков, А. В. Пермяков, В. С. Истомин. М., 2017. 237 с.

³ Гобатова Л. Н. Арктическая медицина: проблемы и перспективы / Л. Н. Горбатова, Г. Н. Дегтева, Л. А. Зубов // Арктические ведомости. 2015. № 3. С. 77.

центр промышленных и инфраструктурных объектов); гибель домашних оленей; передача пастбищ в аренду крупным оленеводческим предприятиям на длительный срок, что в условиях ограниченности кормовых ресурсов приводит к нарушению пастищеоборота; нехватка пастбищ приводит к бытовым и юридическим спорам между оленеводами.

В этих условиях государству важно максимально понять все проблемы оленеводства, справедливо распределить все пригодные оленьи пастбища между оленеводами частных хозяйств и оленеводческими предприятиями в строгой зависимости от оленеемкости пастбищ и численности оленеводов занятых в отрасли, вести контроль по использованию оленьих пастбищ, развивать таежное оленеводство путем государственной поддержки аборигенного населения, прежде всего, в части строительства изгородей.

Следует отметить, что в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов ведется активное промышленное освоение территорий, которое вытесняет малочисленные народы со своих исконных земель, ограничивает, а иногда делает невозможным осуществление привычного образа жизни и традиционного образа жизни¹. Как подчеркивает А.Зенкина, «промышленное освоение земель в большинстве случаев приводит к невозможности их последующего использования как для проживания коренных малочисленных народов, так и для ведения ими традиционного образа жизни»².

Все эти вопросы часто являются причиной конфликтов и судебных разбирательств. В этих условиях федеральным и региональным органам власти и управления, общественным организациям необходимо постоянно проводить мониторинг положения коренных народов Севера в районах промышленного освоения на основании ряда определенных индикаторов и своевременно принимать решения по исправлению ситуации в лучшую сторону.

До начала ведения хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации промышленным компаниям в обязательном порядке необходимо проводить оценку прямого или косвенного ущерба исконной среде обитания и традиционному образу жизни коренных малочисленных народов и осуществлять расчет возмещения убытков в результате такой деятельно-

¹ Коломиец О. П. Взаимоотношения коренных народов Чукотки и добывающих компаний на современном этапе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 24–33; Кряжков В. Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право. 2014. №7. С. 27–39; Никитина Е. Е. Защита прав коренных малочисленных народов в условиях промышленного освоения Арктики // Аграрное и земельное право. 2015. № 4. С. 48–51; Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение: монография / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 2016. 271 с.; Потравный И. М. Исследование природной и этнологической составляющей при обосновании проектов промышленного освоения территорий традиционного природопользования / И. М. Потравный Д. М. Мельникова, И. М. Попова // Горизонты экономики. 2016. Т. 2, № 6 (33). С. 25–30; Сморгоча В. Практика взаимодействия коренного населения и промышленных компаний в Арктике (на примере Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа) // Государственная служба. 2015. № 4. С. 63–67; Социальная ответственность компаний-недропользователей на территории традиционного природопользования как основа партнерства власти, бизнеса и коренных малочисленных народов Севера / И. М. Потравный [и др.] // Арктика. Экология и экономика. 2016. № 2. С. 56–63.

² Зенкина А. Б. Промышленное освоение земель коренных малочисленных народов в Российской Федерации: гарантии конституционных прав // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 36.

сти. При этом, по мнению участников «круглого стола» в Государственной Думе «Законодательное обеспечение прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в области земельных отношений и допуска к возобновляемым природным ресурсам», состоявшегося 28 апреля 2017 г., необходимо применять «Методику исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», утвержденную Приказом от 09.12.2009 г. № 565 Министерства регионального развития Российской Федерации. Также важно заключать с организациями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и лицами, относящимися к коренным малочисленным народам, договоры о соблюдении условий ведения хозяйственной деятельности и компенсационных выплатах¹. В ходе своей деятельности организовывать борьбу с пожарами, загрязнением леса и тундры промышленными отходами и разрушением тяжелой техникой тундровых и таежных ландшафтов.

Органам власти и управления важно активнее привлекать промышленные корпорации в качестве источника финансовых вложений в социально-экономическое развитие районов традиционного проживания и хозяйственной деятельности северных аборигенов, направляя усилия на возрождение малых поселений и создавая условия для самоорганизации коренных малочисленных народов Севера, способствовать принятию ими планов и программ содействия развитию коренных народов.

В этих условиях назрела необходимость инвентаризации Перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденного распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 г. N 631-р в соответствии с исконной средой проживания коренных малочисленных народов, в том числе включение межселенных территорий.

Согласны с доктором исторических наук сотрудником Института этнологии и антропологии Российской академии наук Н. И. Новиковой которая подчеркивает, что в данном вопросе «государственная политика должна строиться на активном сотрудничестве с коренными народами, контроля над тем, как корпорации выполняют свои социальные и экологические обязательства. Политика промышленных компаний на Севере России в последние годы также постепенно меняется, приходит осознание того, что они не являются первооткрывателями северных и арктических территорий, что их деятельность должна включаться не только в правовое поле, в первую очередь, экологическое, но и соответствовать моральным нормам»².

Как показывает анализ, исторически традиционное природопользование являлось комплексным, не требовало специальных разрешений и не подвергалось жесткому нормированию³. Действующее же природоресурсное законодательство, хоть и содержит об-

¹ См: Тищенко М. Советы местных: добычу ресурсов в России предлагают согласовывать с коренными народами // Сайт телевизионной сети RT, 12 февраля 2017 г. URL: <https://russian.rt.com/> (дата обращения: 17.03.2017).

² Новикова Н. И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник угроведения. 2016. № 3. С. 135.

³ Минченко Н. В. Правовое регулирование традиционного природопользования коренных малочисленных народов в РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 21.

щие положения о традиционном использовании природных ресурсов коренными малочисленными народами, тем не менее требует получение специальных разрешений, лицензирования (в т. ч. и нормирования), причем в отношении каждого из видов природных ресурсов. Следует поддержать имеющиеся в литературе положения об упрощении порядка лицензирования традиционного природопользования или о полной его отмене¹.

Несмотря на то, что по данным Всероссийской переписи 2010 г., 98 % представителей коренных малочисленных народов Российской Федерации старше 15 лет охвачены системой общего образования, из них 40 % имеют соответствующее средне-профессиональное, а 12 % высшее образование, вместе с тем надо признать, что качество, уровень этого образования при столь высоких количественных показателях желает быть лучшим.

Существует угроза исчезновения языков коренных малочисленных народов. Так, в Атлас языков мира ЮНЕСКО, находящихся под угрозой исчезновения, включены все языки коренных малочисленных народов Севера — эвенский, эвенкийский, долганский, чукотский, юкагирский (тундренный юкагирский, колымский юкагирский) — официальные языки, а также якутский язык, являющийся государственным языком Республики Саха (Якутия)².

В экспертном сообществе Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации имеется перечень решений, которые надо принять на федеральном и региональном уровнях. Вот одно из них. У лиц, ведущих кочевой образ жизни, отсутствует возможность усыновлять детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. У них также отсутствует возможности зарегистрироваться по месту фактического проживания — на межселенной территории. Препятствие этому является отсутствие статуса «жилище» у традиционного кочевого жилья коренных малочисленных народов. Следует отметить, что в общероссийском классификаторе профессий нет специальности — чумработница.

Следует отметить, что региона характерен отток населения³, высокая степень износа основных фондов, неразвитость инфраструктуры. Среди населения, проживающего в арктической зоне, в том числе и среди лиц, относящихся к коренным народам Севера высокая безработица.

С 2010 г. отсутствует государственное статистическое наблюдение за демографической ситуацией, состоянием здоровья, образовательным уровнем, занятостью, доходами и иным направлениям, характеризующим качество жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

В этих условиях со стороны органов власти важно совершенствовать правоприменительную практику в области обеспечения коллективных прав коренных народов, обес-

¹ Григорьева М. В. Некоторые правовые проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / М.В. Григорьева // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 3 (3). С. 46.

² Цит. по: Борисова У. С. Штрихи к портрету жителя арктической зоны Якутии // Арктика и Север. 2014. № 14. С. 102.

³ Зайков К. С., Тамицкий А. М. Межнациональные отношения в российской Арктике: состояние и перспективы // Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации. Аналитический вестник. М.: 2016. № 5. С. 46; Соколова Ф. Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2015. № 21. С.154–155; Фаузер В. В. Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и Север. 2013. № 10. С. 25

печить им возможности для традиционного природопользования и ведения привычного образа жизни, учитывать их интересы при принятии управленческих решений по освоению арктических территорий, а также разработать и ввести в действие механизмы компенсации нанесенного ущерба.

Как показал анализ, несмотря на существующие недоработки в Российской Арктике в результате самодостаточной общественно-государственной, этнонациональной политики складывается передовая система особых прав коренных малочисленных народов, их традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сборник нормативно-правовых актов, регулирующих отношения с участием коренных малочисленных народов / Составители Г. П. Ледков, А. В. Пермяков, В. С. Истомин. М., 2017. 237 с.

Гарипов Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве // Международное право и международные организации. 2013. № 3. С. 408–420.

Гобатова Л. Н. Арктическая медицина: проблемы и перспективы / Л. Н. Горбатова, Г. Н. Дегтева, Л. А. Зубов // Арктические ведомости. 2015. № 3. С. 77.

Горбунов С. Н. Коренные народы и устойчивое развитие: монография / С. Н. Горбунов, М. Ю. Задорин; Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: САФУ, 2014. 357 с.

Григорьева М. В. Некоторые правовые проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 3 (3). С. 39–46.

Зенкина А. Б. Промышленное освоение земель коренных малочисленных народов в Российской Федерации: гарантии конституционных прав // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 35–39.

Иванов Г. В. Проблемы малочисленных народов Севера и пути их решения // Арктические ведомости. 2014. № 1. С. 132–133.

Коломиец О. П. Взаимоотношения коренных народов Чукотки и добывающих компаний на современном этапе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 24–33.

Кряжков В. Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право. 2014. № 7. С. 27–39.

Лукин Ю. Ф. Арктическая энциклопедия: население Арктики URL: http://narfu.ru/aan/Encyclopedia_Arctic/Encyclopedia_Population.pdf (дата обращения: 27.02.2017)

Минченко Н. В. Правовое регулирование традиционного природопользования коренных малочисленных народов в РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.

Никитина Е. Е. Защита прав коренных малочисленных народов в условиях промышленного освоения Арктики / Е. Е. Никитина // Аграрное и земельное право. 2015. № 4. С. 48–51.

Новикова Н. И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник уголовного права. 2016. № 3. 124–137.

Потравный И. М. Исследование природной и этнологической составляющей при обосновании проектов промышленного освоения территорий традиционного природопользования / И. М. Потравный Д. М. Мельникова, И. М. Попова // Горизонты экономики. 2016. Т. 2, № 6 (33). С. 25–30.

Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение: монография / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 2016. 271 с.

Сморчкова В. Практика взаимодействия коренного населения и промышленных компаний в Арктике (на примере Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа) / В. Сморчкова // Государственная служба. 2015. № 4. С. 63–67.

Социальная ответственность компаний-недропользователей на территории традиционного природопользования как основа партнерства власти, бизнеса и коренных малочисленных народов Севера / И. М. Потравный [и др.] // Арктика. Экология и экономика. 2016. № 2. С. 56–63.

Тишков В. А., Новикова Н. И., Пивнева Е. А., Степанов В. В. Коренные народы российской Арктики: история, современный статус, перспективы. URL: www.ras.ru/scientificactivity/ras-programs/arctic.aspx (дата обращения: 27.02. 2017 г.)

Тишков В.А. Коренные народы российской Арктики: [Научная сессия общего собрания РАН] / В. А. Тишков, Н. И. Новикова, Е. А. Пивнева // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 5–6. С. 49–500.

Тищенко М. Советы местных: добычу ресурсов в России предлагают согласовывать с коренными народами // Сайт телевизионной сети RT, 12 февраля 2017 г. URL: <https://russian.rt.com/> (дата обращения: 17.03.2017)

УДК 316.01:39

Викторова Анастасия Сергеевна
студент Казанского (приволжского) федерального университета
г. Казань, Россия

Харитоновна Анна Олеговна
студент Казанского (приволжского) федерального университета
г. Казань, Россия
E-mail: anya.anna.nana@mail.ru

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРАВА У КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме реализации этнологической экспертизы как фактора коллективного права коренных малочисленных народов. Раскрывается вопрос о правовом состоянии этнологической экспертизы в законодательной системе Российской Федерации на примере реализации коллективного права. Дается ретроспективное описание истории развития этнологической экспертизы.

Ключевые слова: коллективные права, история, этнологическая экспертиза, юриспруденция, коренные малочисленные народы, этнология, этнография, антропология, закон, этнонациональная политика.

Viktorova Anastasia S.
Student Kazan Federal University
c. Kazan, Russia

Kharitonova Anna O.
Student Kazan Federal University
c. Kazan, Russia
E-mail: anya.anna.nana@mail.ru

ETHNOLOGICAL EXPERTISE AS THE ACTUAL PROBLEM OF THE IMPLEMENTATION OF COLLECTIVE LAW IN INDIGENOUS PEOPLES

Abstract. The article is devoted to the problem of realization of ethnological expertise as a factor of the collective right of indigenous small peoples. The issue of the legal status of ethnological expertise in the legislative system of the Russian Federation is elucidated by the example of the implementation of collective law. A retrospective description of the history of the development of ethnological expertise is given.

Keywords: Collective rights, history, ethnological expertise, jurisprudence, indigenous small peoples, ethnology, ethnography, anthropology, law, ethno-national politics.

В современном социокультурном мире закреплена главенствующая роль, которая принадлежит социальной идентичности, чья роль становится ключевой во все более динамичном и меняющемся обществе. Таким образом, первостепенна задача сохранения особого социокультурного пространства, присущего тому или иному индивиду, что особенно важно в таком этнически разнообразном государстве, как Россия. Идея необходимости специального контроля за сохранением самобытности стала ключевой в годы «этнического парадокса современности» и привела к созданию такого понятия, как этнологическая экспертиза.

Этнологическая экспертиза, с недавних пор, термин – характеризующий собой механизм возможной защиты коллективных прав, а также объектов этнокультурного наследия, при столкновении индустриальных интересов с традиционными. Последнее особенно характерно для народов Севера, поскольку именно на территории Ямало-Ненецкого автономного округа и Республики Саха идет индустриальное активное освоение земель, иной раз вразрез с интересами коренных меньшинств.

Это отчетливо показано Н. И. Новиковой¹. В частности, исследователь приводит следующий пример: «на Тянском месторождении через весеннее стойбище Н. Н. Вылла начали прокладывать дорогу и должны были ставить вышки на священном месте. Когда началось строительство, хозяин стойбища написал заявление в подразделение «Сургутнефтегаза», но генеральной директор предприятия ответил, что по его сведениям (он ссылаясь на карту археологических памятников – Н.Н.) эти земли священными не являются»².

Таким образом, наблюдается парадоксальная ситуация: несмотря на то, что этнологическая экспертиза – элемент как российского (а именно коллективного), так и международного права, она, тем не менее, остается скорее возможной «оговоркой», но не обязательным условием. Все это ведет к тому, что остро назрел вопрос ретроспективного ана-

¹ Новикова Н. Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Ч. 1. Казань, 2010. С. 76–80.

² Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. 351 с.

лиза этнологической экспертизы, что неизменно влечет за собой создание хорошей теоретической подготовки, а также кадров, способных обеспечить реализацию права на культурную самобытность, что является шагом к равноправному развитию всех культур, в том числе и малочисленных.

В первую очередь следует проанализировать путь становления этнологической экспертизы, с целью выявления возможных юридических прецедентов. Следует отметить, что как таковой термин «этнологическая экспертиза» появился сравнительно недавно – в 1999 г., и определяется Федеральным законом от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», как «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса»¹. В то время как сам статус коренных малочисленных народов России был закреплен в 1993 г., где государство гарантировало права в соответствии с общепризнанными нормами и ценностями. Стоит обратить внимание на формулировку «научное исследование», которое должно предполагать наличие определенного опыта и знаний по данной теме, поскольку этнологическая экспертиза в некотором роде – своеобразный диалог, требующий определенной подготовки.

Изначальными предпосылками для выдвижения проблемы этнологической экспертизы было создание в 1955 г. в Институте этнологии и антропологии сектора по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера, сотрудники которого занимались фундаментальными и прикладными исследованиями, в том числе и этнологической экспертизой². В частности, на основе этнографических исследований составлялись докладные записки по изучению проблем Севера и производительных сил АН СССР.

Таким образом, одним из способов этнологической экспертизы являются своего рода длительное наблюдение и анализ с целью выявления объектов этнокультурного наследия, состояния территории традиционного природопользования и т.д. для дальнейшего обеспечения их сохранности. Это задача первостепенной важности, поскольку от нее зависит развитие определенных коллективных прав той или иной этнической группы. Судьба последней зависит от социально-экономической стратегии, которая требует планомерного подхода, поскольку ведет в дальнейшем к демографической составляющей, которая является одним из катализаторов напряженности в случае дисбаланса.

Следующим способом этнологической экспертизы является также этнологический мониторинг, преследующий своей целью оценку этнической напряженности в том или ином регионе. Нам понятна важность такого инструмента: именно гармонизация социокультурных отношений в регионах – задача первостепенной важности, т. к. она, как и этнологическая экспертиза предотвращает распад бытующего общества.

При рассмотрении вопроса об этнологической экспертизе возникает законодательная его составляющая. Как было отмечено, впервые, термин «этнологическая экспертиза» на законодательном уровне появился в Федеральном законе от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Согласно п.6, ч.1, ст.1 № 82-ФЗ «малочисленные народы вправе: участвовать в проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке федеральных и региональных государ-

¹ Федеральный закон от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 03.05.1999, № 18, ст. 8.

² Новикова Н.И., Звиденная О.О. Удэгэйцы: охотники и собиратели реки Бикин. М.: ИД Стратегия, 2010. 154 с.

ственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов»¹. Но ни в одном из Федеральных законов не рассмотрены методы, порядок, критерии проводимой этнологической экспертизы.

В Федеральном законе № 82 затрагивается также и экологическая экспертиза, которая наиболее распространена и пользуется популярностью среди доказательств на судебных слушаниях. Проблема этнологической экспертизы, а именно отсутствия ее проведения и принятие во внимание как основного источника доказательств по отношению к хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера и Сибири – это и есть пример несоблюдения коллективных прав коренных малочисленных народов.

Вопрос о правах, а именно коллективных правах коренных малочисленных народов, в совокупности с понятием коллективного права – как права народов - не рассматривается на сегодняшний день ни в одном законодательном акте Российской Федерации. В 2012 г. вышел Указ Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Стратегия утверждает, что одной из задач в реализации государственной национальной политики России является «создание условий для участия коренных малочисленных народов в решении вопросов, затрагивающих их права и интересы»². На наш взгляд, именно этот пункт должен обозначать защиту *коллективных прав* малочисленных народов. Этнологическая экспертиза становится процессом, который необходимо соблюдать для реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. На сегодняшний день ее проведение становится наиболее актуальной задачей из-за развития промышленных технологий и добычи нефти и газа в областях проживания коренных малочисленных народов.

В 2010 г. была проведена этнологическая экспертиза организацией ООО «Этноконсалтинг» – это экспертно-консультативным центром, который создан сотрудниками Института этнологии и антропологии Российской академии наук в 2006 г. Они проводили экспертизу в Приморском крае, где оценивали влияние договора аренды лесного участка общиной «Тигр». Как утверждают эксперты «для общины особенно важно юридическое оформление договора аренды, чтобы любой другой потенциальный пользователь как минимум должен был согласовывать свою деятельность с общиной»³. Основным результатом этнологической экспертизы в данном вопросе с удэгейцами, народом, который проживает в общине «Тигр» является предложение о согласовании и принятие во внимание деятельности промышленных, нефтегазодобывающих и строительных организации с общиной. В ином случае невозможна хозяйственная деятельность коренных малочисленных народов. А для малочисленных народов хозяйственная деятельность - это источник добычи средств к существованию. Также стоит отметить, что многие коренные малочисленные народы считают природу своей матерью и относятся к ней как к божеству. В данном аспекте раскрывается и религиозная составляющая, которую также стоит относить к

¹ Федеральный закон от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 03.05.1999, № 18, ст. 1.

² Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»// Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 52 ст. 7477.

³ Звиденная О. О., Новикова Н. И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД Стратегия; ИП Андрей Яковлев, 2010. С.117.

коллективным правам народов. Результатом, проводимой экспертизы в Приморском крае стал сборник рекомендации, как для органов местного самоуправления, так и для общины «Тигр». Этнологами были предложены определенные рекомендации: кому, как и в каких случаях необходимо себя вести в трудных конфликтных ситуациях. Авторы сборника «Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года)» подчеркивают, что «в работе исследуются вопросы этнологической экспертизы и правовые основания ее проведения. В заключение предложены рекомендации органам государственной власти и местного самоуправления, а также организациям коренных малочисленных народов по оптимизации принимаемых административных решений, правовых актов и обычно-правового регулирования традиционного природопользования и современного социально-экономического развития коренных малочисленных народов – удэгейцев Приморского края». Стоит отметить, что такой сборник является прорывом в вопросе о защиты коллективных прав коренных малочисленных народов, но никакого практического применения данный сборник пока не имеет.

Встает вопрос о двух проблемах, связанных с проведением этнологической экспертизы: законность и профессионализм. Если вопрос о законности мы раскрыли выше, то вопрос о профессионалах, которые способны осуществлять данный процесс при реализации этнологической экспертизы остается открытым.

Это и есть основная проблема нынешнего развития этнологической экспертизы. Она, как междисциплинарное исследование, должна основываться на работах археологов, этнографов, юридических антропологов, экономистов, историков и т.д., что позволит создать ретроспективную картину мира каждого этноса, и помочь ему не утратить свои реликты в современном динамичном мире. На сегодняшний день, в высших учебных заведениях, в гуманитарных науках развита именно практическая применимость знаний. Сейчас активно реализуются программы по развитию этнологической школы, но, к сожалению, пока нет целостной базы по обучению именно профессионалов в сфере этнологической экспертизы.

Этнологическая экспертиза на данный момент приоритетна на территории Севера, поскольку именно там бытует большое количество коренных народов с особым набором коллективных прав. Однако необходимо признать, что требуется планомерная разработка этнологической экспертизы как механизма защиты нематериального наследия всякого этноса, что станет шагом для создания уникальной возможности равноправного развития этнических групп, с внимательным отношением к их нормам коллективного права, традициям и ценностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. 351 с.
- Новикова Н. Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1. Казань, 2010. С. 76–80.
- Новикова Н. И., Звиденная О. О. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин. М.: ИД Стратегия, 2010. 154 с.
- Звиденная О. О., Новикова Н. И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД Стратегия; ИП Андрей Яковлев, 2010. С. 117.

Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 52 ст. 7477.

Федеральный закон от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 03.05.1999, № 18, ст. 2208.

УДК 341.1/8

Гарипов Руслан Шавкатович,
доц. кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Казань, Россия
проф. факультета международных отношений
Американского университета
г. Вашингтон, США
E-mail: garipov@american.edu

ДЕКЛАРАЦИЯ ООН О ПРАВАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье исследуются положения Декларации о правах коренных народов, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 года. Автор приходит к заключению, что Декларация, закрепляя права коренных народов на землю, территории и ресурсы позволит им поддерживать и укреплять свои институты, культуру и традиции, а также развиваться в соответствии с их нуждами и потребностями.

Ключевые слова: права народов, коренной народ, аборигены, малочисленный народ, права национальных меньшинств, Декларация ООН о правах коренных народов.

Garipov Ruslan Sh.,
Associate Professor of the International and European Law Department
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
Adjunct Professor of the School of International Service
American University
Washington, DC, USA
E-mail: garipov@american.edu

THE UN DECLARATION ON THE RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES: NEW STAGE OF THE HUMAN RIGHTS DEVELOPMENT

Abstract. This article examines the provisions of the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples which was adopted by the UN General Assembly on September 13, 2007. Author arrives to the conclusion that Declaration emphasizes that indigenous peoples' control over their lands, territories and resources will enable them to maintain and strengthen their institutions, cultures and traditions and to promote their development in accordance with their aspirations and needs.

Keywords: Rights of Peoples, Indigenous People, Aborigines, Small-Numbered People, Rights of National Minorities, The UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples.

Спустя более половины тысячелетия после открытия Колумбом Америки коренные народы поняли, что их проблемы все еще не воспринимаются всерьез. Вопросы их выживания мало кого интересуют, а их призывы и выступления остаются без внимания. Их зачастую рассматривают в качестве необразованных и нецивилизованных дикарей, людей, подлежащих ассимиляции и исчезновению. Для наглядности можно привести пример Бразилии, где вплоть до принятия новой конституции страны в 1988 г. у индейцев были такие же права, что и у несовершеннолетних¹. В Индонезии коренное население официально квалифицируется как изолированное и враждебное или изолированное и отсталое, в США коренные народы считаются внутренне зависимыми нациями².

Проблемы коренных народов не ограничиваются лишь американским континентом, они проживают на территории всей планеты. В некоторых странах коренные народы даже составляют большинство населения, однако все равно остаются бесправными и проживают в худших условиях по сравнению с остальной частью населения. Их прежняя история никого не интересует, а их образ жизни вызывает насмешки. Коренные народы борются против устоявшегося мнения о том, что для них не существует никакого будущего кроме ассимиляции, растворения в других человеческих сообществах. Все теории и практика расового, этнического, культурного или религиозного превосходства над коренными народами с правовой точки зрения преступны, социально несправедливы и должны морально осуждаться.

В XXI в. технический прогресс вывел человечество на совершенно новый уровень жизни, и в то же время поставил на грань выживания аборигенные народы. Он имеет необратимые, губительные последствия для миллионов коренных народов. Постоянно растущий спрос на природные ресурсы, особенно в промышленно развитых странах, способствует поиску еще не освоенных ресурсов. А неосвоенные земли, на которые когда-то были загнаны коренные народы, изгнанные с более плодородных земель на земли, считавшиеся не имеющими особой экономической ценности, сегодня оказались богатыми древесиной, полезными ископаемыми и другими ресурсами. И сегодня во имя национального развития вырубается леса, строятся плотины, закладываются новые шахты и рудники, проводятся нефте и газопроводы. Все это губительно влияет на жизнь коренных народов, нарушается природная среда их обитания, экология региона и они вынуждены покидать свои исконные земли.

Важным событием последних лет явилось одобрение Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о правах коренных народов в сентябре 2007 г. Данный документ явился своего рода прорывом в области защиты прав аборигенных народов. Глобализация проблемы коренных народов в международном масштабе приводит к появлению все новых международно-правовых актов. Причем их появление означает качественно новый уровень формирования международно-правовой защиты данных народов, характеризующийся установлением эффективных мер обеспечения их безопасности. Так, например, определяя права коренных народов, Декларация ООН исходит из того, что они представляют собой лишь минимальные нормы для выживания и обеспечения благосостояния коренного населения в мире. Таким образом, настоящий документ лишь закладывает начало

¹ См.: Pallemarts M. Development, Conservation, and Indigenous Rights in Brazil // Human Rights Quarterly. 1986. № 8. P. 374.

² См.: Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. Монография. М.: Издательство РУДН, 1997. С.145.

дальнейшему развитию прав коренных народов и служит отправной точкой для появления новых международных и внутригосударственных актов в этой сфере.

Знаменательным также явился 2008 г., в феврале и июне которого Австралия и Канада принесли свои извинения за ужасы и страдания, причиненные властями этих стран представителям коренных народов в период завоевания и освоения их земель. В январе 2009 года в Боливии была принята новая конституция, согласно которой коренное население (36 индейских народностей), подвергавшееся дискриминации на протяжении всей истории страны, отныне наделяется большими правами и будет широко представлено в различных органах власти. Государственными языками, помимо испанского, стали все индейские языки Боливии. Была провозглашена свобода вероисповедания и право коренных народностей частично осуществлять в своих общинах правосудие в соответствии с индейскими обычаями. Таким образом, в мире уже наблюдаются определенные сдвиги в улучшении положения коренных народов, происходящие зачастую со ссылкой на Декларацию ООН о правах коренных народов.

Проект Декларации ООН о правах коренных народов разрабатывался с 1982 г. в рамках Рабочей группы по коренному населению, созданной Подкомиссией ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. В проект Декларации были включены положения о равных правах коренных народов с другими народами, о праве собственности на землю и природные ресурсы, о сохранении и возрождении традиций и обычаев коренных народов, о праве на самоопределение и возможности свободно определять свой политический статус, осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие.

В 1995 г. Комиссия ООН по правам человека учредила свою межправительственную рабочую группу для доработки текста проекта Декларации, чтобы он отражал не только требования коренных народов, но был бы приемлем и для правительств тех государств, в которых эти народы проживают. Декларация должна отражать права и интересы коренных народов, но с учетом того, что эти народы проживают в пределах границ существующих государств¹. В июне 2006 года Совет по правам человека ООН на своей первой сессии большинством голосов принял Декларацию о правах коренных народов и представил ее на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе дискуссий ряд государств, таких как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия выступали с резкой критикой текста Декларации, делая упор на то, что документ дает слишком широкое толкование права коренных народов на самоопределение (ст. 3, 4), которое может представлять реальную угрозу территориальной целостности государств. Эти страны также были не довольны тем, каким образом Декларация закрепляет права коренных народов на земли, территории и природные ресурсы, которыми они традиционно владели (ст. 26). Странами-сторонниками принятия Декларации был предложен компромиссный текст резолюции, включающий в себя упоминание о необходимости учета территориальной целостности, независимости и политического единства государств. В декабре 2006 года Генеральной Ассамблеей было принято решение о продолжении консультаций и поиске формулировок, которые бы смогли удовлетворить все заинтересованные стороны.

И вот в сентябре 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о правах коренных народов. За ее принятие проголосовали 143 члена ООН, 11 воздержались и 4 го-

¹ См.: Бойченко Ю.А. Международные механизмы и тенденции в сфере защиты прав коренных народов // Московский журнал международного права. 2001. № 3. С. 131.

сударства высказались против, это США, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Россия находится в числе воздержавшихся. Принятие Декларации стало важным и долгожданным событием для коренных народов всего мира. Этот документ получился своевременным и востребованным. На проходившей в Казани 19 мая 2008 г. международной конференции по правам народов также звучали положительные отзывы в адрес настоящего документа. Участница из Канады, Доктор Роуз-Альма Макдональд, представительница племени могавков конфедерации ирокезов выступила с докладом по этому поводу, где подчеркнула важность принятой Декларации для удовлетворения нужд коренных народов мира¹.

По данным ООН, в мире к коренным народам относятся более 300 млн. человек в более чем 70 странах², многие из которых находятся на грани исчезновения. Активисты движения в защиту их прав отмечают, что эти народы, как никогда раньше, подвергаются мощному давлению со стороны строителей, фермеров, деревоперерабатывающих и горнодобывающих компаний. Международному сообществу необходимо обращать внимание на проблемы коренных народов и делать все возможное для сохранения их самобытности. Являясь наследниками уникальных культур и обладая отличным от других народов социальным, экономическим и политическим укладом жизни, они стараются сохранить свой образ жизни в обществе, где доминирует совершенно иная культура. Коренные народы находятся в числе наиболее уязвимых слоев населения. На протяжении истории их права нарушались самым грубым образом, их истребляли, отнимали земли и переселяли в непригодные для жизни территории. Ситуация стала меняться только лишь в XX в., международное сообщество опомнилось и в ряде государств стали идти на уступки представителям коренных народов. Так, например, в Соединенных Штатах Америки индейцы были признаны в качестве граждан США только в 1924 г. Сейчас времена изменились, и международное право признает право коренных народов на восстановление исторической справедливости и защиту их традиционного образа жизни. В 1994 г. Генеральной Ассамблеей было объявлено десятилетие защиты прав коренных народов. В 2005 г. ООН вновь объявило десятилетие, посвященное защите прав коренных народов, целью которого является дальнейшее сотрудничество международного сообщества в решении самых различных задач в области культуры, образования, медицины, прав человека, экологии, а также социального и экономического развития коренных народов.

Начало борьбе коренных народов за свои права на международном уровне было положено еще в 1924 г., когда вождь племени кайюга конфедерации ирокезов по имени Дескахех отправился в Женеву с намерением выступить в Лиге Наций. Ему не дали возможности выступить, но он все таки сумел привлечь внимание международной общественности на проблемы своего народа и стал одним из лидеров борьбы за права Североамериканских индейцев продолжающейся и по сегодняшний день.³ Поэтому принятие

¹ См.: Dr. Rose-Alma J. McDonald. A Canadian Indigenous Perspective on the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples and the Permanent Forum on Indigenous Issues // Актуальные вопросы прав народов в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Гарипов Р.Ш. Казань: Издательство Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2009. С. 7.

² См.: Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Международно-правовые основы защиты прав коренных народов. М.: Издательство РУДН, 2011. С. 7.

³ В США Североамериканские индейцы до сих пор ведут активную борьбу за соблюдение их прав и улучшение уровня жизни. Так, например, знаменательно одно из последних заявлений вождя Сиу, сделанное в середине декабря 2007 г. о расторжении всех подписанных ранее с правительством США договоров и выходе из состава страны с образованием своего собственного независимо-

Декларации о правах коренных народов стало важным шагом на пути к восстановлению исторической справедливости и признанию на международном уровне прав коренных народов. Работа над текстом Декларации ООН по правам коренных народов стимулировала обмен идеями и формулировку общих позиций движений коренных народов. В ходе этой работы в процессы формирования общей межведомственной политики были вовлечены министерства иностранных дел; она стимулировала также постоянно расширяющуюся практику консультаций между правительствами и представителями коренного населения.

Текст документа был переведен на 15 языков, не считая 6 официальных языков ООН, и включает в себя переводы на некоторые языки представителей коренных народов. Декларация состоит из 46 статей и предусматривает защиту самого широкого круга прав коренных народов, в числе которых особо следует отметить право на самоопределение и право на землю и природные ресурсы. Именно по ним и разворачивались основные дискуссии в процессе принятия Декларации. Так, например, на шестой сессии Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов в мае 2007 года основной темой обсуждения явилась Декларация, и в частности вопросы, связанные с правами коренных народов на их исконные земли и право на самоопределение¹.

В итоге в Декларацию о правах коренных народов вошло положение о том, что государство должно уважать права коренных народов на внутреннее самоопределение и изыскивать возможности для финансирования деятельности, направленной на достижение и осуществление самоопределения. Кроме того, прежде чем предпринимать какие-либо действия, затрагивающие интересы коренных народов, государство должно заручиться ясно выраженным согласием коренных народов, данным на основании представленной ему объективной информации. Документ возлагает на государство обязательство осуществлять вместе с коренными народами меры по реализации в полном объеме права на самоопределение. В то же время статья 46 Декларации гласит, что ничто в настоящей Декларации не может толковаться или рассматриваться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности и политического единства суверенных и независимых государств². Безусловно, революционным в международном праве можно назвать такое событие, как закрепление статуса субъекта права на «внутреннее» самоопределение за коренными народами.

Достижением Декларации также, на наш взгляд, явилось отсутствие оговорки, как в Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» относительно используемого термина «народ». В Конвенции МОТ специально оговорено, что он не должен рассматриваться как несущее какой-либо смысл в отношении прав, могущих заключаться в этом термине в соответствии с международным правом. Дискуссия в научной литературе, является ли коренной народ собст-

го государства. Были разосланы соответствующие уведомления в дипломатические представительства ряда государств с просьбой признать новое государство, на территории которого уже ведется выдача своих собственных паспортов и водительских удостоверений. Особенно интересен тот факт, что данное заявление было сделано в то время, когда США на международном уровне призывают признать независимость Косово, ссылаясь на право албанского народа на самоопределение.

¹ См. более подробно: Гарипов Р.Ш. Шестая сессия Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов // Казанский журнал международного права. Казань, 2007. № 1. С. 38–46.

² См.: Декларация ООН о правах коренных народов // Московский журнал международного права. 2007. № 4. С. 322.

венно народом, напоминает имевшую место в свое время дискуссию, являются ли представители коренных народов собственно людьми или нет¹. На наш взгляд оговорка к Конвенции № 169 носит дискриминационный характер, это то же самое, что признать представителей коренных народов людьми, но при этом лишить их всех прав, вытекающих из этого понятия. Поэтому отсутствие подобной оговорки уже может расцениваться как прогресс в области защиты прав коренных народов.

Тем не менее, Российская Федерация вошла в число несогласных с предписаниями Декларации, в частности по вопросам земли и ресурсов, заявила, что эти положения неприемлемы для России и воздержалась от голосования за ее текст. Отрицательная позиция России была сформулирована министром иностранных дел РФ Лавровым С.В. в ответном письме президенту Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ Харючи С. Н. от 5 июня 2006 г. Аргументы России следующие: «Проект Декларации противоречит законодательству Российской Федерации, в котором не предусмотрены права коренных народов на землю, недра, природные ресурсы, право на самоопределение в формах, предложенных международным сообществом»². И это действительно так, характер государственной политики Российской Федерации в отношении коренных народов отличается от современной политики развитых стран, большинство из которых строят свои отношения с коренными народами на договорной основе.

Декларация прав коренных народов примечательна и тем, что она предусматривает более широкий контроль, чем Конвенции МОТ № 107 1957 года и № 169 1989 г. Во-первых, органы и специальные учреждения системы ООН способствуют полной реализации ее положений. Во-вторых, ООН контролирует осуществление данной Декларации посредством органа на самом высоком уровне, обладающего специальной компетенцией в этой области, и при непосредственном участии коренных народов, что, по мнению отечественных авторов, является немаловажным фактором³.

В Декларации говорится, что коренные народы равны со всеми другими народами и признается право всех народов отличаться друг от друга. Все народы вносят вклад в многообразие и богатство различных культур и цивилизаций и являются общим наследием человечества, любая дискриминация является несправедливой, научно несостоятельной и юридически недействительной. В документе выражается обеспокоенность тем, что коренные народы стали жертвами исторических несправедливостей вследствие колонизации их земель и признается необходимость уважать их политические, экономические и социальные права, а также культуру, традиции и собственную философию. Высказывается убеждение в необходимости осуществления коренными народами контроля над их землями, территориями и ресурсами, что будет способствовать их устойчивому развитию и удовлетворению потребностей. Упоминается о демилитаризации земель и территорий коренных народов, а также о заботе и сохранении окружающей среды. Особо отмечается

¹ Подобная дискуссия велась с момента открытия Америки и имела место вплоть до начала XX в. в Австралии, где ученые, юристы и представители власти вели спор о том, как квалифицировать убийство аборигенов, как убийство человека и уголовно наказуемое деяние, либо как убийство животного.

² См.: Гудыма А.П. Субъектность коренных народов Севера России: основания развития // Коренные народы Ямала в современном мире: Сценарии и концепции развития: Тематический сборник / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск – Салехард: Нонпарель, 2007. С. 81.

³ См.: Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. Монография. М.: Издательство РУДН, 1997. С. 106.

в Декларации право народов на самоопределение, в силу которого они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют экономическое, социальное и культурное развитие. Декларация, как говорится в документе, провозглашается в качестве эталона, которому надлежит следовать в духе партнерства и взаимного уважения. Признание прав на участие в процессе принятия решений на всех уровнях и на самоуправление и автономию является положительным шагом в направлении достижения внутренней политической автономии. Заслуживает одобрения защита самобытности коренных народов. Совершенно однозначно называются право на самоидентификацию и признание права быть признанным в качестве коренного народа, право на развитие самобытности, а также на развитие обычаев, традиций и занятий.

Декларация также закрепляет за представителями коренных народов и такие неотъемлемые права, как право на жизнь, физическую и психическую неприкосновенность, личную безопасность; право на жизнь в условиях свободы, мира и безопасности в качестве самобытных народов; запрет на любые акты геноцида или насилия в отношении коренных народов. Статья 8 документа запрещает принудительную ассимиляцию или любое другое воздействие в целях уничтожения культуры, чем вообще то и занималось Американское правительство на протяжении долгого времени в отношении индейского населения. Проводимая ими политика принудительной ассимиляции не привела к особым успехам, а лишь ожесточила позицию индейцев по отношению к правительству США, после чего последовала политика изоляции и полного игнорирования требований коренных народов.

Отныне запрещается принудительное удаление коренных народов со своих земель или территорий. Никакое перемещение не осуществляется без их свободного, предварительного и осознанного согласия. Если же перемещение и производится, то только после заключения соответствующего соглашения с обязательной выплатой компенсации и возможностью возвращения. Таким образом, освоение новых земель, добыча ресурсов и полезных ископаемых теперь не являются основанием для депортации целых народов с их земель или «добровольного» перемещения¹.

В Декларации уделяется внимание защите культурных и религиозных прав коренных народов. Предусматривается возможность реституции в отношении их культурной, интеллектуальной, религиозной и культовой собственности, отчужденной без их согласия. Дается право создавать свои собственные учебные заведения, обеспечивающие образование на их родном языке и с учетом культурных традиций. Декларируется возможность создавать свои собственные средства массовой информации. Внимание уделяется также соблюдению трудовых прав представителей коренных народов. Запрещается любая дискриминация в их отношении, что касается условий труда, занятости и заработной платы. Социально-экономические условия жизни должны постоянно улучшаться, и в сфере здравоохранения, и в области обеспечения жильем, социальной помощи и т.д. Достаточно востребованной является норма Декларации (ст. 36), предписывающая сопредельным государствам поддерживать и развивать контакты коренных народов, разделенных международными границами. В мире достаточно примеров, когда один и тот же народ оказывается в разных государствах. Так, например, племя могавков, исторически обитавшее в районе Великих Озер, оказалось разде-

¹ Так, например, в США, в XIX в. под влиянием угроз и обмана ряд племен подписали заведомо неравноправные договоры и были перемещены со своих земель. Известная «Дорога слез», когда племя чероки были отправлены на запад в Оклахому со своих исконных территорий с целью освобождения плодородных земель под заселение американскими гражданами. Или перемещение индейцев сиу с их священной земли «Черные холмы», где было обнаружено золото.

ленным и имеет резервации на территории США и Канады. Государствами был установлен специально для них облегченный режим пересечения границы.

Необходимо также подчеркнуть, что принятие Декларации стало наиболее полным изложением прав коренных народов из когда-либо составлявшихся документов. При этом коллективные права в Декларации определяются в такой степени, которая является беспрецедентной для международного права в области прав коренных народов. Принятие этого документа стало самым явным на сегодняшний день подтверждением того, что международное сообщество привержено делу защиты индивидуальных и коллективных прав коренных народов. И хотя Декларация не имеет юридически обязательной силы для государств, она имеет значительную моральную и политическую силу.

На восьмом заседании Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов в мае 2009 г. подводились первые итоги реализации положений настоящей Декларации. В частности, упоминалось, что в Белизе в октябре 2007 г. Министр юстиции заявил о необходимости вернуть отнятые у коренных народов (индейцев майя) земли, ссылаясь на статью 26 Декларации. Он напомнил, что Белиз голосовал в поддержку принятия данного документа. В ноябре 2007 г. Межамериканский суд по правам человека ссылаясь на статью 36 Декларации в деле «Народ сарамака против правительства Суринама» по поводу незаконной вырубki леса на их территории. Таким образом, мы уже видим данный документ в действии. Примечательно, что сегодня все государства, выступавшие ранее против принятия данного документа, уже выразили свою поддержку в его адрес и взяли на себя обязательство строить свою внутреннюю политику в отношении коренных народов в духе и в соответствии с положениями настоящей Декларации. Последним государством, присоединившимся к Декларации стали Соединенные Штаты Америки, которые одобрили ее в декабре 2010 г.

В завершении хотелось бы отметить, что с принятием Декларации ООН наступила совершенно новая эра в становлении прав коренных народов в международном праве. Начало XXI века можно охарактеризовать как эпоху развития прав коренных народов – новую страницу в истории прав человека. К тому же современное международное право служит важнейшим ориентиром и мощным стимулом в развитии внутринационального законодательства в области обеспечения прав коренных народов. И если раньше международное право выступало инструментом политики колониализма и захвата новых территорий, то сейчас оно, хотя медленно и неохотно, но меняется в сторону защиты прав и интересов коренных народов¹. Сегодня международное право способствует процессам демократизации внутреннего законодательства государств, на территории которых проживают коренные народы. Национальные средства правовой защиты коренных народов должны обеспечивать максимальный учет требований, установленных международно-правовыми актами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р. Международно-правовые основы защиты прав коренных народов. М.: Издательство РУДН, 2011. 224 с.

¹ См.: James S. Anaya. Indigenous Peoples in International Law. Second Edition. Oxford University Press, 2004. P. 4.

Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. Монография. М.: РУДН, 2011. 224 с.

Бойченко Ю. А. Международные механизмы и тенденции в сфере защиты прав коренных народов // Московский журнал международного права. 2001. № 3. С. 129–135.

Гарипов Р. Ш. Шестая сессия Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов // Казанский журнал международного права. Казань, 2007. № 1. С. 38–46.

Гудыма А. П. Субъектность коренных народов Севера России: основания развития // Коренные народы Ямала в современном мире: Сценарии и концепции развития: Тематический сборник / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск – Салехард: Нонпарель, 2007. С. 80–88.

Декларация ООН о правах коренных народов // Московский журнал международного права. № 4, 2007. С.322.

Dr. Rose-Alma J. McDonald. A Canadian Indigenous Perspective on the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples and the Permanent Forum on Indigenous Issues // Актуальные вопросы прав народов в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Гарипов Р.Ш. Казань: Издательство Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2009.

James S. Anaya. Indigenous Peoples in International Law. Second Edition. Oxford University Press, 2004.

Pallemaerts M. Development, Conservation, and Indigenous Rights in Brazil // Human Rights Quarterly. 1986. № 8.

УДК 327.7

Строгальщикова Зинаида Ивановна

ст. науч. сотр. Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН
г. Петрозаводск, Россия

E-mail: strogalshchikova.zinaida@yandex.ru

ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ О РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ ИЛИ ЯЗЫКАХ МЕНЬШИНСТВ: К ПРОБЛЕМЕ РАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с ратификацией Россией Европейской хартии о региональных языках или языках меньшинств. Данный вопрос активно обсуждался в ходе реализации в России совместной программы Совета Европы и Европейского союза «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» (2009–2011). По итогам ее реализации основным препятствием для присоединения России к Хартии представители российских государственных структур видят в ее уникальном языковом многообразии. Автор полагает, что реализация Хартии в России может проводиться поэтапно. На первом этапе ее требования могут быть распространены к отдельным языкам коренных малочисленных народов. В российском законодательстве данная группа этнических общностей имеет особый статус, но ситуация с сохранением их языков вызывает у общественности серьезную обеспокоенность.

Ключевые слова: Европейская Хартия о региональных языках или языках меньшинств, национальные меньшинства, коренные малочисленные народы, коллективные права, языковое многообразие.

Strogal'shchikova Zinaida I.

Senior researcher of the Institute of Linguistics,
History and Literature of the Karelian Research Centre (RAS),
Petrozavodsk, Russia
E-mail: strogalshchikova.zinaida@yandex.ru

THE EUROPEAN CHARTER ON THE REGIONAL OR MINORITY LANGUAGES: THE PROBLEM OF RATIFICATION BY THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article deals with issues related to Russia's ratification of the European Charter on Regional or Minority Languages. This issue was actively discussed during the implementation in Russia of the joint program of the Council of Europe and the European Union «National minorities in Russia: the development of languages, culture, media and civil society» (2009-2011). As a result of its implementation, the main obstacle to Russia's accession to the Charter is that representatives of Russian state structures see its unique linguistic diversity. The author believes that the implementation of the Charter in Russia can be carried out in stages. At the first stage, its requirements can be extended to individual languages of indigenous peoples. In the Russian legislation, this group of ethnic communities has a special status, but the situation with the preservation of their languages is of great concern to the public.

Keywords: European Charter on Regional or Minority Languages, National Minorities, Indigenous Minorities, Collective Rights, Linguistic Diversity.

Представители национальных меньшинств и коренных малочисленных народов России возлагали большие надежды на итоги реализации в стране совместной программы (российскую сторону представляло Министерство регионального развития), Совета Европы и Европейской комиссии «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» (2009–2011), основной целью которой провозглашалась оценка возможности ратификации Россией Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (далее Хартия)¹. Этнически ориентированные общественные организации неоднократно отмечали в резолюциях своих форумов, рекомендациях конференций необходимость ратификации Хартии, надеясь, что это усилит внимание и ответственность органов власти к положению языков их народов, поскольку потребует предоставления в Совет Европы периодических отчетов по ее исполнению². Их требования о ратификации Хартии поддерживали и некоторые органы федеральной власти. В рекомендациях парламентских слушаний Совета Федерации «Российский и международный аспекты правового регулирования положения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», состоявшихся в феврале 2007 года, говорилось о необходимости правительству России «ускорить работу по подготовке ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств»³. Такие

¹ Выступление М. А. Травникова // Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы: Материалы парламентских слушаний 7 октября 2010 года. М.: Изд. Государственной Думы, 2011. С. 6–7.

² Европейская Хартия о региональных языках или языках меньшинств (ETS N 148) (рус., анг.) «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902299> (дата обращения: 06.07.2017).

³ Российский и международный аспекты правового регулирования положения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Рекомендации парламентских слушаний Совета Федерации, февраль 2007 год // Проблемы Севера и Арктики

же рекомендации в адрес правительства России были высказаны по итогам парламентских слушаний Совета Федерации «О мерах по реализации целей Второго Международного десятилетия коренных народов мира в сферах народного образования и сохранения родных языков в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», которые прошли 2 октября 2008 г.¹

Россия, являясь членом Совета Европы с 1996 г., как и все страны бывшего социалистического лагеря, вступавшие в 1990-е гг. в Совет Европы, взяла на себя обязательства о присоединении к двум ее важнейшим конвенциям, направленным на защиту национальных меньшинств: Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств и Европейской Хартии о региональных языках или языках меньшинств. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств была ратифицирована федеральным законом от 18 июня № 84-ФЗ и вступила в силу 1 декабря 1998 г.² Россия обязалась также подписать и ратифицировать Хартию в 1998 г. В мае 2001 г. состоялось ее подписание от имени Российской Федерации³, но ратификация Хартии не последовало. Таким образом, процесс присоединения к ней остался незавершенным.

При многообразии бытующих в России языков национальных меньшинств и малочисленных народов подготовка к ратификации Хартии требовала тщательной оценки ситуации с каждым из них. С 2006 г. такой работой занялось Министерство регионального развития (далее Минрегион)⁴. В 2008 г. у руководителей Минрегиона возникла идея создать совместно с Советом Европы при участии Европейской комиссии проект, направленный на оценку возможности ратификации Россией Хартии. Как заявил заместитель министра М. А. Травников на парламентских слушаниях в Государственной Думе в октябре 2010 г., работа по вопросу о ратификации Хартии «проводилась в Министерстве по делам национальностей раньше не один год. Существует очень много наработок, у которых есть и положительные стороны и отрицательные, и в итоге мы решили, что нам нужно с учетом этих наработок сделать исследование, изучив, в том числе, европейский опыт»⁵.

Реализация проекта «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» (далее Программы), проводилась с выделением

Российской Федерации. Научно-информационный бюллетень. Издание Совета Федерации. М. Вып. 5. апрель, 2007. С. 101.

¹ О мерах по реализации целей Второго Международного десятилетия коренных народов мира в сферах народного образования и сохранения родных языков в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Парламентские слушания Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Издание Совета Федерации. М., 2008. С. 54.

² Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902948> (дата обращения: 06.07.2017).

³ О подписании Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств. Распоряжение Президента Российской Федерации от 22 февраля 2001 г. № 90-рп // Собрание законодательства РФ. 2001. № 9. Ст. 848.

⁴ Соколовский, С. В., Тишков, В. А. Европейская языковая Хартия и защита языковых прав в России // Европейская языковая хартия и Россия / под ред. С.В. Соколовского и В.А. Тишкова / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2010. Вып. 218. С.4.

⁵ Выступление М. А. Травникова.

финансовых средств из бюджетов Совета Европы, Европейской комиссии и Минрегиона¹. Она была направлена на изучение возможностей ратификации Россией Хартии, ознакомление российских представителей органов власти и общественности с европейским опытом ее правоприменения и мониторинга. Кроме оценки возможности ратификации Хартии, ее второй целью стало предоставление грантов неправительственным организациям, национально-культурным автономиям, научным учреждениям и органам региональной власти для реализации проектов, направленных на этнокультурное развитие национальных меньшинств, поддержку национальных СМИ и т.д. На грантовую поддержку проектов было выделено 900 тыс. евро². Сопредседателем руководящего комитета Программы от России являлся заместитель Минрегиона М.А. Травников, со стороны Совета Европы – А.С. Кожемяков, руководитель секретариата Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств³. Активное участие в ее мероприятиях принимали также Общественная палата и Государственная Дума Российской Федерации.

О Хартии. Она была принята Советом Европы в 1992 году, открыта для подписания в 1995 году и вступила в силу в 1998 году после подписания ее пятью государствами. К настоящему времени из 47 стран – членов Совета Европы ее ратифицировали 25 и подписали 8 (в их числе и Россия)⁴. Хартия является уникальным документом Совета Европы, направленным на защиту и поддержку исторических региональных языков и языков меньшинств, рассматриваемых как общее культурное богатство Европы⁵. Речь идет о языках меньшинств, традиционно используемых на ее территории – региональных (т. е. автохтонных или коренных) и языках меньшинств, части которых угрожает исчезновение. Под защиту Хартии не включаются диалекты государственного языка данного государства и языки мигрантов⁶.

Традиционной темой при обсуждении проблем сохранения и развития языков меньшинств стали заявления правительств почти всех стран об их ценности как культурного наследия, необходимости их защиты и поддержки, которые, к сожалению, часто остаются лишь декларацией. При ратификации Хартии от стран-членов Совета Европы требуются как заверения о принципах и целях поддержки языкового многообразия (часть II, ст.7), так и проведение законодательной и практической деятельности по их сохранению и развитию. В ее основной части III (ст. 8–14) изложены конкретные обязательства, ко-

¹ Журавский А. В. Об опыте реализации совместной программы «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» // Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. М., 2012. С. 7–8.

² Мустафина Д. Н. К вопросу подготовки ратификации Россией Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 14 (229).

Политические науки. Востоковедение. Вып. 10. С. 63.

³ Выступление М. А. Травникова.

⁴ Совет Европы. Бюро договоров. Таблица подписей и ратификаций договора 14 (на 22.06.2017 г.). URL: http://www.coe.int/ru/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/treaty/148/signatures?p_auth=SnDE2fZd (дата обращения: 06.07.2017).

⁵ Обзор литературы по Хартии см.: Кожемяков А. С. Языки национальных меньшинств // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания / Отв. ред. Н. Н. Трошина (Сер.: Теория и история языкознания). М., 2015. С. 32–45.

⁶ Европейская Хартия о региональных языках и или языках меньшинств (ETS № 148) (рус., англ.) «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902299> (дата обращения: 06.07.2017).

торые следует соблюдать по использованию региональных языков и языков меньшинств в разных сферах общественной жизни: образование (ст. 8), судебные власти (ст. 9), административные органы и государственные службы (ст. 10), СМИ (ст. 11), культурные мероприятия и объекты (ст. 12), экономическая и общественная жизнь (ст. 13), трансграничные обмены (ст. 14). Государство обязано обеспечить их применение в данных сферах общественной жизни, избрав не менее 35 из 68 обязательств. В каждой из них перечень обязательств весьма вариативен и позволяет сделать выбор с учетом реальной языковой ситуации, сложившейся с использованием того или иного языка. Так, например, обязательства сферы образования включают разные степени использования языка меньшинств на уровне дошкольного, начального, среднего, профессионально-технического и высшего образования, предусматривающего выбор из трех-четырех вариантов: организация обучения на языке, его изучение как отдельной дисциплины, только по желанию части обучающихся и даже их изучение в рамках программ для взрослых. Из сфер образования и культуры необходимо выбрать не менее трех обязательств, а из остальных (кроме трансграничных обменов) хотя бы по одному¹. Отметим, что кажущее наиболее сложным для выполнения обязательство по применению языков меньшинств в суде, в России гарантировано ст. 10 (пункт 3) Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»².

С началом работы Программы интерес к вопросу о ратификации Хартии среди национальных меньшинств и коренных малочисленных народов России резко возрос. В регионах страны состоялось 12 информационных семинаров для разных целевых групп, которые могли быть задействованы при подготовке к ратификации и последующей реализации. В них приняли участие органы власти всех уровней, в том числе судебной, представители неправительственных организаций, педагогической общественности, ученые, журналисты и т.д. Общественная палата РФ в июне 2010 года провела «Общественные слушания по Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств»³, в октябре 2010 года в Государственной Думе состоялись парламентские слушания «Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы»⁴. Аналитический отдел Государственной Думы в 2010 году подготовил два весьма содержательных вестника: «Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы»⁵ и «Региональный аспект возможной ратификации Российской Федерацией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств»⁶. Помимо проведения активной ин-

¹ Там же.

² Федеральный конституционный закон от 31. 12. 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 05. 02 .2014) «О судебной системе Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=158706&fld=134&dst=100013,0&rnd=0.08871605263765425#0> (дата обращения: 06.07.2017).

³ Рекомендации общественных слушаний по Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств. Общественная палата Российской Федерации, г. Москва, 16 июня 2010 г. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4384/13987> (дата обращения: 06.07.2017).

⁴ Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы. Материалы парламентских слушаний. 7 октября 2010 года. Издание Государственной Думы. М., 2011. 120 с.

⁵ Аналитический вестник 2010г. Выпуск 24. Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы. Серия: Государственное строительство и конституционные права граждан. М. 2010. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4384> (дата обращения: 06.07.2017).

⁶ Аналитический вестник 2010г. Выпуск 25. Региональный аспект возможной ратификации Российской Федерацией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. Се-

формационной деятельности организаторы Программы привлекли российских и зарубежных экспертов (последние представили отзывы на доклады российских коллег) для оценки языковой ситуации в России и выяснения позиции о ратификации Хартии, как в отношении имеющегося российского законодательства о языках меньшинств, так и правоприменительной практики. По их мнению, законодательство по защите языковых прав народов России, находящихся в ситуации меньшинства, полностью соответствует духу и принципам Хартии, соответствуя целям и принципам части II (ст. 7), хотя требуется устранить разночтения в терминологии, используемой в Хартии и российском законодательстве.

О российском законодательстве в области защиты языков и проблемах с его реализацией. Основы российского законодательства по языковой политике были заложены законом «О языках народов Российской Федерации», принятом в октябре 1991 году¹. Он готовился в уникальный период нашей истории, когда в обществе преобладало мнение, что право на национальную и этническую идентичность является частью всеобщих прав человека, принадлежащих всем от рождения, независимо от того, являются ли они представителями меньшинств или доминирующего сообщества. В это время особенно остро осознавалась необходимость исправления ошибок предшествующего периода в этнонациональной политике, поэтому закон решительно встал на защиту языков меньшинств, гарантируя сохранение и развитие языков всех народов страны. В 1993 г. в Конституцию РФ вошли многообещающие статьи: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (26, пункт 2); «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения» (68, пункт 3), и о праве республик «устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации (68, пункт 2)².

Вместе с тем, нет оснований считать, что столь многообещающие нормы в области языковой политики были подарком властей для нерусских народов, выступающих за возрождение своих языков. Мнение в пользу поддержки языков меньшинств сформировалось в результате активной просветительской работы их общественности о ценности культурного разнообразия в многонациональной стране, о важности возвращения их в систему образования, расширения функций. В ряде регионов (в республиках, округах) задача возрождения языков коренных народов рассматривалась как приоритетная часть их внутренней политики. По данным Доклада России о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств представленного в Совет Европы в апреле 2010 года, их было 80 (на 33 национальных языках велось обучение, 47 – изучались в качестве учебного предмета), включая и ряд языков меньшинств, являющихся государст-

рия: Государственное строительство и конституционные права граждан. Москва. 2010. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4383> (дата обращения: 06.07.2017).

¹ Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (в ред. от 12.03.2014 г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 06.07.2017).

² Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с поправками). URL: http://www.constitution.garant.ru/DOC_10003000.htm (дата обращения: 06.07.2017).

венными в странах СНГ¹. При анализе языковой ситуации в ходе реализации Программы (2011 г.) были приведены иные сведения: языками обучения в школах (ограничиваясь гуманитарными предметами) были 28 наиболее массовых языков. Из них 16 являлись языками обучения в начальной школе, 2 языка использовались на ступени основного общего образования и 10 языков – на ступени среднего (полного) общего образования. Кроме того, в качестве учебного предмета изучалось еще 43 языка на всех ступенях общеобразовательных школ. В целом, в школьном процессе использовалось 70 языков, т. е. половина всех языков Российской Федерации².

По закону «О языках народов России» *«создание условий для сохранения и развития языков малочисленных народов»* отнесено к компетенции органов власти Российской Федерации. Как отмечали в комментариях к закону его разработчики, есть опасение, что о них «государственные органы другого уровня могут вообще не позаботиться»³. В законе закреплены обязательства государства по созданию письменности для бесписьменных народов, а также *«организации различных форм воспитания и обучения на родном языке независимо от их количества и в соответствии с их потребностями»*⁴.

Основной вопрос в правоприменительной практике: к сожалению, на фоне конфликтов с закрытием малокомплектных школ в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов, переходом на новые принципы нормативно-подушевого финансирования, реальность по отношению к малочисленным народам очень далека от норм закона «О языках народов Российской Федерации». В упомянутых выше рекомендациях парламентских слушаний «О мерах по реализации целей Второго Международного десятилетия коренных народов мира в сферах народного образования и сохранения родных языков в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (октябрь 2007 г.), указаны все болевые точки в области организации преподавания языков малочисленных народов. К сожалению, подробная информация о положении языков малочисленных народов, а также мнения более 100 участников слушаний, предложивших план спасения языков малочисленных народов⁵, не были приняты во внимание ни Министерством образования и науки РФ, ни Минрегионом. Учет Министерством образования и науки РФ данных рекомендаций мог бы предотвратить трагедии с закрытием малокомплектных школ в местах компактного проживания малочисленных народов. Министр образования и науки А. Фурсенко 1 сентября 2010 г. заявил, что «начальная сельская школа должна работать даже с одним ре-

¹ Third Report Submitted by the Russian Federation Pursuant to Article 25, Paragraph 2 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Received on 9 April 2010. Доклад Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в рамках третьего цикла мониторинга). // Док. ACFC/SR/III (2010) 005. URL: <https://rm.coe.int/168008b7a6> (дата обращения: 06.07.2017).

² Тишков В. А., Степанов, В. В., Функ Д. А., Артеменко О. А. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации: резюме доклада // Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. М., 2012. С. 35.

³ Комментарий к Закону о языках народов Российской Федерации: изд. Верховного Совета РФ / А. С. Пиголкин, М. С. Студеникина [и др.]; гл. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Известия, 1993. С. 10.

⁴ Закон «О языках народов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 06.07.2017).

⁵ О мерах по реализации целей Второго Международного десятилетия коренных народов мира в сферах народного образования и сохранения родных языков в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Парламентские слушания. Издание Совета Федерации. М. 2008. С. 51–54.

бенком»¹, но официально решений со стороны Министерства о прекращении закрытия сельских малокомплектных школ не последовало.

В феврале 2009 г. была принята Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ до 2025 г., где провозглашалось повышение доступа к образовательным услугам малочисленных народов с учетом их этнокультурных особенностей, в том числе поддержка малокомплектных детских садов и школ, оснащение учреждений системы образования современным оборудованием, обеспечивающим высокий уровень образовательного процесса; изучение родного языка, национальной культуры и основ ведения традиционного хозяйства². В начале мая 2009 г. Правительство РФ утвердило «Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», конкретно указав районы, сельские и городские поселения в регионах их проживания, чтобы более целенаправленно оказывать поддержку коренным малочисленным народам³. Есть сомнения, что принятие данных решений оказалось замеченным органами власти всех регионов проживания коренных малочисленных народов. Об этом свидетельствует пример с вепсами Ленинградской области. В конце мая 2009 года решением депутатов Подпорожского района Ленинградской области в трех населенных пунктах Винницкого сельского поселения (включенного в Перечень мест традиционного проживания коренных малочисленных народов) было закрыто сразу три детских сада и две неполные средние школы. Последствия закрытия школ на селе известны. Борьба местного населения, общественных организаций с таким решением районных властей была долгой, хотя даже прокуратора признала его незаконным. Удалось отстоять только одну школу в п. Курба – ее сохранили в статусе начальной. Дети из остальных вепских деревень с 7 лет вынуждены учиться в школе-интернате в с. Винницы. В закрытых школах все дети изучали вепский язык как предмет, после перехода их в Винницкую школу они имеют возможность изучать его только как факультатив. По данным школьной статистики, его посещают 15 % школьников. Большинство детей пришло в интернат из семей, где еще говорили на вепском языке. Фактически они попали в основном в русскоязычную языковую среду. Таким решением властей нанесен невосполнимый ущерб этническому развитию вепсов Ленинградской области. Многолетние усилия специалистов, преподавателей вепского языка по воссозданию вепской письменности, подготовке учебников, изданию литературы на вепском языке – все это начинает терять смысл при таких решениях властей, демонстрирующих равнодушие к судьбе коренных малочисленных народов⁴.

¹ «Начальная сельская школа должна работать даже с одним ребенком, заявил Фурсенко». URL: <http://new.morigov.ru/ria-novosti-nachalnaya-selskaya-shkola-dolzha-rabotat-dazhe-s-odnim-rebenkom-zayavil-fursenko/> (дата обращения: 06.07.2017)

² Об утверждении Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 4 февраля 2009 года № 132-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902142304> (дата обращения: 06.07.2017).

³ Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. N 631-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95535/#ixzz4kh1ETJad> (дата обращения: 06.07.2017).

⁴ Строгальщикова З. И. Прощай школа! «Общество вепской культуры» направило открытое письмо Президенту России // Российские вести. Федеральный еженедельник. 2009. 1-7 июля. URL: <http://rosvesty.ru/1966/politic/5925-proschai-shkola/> (дата обращения: 06.07.2017); Ее же. Веп-

Необходимо отметить, что совершенно иное отношение к вепсам и карелам в Карелии. Здесь органы власти активно сотрудничают с общественными организациями, есть понимание серьезности положения с сохранением и развитием карельского и вепсского языков. Из-за запрета в конце 1930-х годов вепсской и карельской письменностей, карелы и вепсы оставались полвека бесписьменными народами, поэтому возникли большие проблемы со знанием карельского и вепсского языков молодежью и детьми. По инициативе молодых семей в г. Петрозаводске начали действовать два детских дошкольных учреждения, где воспитатели большую часть дня общаются с детьми на карельском и финском языках. Данная методика, известная как «языковое гнездо», помогла многим народам, в частности саами в Норвегии и Финляндии, вернуть знание языков своего народа подрастающему поколению. Безусловно, желающих отдать детей в такие детские дошкольные учреждения много, но возможности ограничены – поскольку, как и везде, наблюдается большая нехватка детских садов. Для карельской общественности было неожиданным узнать из Доклада Российской Федерации в Совет Европы о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (в рамках третьего цикла мониторинга апрель 2010 года), что федеральные органы исполнительной власти России против использования методики «языкового гнезда». В докладе говорится, что *«механизм ее реализации представляет создание замкнутой языковой среды на базе детских дошкольных учреждений, где дети с первых лет жизни погружаются в среду родного языка, что в условиях многонациональной России существенно ограничивает возможности их социализации в поликультурной среде и, тем самым, способствует нарушению принципа равенства возможностей в получении образования, последующего поиска работы и т.д. и является проявлением сегрегации детей по этническому принципу»*¹.

Такое заявление более чем странно, поскольку в соответствии с законом «О языках народов Российской Федерации» государство содействует коренным малочисленным народам *«в организации различных форм воспитания и обучения на родном языке независимо от их количества и в соответствии с их потребностями»*. О какой сегрегации может идти речь, если открытия детских садов в Карелии, работающих по методике «языковых гнезд», национальная общественность добивалась несколько лет, и прием детей проводится по желанию родителей. Более того, практика показала, что в условиях глубокой языковой ассимиляции только методика «языковых гнезд» смогла вернуть к жизни многие исчезающие языки. Необходимость дошкольного обучения навыкам родной речи в «языковом гнезде» указывается в рекомендациях этносоциолога Е. И. Клементьева в числе мер, необходимых для сохранения карельского языка по итогам исследования о применимости положений Хартии по отношению к карельскому языку в Карелии в рамках рассматриваемой Программы².

сы Ленинградской области просят о помощи . URL: <http://finugor.ru/news/vepsy-leningradskoy-oblasti-prosyat-o-pomoshchi> (дата обращения: 06.07.2017).

¹ Third Report Submitted by the Russian Federation Pursuant to Article 25, Paragraph 2 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Received on 9 April 2010. – Доклад Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в рамках третьего цикла мониторинга) // Док. ACFC/SR/III (2010) 005. Russian language version + Annexes / С. 90. URL: <https://rm.coe.int/168008b7a6> (дата обращения: 06.07.2017).

² Клементьев Е. И. Республика Карелия: правовая ситуация в сфере этнокультурного и языкового образования // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы. М., 2011. С. 119–120.

Многообразие языков, значительные расхождения между законодательством об их защите и реальной практикой, отсутствие достоверной ситуации с одними и теми же языками, распространенными, как правило, в соседних регионах, неизбежные финансовые расходы, – все это указывались как основные причины, препятствующие ратификации Хартии Россией. Очевидно, что ее ратификация Россией потребует значительной работы по реализации конституционных положений и действующего законодательства в сфере языковой политики, в том числе создание специального ведомства на федеральном уровне с отделениями в регионах для оценки функционирования языков меньшинств. И главное – становится обязательным предоставление отчетов о состоянии языков меньшинств, которые не могут ограничиваться, как это обычно делается при отчетах в международные структуры, перечислением в основном всем известных положений Конституции и принятых законов. Возникнет, на что обращали внимание эксперты, необходимость сбора более детальной информации о бытовании языков народов России и национальных меньшинств при проведении переписей населения.

Важной частью реализации Программы явилось моделирование применимости положений Хартии к языкам национальных меньшинств в трех регионах – в Алтайском крае, Республике Дагестан и Республике Мордовия. Его итоги показали, что сегодня реальная защита языков народов России (сферы их применения и уровень использования), имеющих статус государственных в республиках, значительно превышают минимальные требования Хартии. Вместе с тем, некоторые языки малочисленных народов не могут подпадать под защиту Хартии, поскольку не имеют даже письменности или не используются в образовании. В Алтайском крае рассматривалось применение положений Хартии к трем языкам – кумандинскому, немецкому и казахскому. Самое сложное положение у кумандинского, он практически не используется в системе образования. В отчете говорится, что из учебных пособий «существует только букварь, который был издан в шестидесятые годы прошлого века. Помимо прочего, он составлен на одном из диалектов кумандинского языка и не признается лицами, говорящими на других диалектах»¹. Несколько лучше ситуация с немецким языком, и отмечается значительная заинтересованность местного казахского сообщества в сохранении и развитии своего языка. Ни один из перечисленных языков необходимым требованиям Хартии не удовлетворял. Совершенно иное положение в Мордовии. Использование двух государственных языков республики (эрзянского и мокшанского) соответствовал 61 обязательству, значительно превышая минимальный уровень обязательств, определяемых Хартией, и 39 обязательств уже реализовались по отношению к татарскому языку². Моделирование в Дагестане было признано неудачным как по методу проведения (без посещения экспертов), так по выбору языков. Отчет по Дагестану было решено не публиковать³.

Каким видится выход из этой непростой ситуации? Существует понимание важности ратификации Хартии (обязательства взяты), но путь еще не совсем ясен. Хартия – гибкий документ: возможно составление первого списка языков для ратификации. Это предложение экспертов, тем более, что такая практика используется странами, уже ратифицировавшими Хартию. На наш взгляд, принимая во внимание особый статус коренных

¹ Применение Хартии в Российской Федерации (Алтайский край). URL: <http://urist-edu.ru/geografiya/46058/index.html?page=3> (дата обращения: 06.07.2017).

² Вихеркевич Т. Итоги моделирования применения Хартии в отдельных регионах // Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. М. 2012. С. 65.

³ Там же. С. 72.

малочисленных народов, закрепленный в Конституции России и в законе «О языках народов Российской Федерации», необходимо в первый ратификационный список включить те языки коренных малочисленных народов РФ, которые способны удовлетворять не менее 35 обязательств Хартии. В настоящее время для многих коренных малочисленных народов это единственный шанс, чтобы обеспечить будущее не только их языков, но и самих народов. Вместе с тем, на примере кумандинского языка, видно, что далеко не все языки малочисленных народов могут в настоящее время подпадать под требования Хартии. За пределами Хартии остаются наиболее уязвимые языки, которые не имеют письменности, не используются в школьном обучении, СМИ. Единственный путь – срочно начать подготовку по созданию условий для развития языков, находящихся в таком сложном положении, иначе главная политическая цель, стоящая перед Хартией «сохранить самое большое сокровище Европы – ее языковое, этническое, национальное и культурное разнообразие», не будет достигнута.

Наш подход к поэтапному процессу ратификации Хартии, который можно начать с включения в первый ратификационный список ряда языков малочисленных народов, в принципе поддерживают и этнологи, принимавшие участие в реализации Программы. По мнению академика В. А. Тишкова, «в свете новых подходов, предлагаемых Хартией, применительно к условиям России следует разграничить языки на две или более категорий, из которых только часть языков может быть определена, как, прежде всего нуждающиеся в применении положений Хартии и внесения в соответствующий ратификационный список»¹. Возражения ряда политиков и представителей власти, что выбор отдельных языков под защиту Хартии нарушает равноправие не только между языками, но и этническими группами, выглядят весьма неубедительно: поскольку, принимая решение о ратификации и руководствуясь духом Хартии, как справедливо отмечает В. А. Тишков, «прежде всего, следует учитывать положение собственно языка и на этой основе выстраивать приоритеты языковой политики»².

Такой подход к итогам реализации Программы приобретает особую актуальность в связи с объявлением ООН 2019 г. – Международным годом языков коренных народов. Данное решение принималось ООН с целью привлечь «внимание к острейшей проблеме утраты таких языков и к настоятельной необходимости сохранять, возрождать и поощрять эти языки и предпринимать совместные дальнейшие экстренные шаги на национальном и международном уровнях» для их развития³. Такую задачу ставит и Хартия перед государствами, которые присоединятся к этому важнейшему документу, обеспечивающему защиту языков меньшинств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитический вестник 2010 г. Выпуск 24. Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы. Серия: Государственное строительство и консти-

¹ Тишков В. А. Россия и Европейская языковая хартия. Вместо предисловия // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы. М., 2011. С. 8.

² Там же.

³ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2016 года [по докладу Третьего комитета (A/71/481)] 71/178. Права коренных народов. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods> (дата обращения: 06.07.2017).

туционные права граждан. М. 2010. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4384> (дата обращения: 06.07.2017).

Аналитический вестник 2010 г. Выпуск 25. Региональный аспект возможной ратификации Российской Федерацией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. Серия: Государственное строительство и конституционные права граждан. Москва. 2010. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4383> (дата обращения: 06.07.2017).

Вихеркевич Т. Итоги моделирования применения Хартии в отдельных регионах // Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. М., 2012. С. 65.

Выступление М. А. Травникова // Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы. Материалы парламентских слушаний 7 октября 2010 года. М.: Изд-во Государственной Думы, 2011. С. 6–7.

Европейская Хартия о региональных языках и или языках меньшинств (ETS N 148) (рус., англ.) «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации» URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902299> (дата обращения: 06.07.2017).

Европейская Хартия о региональных языках или языках меньшинств (ETS N 148) (рус., англ.) «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902299> (дата обращения: 06.07.2017).

Журавский А. В. Об опыте реализации совместной программы «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» // Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. М., 2012. С. 7–8.

Закон «О языках народов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 06.07.2017).

Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (в ред. от 12. 03. 2014 г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 06.07.2017).

Клементьев Е. И. Республика Карелия: правовая ситуация в сфере этнокультурного и языкового образования // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы. М., 2011. С. 119–120.

Кожемяков А.С. Языки национальных меньшинств // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания / отв. ред. Трошина Н.Н. (Сер.: Теория и история языкознания). М., 2015. С 32–45.

Комментарий к Закону о языках народов Российской Федерации: изд. Верховного Совета РФ / А. С. Пиголкин, М. С. Студеникина [и др.]; гл. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Известия, 1993. С. 10.

Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. URL: http://www.constitution.garant.ru/DOC_10003000.htm (дата обращения: 06.07.2017).

Мустафина Д. Н. К вопросу подготовки ратификации Россией Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 14 (229). С. 62–70.

Начальная сельская школа должна работать даже с одним ребенком, заявил Фурсенко». URL: <http://new.morigov.ru/ria-novosti-nachalnaya-selskaya-shkola-dolzha-rabotat-dazhe-s-odnim-rebenkom-zayavil-fursenko/> (дата обращения: 06.07.2017)

О мерах по реализации целей Второго Международного десятилетия коренных народов мира в сферах народного образования и сохранения родных языков в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Парламентские слушания Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Издание Совета Федерации. М. 2008. С. 54.

О подписании Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств. Распоряжение Президента Российской Федерации от 22 февраля 2001 г. № 90-рп // Собрание законодательства РФ. 2001. № 9. Ст. 848.

Об утверждении Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 4 февраля 2009 года N 132-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902142304> (дата обращения: 06.07.2017).

Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95535/#ixzz4kh1ETJad> (дата обращения: 06.07.2017).

Применение Хартии в Российской Федерации (Алтайский край) URL: <http://urist-edu.ru/geografiya/46058/index.html?page=3> (дата обращения: 06.07.2017).

Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации» URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902948> (дата обращения: 06.07.2017).

Российский и международный аспекты правового регулирования положения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Рекомендации парламентских слушаний Совета Федерации, февраль 2007 год // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Научно-информационный бюллетень. Издание Совета Федерации. М., 2007. Вып. 5. С. 101.

Совет Европы. Бюро договоров. Таблица подписей и ратификаций договора 14 (на 22.06.2017 г.) URL: http://www.coe.int/ru/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/treaty/148/signatures?p_auth=SnDE2fZd (дата обращения: 06.07.2017).

Соколовский С. В., Тишков В. А. Европейская языковая Хартия и защита языковых прав в России // Европейская языковая хартия и Россия / под ред. С.В. Соколовского и В.А. Тишкова / Исследования по прикладной и неотложной этнологии М.: ИЭА РАН, 2010. Вып. 218. С. 4.

Строгальщикова З. И. Вепсы Ленинградской области просят о помощи. URL: <http://finugor.ru/news/vepsy-leningradskoy-oblasti-prosyat-o-pomoshchi> (дата обращения: 06.07.2017).

Строгальщикова З. И. Прощай школа! «Общество вепсской культуры» направило открытое письмо Президенту России // Российские вести. Федеральный еженедельник. 2009. 1–7 июля. URL: <http://rosvesty.ru/1966/politic/5925-proschai-shkola/> (дата обращения: 06.07.2017).

Тишков В.А., Степанов, В. В., Функ Д. А, Артеменко О. А. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации: резюме доклада // Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. М. 2012. С. 35.

Федеральный конституционный закон от 31. 12. 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 05. 02 .2014) «О судебной системе Российской Федерации». URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=158706&fld=134&dst=100013,0&rnd=0.08871605263765425#0> (дата обращения: 06.07.2017).

Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы. Материалы парламентских слушаний. 7 октября 2010 года. Издание Государственной Думы. М. 2011. 120 с.

Third Report Submitted by the Russian Federation Pursuant to Article 25, Paragraph 2 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Received on 9 April 2010. Доклад Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в рамках третьего цикла мониторинга. // Док. ACFC/SR/III (2010) 005 URL: <https://rm.coe.int/168008b7a6> (дата обращения: 06.07.2017).

УДК 323.15

Гавриловец Людмила Владимировна

канд. ист. наук, доцент кафедры истории и методики преподавания истории
УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина»
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: lussjawlad@mail.ru

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА МЕНЬШИНСТВ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬСКОГО МЕНЬШИНСТВА БЕЛАРУСИ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме коллективных прав национальных меньшинств в контексте этнонациональной политики Беларуси в 90-е гг. XX – начале XXI в. Политика белорусского государства в отношении польского меньшинства страны строилась в основном на принципах соблюдения и сохранения коллективных прав меньшинств, их защиты со стороны государства.

Ключевые слова: коллективные права, нацменьшинства, польское меньшинство, этнонациональная политика.

Gavrilovets Lyudmila V.,

The candidate of historical sciences, the senior lecturer
Chairs of history and technique of teaching of history
«Mozyrsky state pedagogical university I.P. Shamjakina»
Mozyr, Byelorussia
E-mail: lussjawlad@mail.ru

THE COLLECTIVE RIGHTS OF MINORITY (ON THE EXAMPLE OF THE POLISH MINORITY OF BELARUS)

Abstract. The article is devoted to the problem of the collective rights of national minorities in the context of the ethno-national policy of Belarus in the 1990s. XX – early XXI century. The policy of the Belarusian state towards the Polish minority of the country was based mainly on the principles of observance and preservation of the collective rights of minorities, their protection by the state.

Keywords: Collective rights, national minorities, Polish minority, ethno-national policy.

Национальные меньшинства являются частью народа, нации, проживающего на территории другого государства, поэтому коллективные права национальных меньшинств должны носить специфический характер, т.е. отличный от коллективных прав,

присущих титульному населению государства. В связи с этим для меньшинств главным коллективным правом является право на самобытность – в целом право на существование, и вытекающее из него право на пропорциональное представительство в парламенте и местных органах управления, признание права на использование родного языка как официального, создания собственных учреждений культуры и просвещения. Далеко не полный перечень этих прав доказывает, что меньшинства обладают специфическими коллективными правами, которые должны быть реализованы как права человека.

Перечень коллективных прав, которые необходимо гарантировать меньшинствам государствам, на территории которых они проживают, был определен в Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению 1990 г. Согласно статье 32 данного документа лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность¹. Так, с июня 1990 г. на территории Беларуси действует ОО «Союз поляков на Беларуси» (далее – СПБ), независимая общественная организация, представляющая польское население белорусского государства. СПБ поставил перед собой задачи оказывать содействие в защите гражданских и национальных прав польского населения Беларуси; поддерживать распространение польского языка, а также обучение на нем; возрождать и развивать польскую национальную культуру в Беларуси; активизировать самосознание польского населения о необходимости участвовать в социально-политической и экономической жизни государства. Действуя в данном направлении, СПБ в первой половине 1990-х гг. добивался строительства на государственные средства школ с польским языком обучения в микрорайоне «Вишневец» г. Гродно на 650 мест, Бресте – на 300 мест и в Новогрудке – на 200 мест, включения Домов польских в сеть государственных учреждений культуры с решением вопроса о финансировании их деятельности.

В результате членам СПБ удалось добиться того, что польский язык в 1991–1994 гг. изучали в 316 белорусских школах, в которых он имел статус факультативного предмета или изучался самостоятельно в кружках, профильных классах, а также было получено разрешение на строительство нескольких польскоязычных учреждений. Так, СПБ неоднократно ставил вопрос об открытии польскоязычных школ перед Председателем Совета Министров В.Ф. Кебичем, министром образования В.А. Гайсенком. В результате была достигнута договоренность о строительстве двух школ в Гродно и Волковыске за счет «Союза поляков на Беларуси» (финансировала строительство польская организация «Wspolnota Polska»), а также о выделении средств из республиканского бюджета на строительство второй школы в Гродно².

При содействии общества в Гродненском университете имени Я. Купалы в 1989/1990 учебном году на базе филологического факультета было открыто отделение польского языка и литературы, началась подготовка учителей польского языка для начальных классов, в том числе в Гродненском музыкально-педагогическом училище, Волковыском педагогическом училище. Члены общества также добивались от местных органов власти разрешения на издание польскоязычной газеты и предлагали часть материалов областной газеты «Гродненская правда» публиковать на польском языке. Результатом их

¹ Катько Н. Коллективные права меньшинств // Белорусский журнал междунар. права и междунар. отношений. 2003. № 4. С. 4.

² Бурык А. А. Забеспячэнне культурных патрабаванняў польскай нацыянальнай меншасці Беларусі ў першай палове 1990-х гг. // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные науки. 2012. № 6. С. 12.

стараний стало издание 3 декабря 1989 г. сигнального номера газеты «Głos znad Niemna». Начиная с ноября 1990 г. газета стала выходить регулярно, и была зарегистрирована 20 сентября этого же года в Государственном комитете БССР по печати как печатный орган Культурно-просветительского общества. На протяжении 1990–1991 гг. газета выходила ежемесячно, а с января 1992 г. – раз в две недели, затем еженедельно, и с 1996 г. на 75 % финансировалась из республиканского бюджета. В 1992 г. стал издаваться журнал «Magazyn polski», первым редактором которого являлся Е. Скробецкий. Выходило издание раз в квартал, объем составлял от 80 до 104 страниц и классифицировался как научно-общественный и культурно-исторический журнал¹.

Были со стороны общества попытки добиться разрешения на трансляцию польскоязычных телепрограмм. Итогом стало появление в программе гродненского регионального телевидения с 31 января 1990 г. телепередачи под названием «Nad Niemnem». Передача транслировалась каждую неделю, но длилась всего лишь 15 – 20 минут (ведущая программы И. Валус). СПБ неоднократно предлагал увеличить эфирное время программ на польском языке и обеспечить трансляцию польского телевидения не только в западной части Беларуси, но и на остальной территории. Предлагалось осуществить это через Сморгонскую радиотелевизионную станцию. В результате комитет по телевидению и радиовещанию в 1992 г. пошел на встречу и удовлетворил некоторые требования СПБ, увеличив эфирное время передач до 45 минут в неделю, а время выхода программы перенесено было на субботу².

При СПБ действуют различные артистические объединения: «Союз польских художников на Беларуси» (1992 г.), «Союз польских поэтов», «Союз народных артистов». Белорусские власти заняли нейтральную позицию по вопросу функционирования польских организаций, тем более что Католическая Церковь Беларуси положительно отнеслась к использованию белорусского языка во время литургии, польское население Беларуси поддерживало внешнеполитический курс независимого белорусского государства. «Союз поляков на Беларуси» был освобожден от ввозных пошлин и налогов на финансовые средства, полученные организацией для проведения культурно-просветительской деятельности по возрождению польского языка и культуры, а также от выплаты налогов на недвижимость³.

Немаловажным фактором приобщения к национальной культуре является чтение книг на польском языке. Большое значение имела организация польской библиотеки при обществе в 1992 г. (г. Гродно). Польская библиотека входит в состав гродненской центральной библиотечной системы, а ее фонд составлял свыше 8 тыс. книг. В целом в фондах библиотек всей Гродненской области насчитывалось более 25 тыс. книг на польском языке. Городская библиотека № 10 г. Минска сотрудничала с польским обществом «Полония», которое представляло ей польскоязычную литературу, а в библиотеках некото-

¹ Bursztyńska H. Polonistyka uniwersytecka / H. Bursztyńska // Głos znad Niemna. 1993. Nr. 11(45). 15-21 marca. S. 1-2.

² Gobrynin M. Język polski na Białorusi / M. Gobrynin // Głos znad Niemna. 1992. Nr. 7(1). 15-30 kwietnia. S. 3.

³ Dubikowski A. Polakom na Białorusi słowo polskie / A. Dubikowski // Głos znad Niemna. 1999. Nr. 47(394). 26 listopada. S. 3.

⁴ Бурык А. А. Забеспячэнне культурных патрабаванняў польскай нацыянальнай меншасці Беларусі ў першай палове 1990-х гг. // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные науки. 2012. № 6. С. 12 – 13.

рых районов Витебской области при помощи СПБ были организованы «уголки польской литературы»¹.

Таким образом, польское меньшинство Беларуси имеет право свободно пользоваться своим родным языком (польским) в личной и общественной жизни: правда в последней реже всего. Польское меньшинство Беларуси также имеет право создавать и поддерживать свои собственные образовательные, культурные и религиозные учреждения и организации (Союз поляков на Беларуси, Польска Матеж Школьна, Полония, Польский клуб), которые могут искать добровольную финансовую и другую помощь. В перечень прав польского меньшинства входит и право исповедовать свою религию, в том числе приобретать, обладать и использовать религиозные материалы и осуществлять религиозную деятельность в области образования на польском языке; распространять информацию, иметь доступ к ней и обмениваться информацией на своем родном языке.

Анализируя более подробно коллективные права польского меньшинства в Беларуси, необходимо обратить внимание на тот факт, что со стороны национальной общности были попытки участия в политической жизни Беларуси, в частности создание польской политической партии «Польский демократический союз» (ПДС). 2 октября 1993 г. в Минске состоялся учредительный съезд партии. В январе 1994 г. ПДС был зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Беларусь. Программа партии включала защиту интересов польского населения Беларуси, развитие польского языка с помощью политических средств, прежде всего через участие в выборах в органы местного самоуправления, Верховный Совет. Члены партии также намеревались популяризировать польско-белорусские исторические, национальные, межгосударственные связи, идею политики добрососедства, основанной на дружбе и сотрудничестве Беларуси с Польшей, общих интересах проживающих на их территориях национальных меньшинств. В программе также нашли отражение экономические вопросы: проведение экономических реформ, стабилизация финансовой системы, развитие концепции «социальной приватизации», борьба с коррупцией. Предусматривалось сотрудничество ПДС на принципах партнерства с СПБ, а также поддержка его деятельности политическими средствами, налаживание взаимоотношений с организациями других национальных меньшинств Беларуси, создание атмосферы межнационального согласия².

Первоначально лидером ПДС был Э. Э. Охрем, бизнесмен и основатель Белорусского коммерческого университета управления, затем в 1994 г. функции председателя партии исполнял К. Тарасевич. Партия насчитывала 600 членов, сгруппированных в 4 отделениях ПДС, расположенных в Гродно, Лиде, Минске, Несвиже. Наиболее активным из всех отделений было Гродненское областное отделение ПДС, возглавляемое С. Закевским. Гродненское отделение насчитывало половину членов всей партии, а также большая часть членов ПДС входила в состав Гродненского городского отделения ПДС,

¹ Макрушич Е. Государственная политика в сфере этнокультурного развития польской национальной общности в Беларуси (90-е гг. XX – начало XXI в.) / Е. Макрушич // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności: матэрыялы XV міжнар. навук. канф., Гродна, 13–14 лістап. 2008 г. / Рэдкал.: І. Крэнь, І. Папоў, Я. Роўба [і інш.]. Гродна: ГрДУ, 2009. С. 287.

² Макрушич Е. Государственная политика в сфере этнокультурного развития польской национальной общности в Беларуси (90-е гг. XX – начало XXI в.) / Е. Макрушич // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności: матэрыялы XV міжнар. навук. канф., Гродна, 13–14 лістап. 2008 г. / Рэдкал.: І. Крэнь, І. Папоў, Я. Роўба [і інш.]. Гродна: ГрДУ, 2009. С. 2; Deklaracja Polskiego Zjednoczenia Demokratycznego // Głos z nad Niemna. 1994. Nr. 5(91). 7-13 luty. S. 1.

руководил которым К. Конкол. Региональное отделение ПДС в г. Лиде возникло в марте 1994 г. и руководил им В. Станевич, общественный деятель Товарищества польской культуры Лидской земли¹. Несмотря на все предпринимаемые лидерами ПДС попытки активного участия в политической жизни Беларуси, партия существенной роли не сыграла. После принятия Закона Республики Беларусь от 5 октября 1994 г. № 3266-ХІІ «О политических партиях» активистам «Польского демократического союза» не удалось зарегистрировать партию, т.к. для ее деятельности необходимо было не менее 1000 членов от большинства областей Республики Беларусь и г. Минска, и поэтому она исчезла с белорусской политической сцены. Тем не менее, данный факт свидетельствовал о том, что на польское меньшинство Беларуси распространялось право создавать организации и партии в пределах страны.

Все выше сказанное является свидетельством того, что белорусские власти во многом содействовали тому, чтобы польское национальное меньшинство Беларуси занималось возрождением польской культуры и изучением национального языка, осуществляло религиозную, благотворительную и попечительскую деятельность.

Следует отметить, что некоторые национальные интересы и потребности лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, могут удовлетворяться при реализации индивидуальных прав личности. Среди них право обучаться в школе на родном языке, обращаться на нем в государственные органы, учреждения и организации, пользоваться достижениями национальной культуры, заниматься традиционными промыслами и ремеслами, право на защиту национального достоинства, устанавливать и поддерживать беспрепятственно контакты между собой. Так, например, особенно активными были образовательные контакты в рамках программы «Беларусь – Польша» в Гродненской области. В учреждениях образования области и города, например ГУО «Лицей № 1 г. Гродно» были открыты группы по изучению польского языка, осуществлялись поездки в Польшу с целью установления языковых контактов (2003 г.). Разрабатывались совместные полипредметные исследовательские проекты, учащиеся принимали участие в Международной олимпиаде по польскому языку в Варшаве и занимали призовые места (2005 г.), заключены договора о партнерском сотрудничестве. Например, во время пребывания делегации городской организации Белорусского профсоюза работников образования и науки (2005 г.) в Республике Польша был подписан договор о партнерском сотрудничестве лица № 1 г. Гродно и лица № 13 г. Гдыни².

Вместе с тем ряд проблем национальные меньшинства могут решить только совместными усилиями, реализуя коллективные права: сохранять этническую самобытность, развивать культуру и родной язык, создавать национально-культурные административно-территориальные единицы (районы, поселки, сельские населенные пункты). В то же время коллективные права меньшинств не могут превалировать над индивидуальными правами, и реализуясь вместе с другими, они должны отвечать интересам индивидов. Так, каждый должен иметь право самостоятельно решать, к какой ему принадлежать общности, отождествлять себя с большинством или меньшинством, иными словами, принадлежность к той или иной общности базируется на личном решении индивида. Например,

¹ Ratajczak L. Polacy mają własną partię / L. Ratajczak // Głos znad Niemna. 1993. Nr. 43(77). 25–31 października. S. 21.

² Z życia Polaków na Białorusi. Mamy własną partię // Magazyn Polski. 1994. Nr. 1–2 (7–8). S. 332.

согласно количественным показателям 1999 г. из 395 712 поляков, проживающих на территории Беларуси, 16,5 % (или 65 455 человек) считали родным языком польский.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что концепция коллективных прав меньшинств не нашла должного закрепления в международных документах. Так, в Декларации 1992 г. о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, употребляется формулировка не «права меньшинств», а «права лиц, принадлежащих к меньшинствам». Это позволяет сделать вывод о том, что коллективные права не всегда признаются, т.к. они могут способствовать обособлению в обществе отдельных групп по национальным и другим признакам, что приводит к политической дестабилизации. Например, 9 ноября 2000 г. в Польше был принят Закон о репатриантах, предусматривавший возвращение поляков, репрессированных и высланных в азиатские республики СССР. Польское меньшинство Беларуси приняло с разочарованием, даже с негодованием, Закон о репатриантах. Проживающие на территории Беларуси поляки знали о готовящемся проекте закона, а также о предложенных Сенатом поправках, согласно которым статьи закона распространялись и на польское меньшинство в Беларуси. Некоторые из председателей польских общественных организаций в Беларуси заверили своих соотечественников, что благодаря подготовке данного закона они смогут вернуться на территорию Польши. Призывали их также отдать своих детей обучаться в польские школы, т.к. это окажет влияние на процесс их возвращения в Польшу. Принятый Закон о репатриантах, но без поправок Сената, польское меньшинство Беларуси восприняло как предательство их интересов. Очень широко комментировалось выступление на форуме Сейма посла Р. Чарнецкого, который разделил польское меньшинство бывших республик СССР на две группы. К первой группе относились лица польского происхождения, которые подлежали репатриации, а ко второй лица, которые и дальше должны проживать на территории других государств и тем самым засвидетельствовать польскость этих территорий.

Ко второй группе как раз и отнесли польское меньшинство Беларуси. Представители польского меньшинства обратили внимание на то, что среди поляков Беларуси национальное самосознание выше, знание польского языка и польских традиций глубже, чем среди польского населения азиатских республик СССР, но это никак не повлияло на возможность их возвращения в Польшу. В это время распространение получил тезис о том, что Польша рассматривает проживающих на территории Беларуси поляков исключительно с практической пользой, т.к. желает их использовать в «дипломатических играх»¹.

Таким образом, целью правовой защиты меньшинств является защита этнической и культурной самобытности меньшинств как группы, коллектива. Соответственно, признание прав меньшинств и их защита должны носить коллективный характер. Только определенная группа, которой присущ комплекс этнических, религиозных, языковых признаков, составляющих содержание ее идентичности, может обладать правом на самобытность. Без признания коллективных прав на возможность иметь свою собственную культуру, самосознание, язык, культуру, религию не может быть речи об эффективной защите меньшинств. Именно государство может и должно обеспечить коллективные экономические, социальные и культурные права меньшинств.

¹ Ильина Т. Образовательные контакты в рамках программы «Беларусь–Польша» / Т. Ильина // Шлях да ўзаємнасці = Droga ku wzajemności: матеріялы XIV міжнар. наук. канф., Гродна, 26-27 кастр. 2006 г. / пад рэд. С. Мусіенкі, І. Крэня. Гродна: ГрДУ, 2007. S. 623.

Следовательно, на современном этапе наиболее важным является выявление и установление оптимальных форм соотношения коллективных и индивидуальных прав, их гармоничного взаимодействия, а также закрепление в принимаемых новых международных документах не только права отдельных лиц, принадлежащих к меньшинству, но и права самих национальных общностей, нуждающихся в правовых средствах их защиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Катько Н. Коллективные права меньшинств // Белорусский журнал междунар. права и междунар. отношений. 2003. № 4. С. 3–7.

БурыкА. А. Забеспячэнне культурных патрабаванняў польскай нацыянальнай меншасці Беларусі ў першай палове 1990-х гг. // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные науки. 2012. № 6. С. 11–15.

Bursztyńska, H. Polonistyka uniwersytecka // Głos znad Niemna. 1993. Nr. 11(45). 15-21 marca. S. 1–2.

Gobrynin, M. Język polski na Białorusi / M. Go

brynin // Głos znad Niemna. 1992. Nr. 7(1). 15–30 kwietnia. S. 3.

Dubikowski, A. Polakom na Białorusi słowo polskie / A. Dubikowski // Głos znad Niemna. 1999. Nr. 47(394). 26 listopada. S. 3.

Макрушич Е. Государственная политика в сфере этнокультурного развития польской национальной общности в Беларуси (90-е гг. XX – начало XXI в.) / Е. Макрушич // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności: матэрыялы XV міжнар. навук. канф., Гродна, 13–14 лістап. 2008 г. / Рэдкал.: І. Крэнь, І. Папоў, Я. Роўба [і інш.]. Гродна: ГрДУ, 2009. С. 286–288.

Deklaracja Polskiego Zjednoczenia Demokratycznego // Głos znad Niemna. 1994. Nr. 5(91). 7–13 luty. S. 2–3.

Ratajczak, L. Polacy mają własną partię // Głos znad Niemna. 1993. Nr. 43(77). 25–31 października. S. 1.

Z życia Polaków na Białorusi. Mamy własną partię // Magazyn Polski. 1994. Nr. 1–2(7–8). S. 21.

Ильина Т. Образовательные контакты в рамках программы «Беларусь – Польша» // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności: матэрыялы XIV міжнар. навук. канф., Гродна, 26–27 кастр. 2006 г. / Пад рэд. С. Мусіенкі, І. Крэня. Гродна: ГрДУ, 2007. С. 331–332.

Kakareko K. Współczesne stosunki polsko-białoruskie 1991–2011 (w perspektywie opinii publicznej i warstwie normatywnej) .Poznań: W-wo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2013. 991 s.

УДК 316.347

Омельченко Дарья Алексеевна

канд. социол. наук, доцент Алтайского государственного университета
г. Барнаул, Россия
E-mail: daria.omelchenko@mail.ru

Максимова Светлана Геннадьевна

д-р. социол. наук, профессор Алтайского государственного университета
г. Барнаул, Россия
E-mail: svet-maximova@yandex.ru

Ноянзина Оксана Евгеньевна

канд. социол. наук, доцент Алтайского государственного университета
г. Барнаул, Россия
E-mail: noe@list.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АВТОНОМИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК*

Аннотация. В статье представлены результаты экспертного опроса, проведенного среди руководителей национально-культурных автономий, действующих в Алтайском крае. В фокусе исследования находились институциональные условия, опосредующие взаимодействия этнических сообществ и определяющие эффективность деятельности представляющих их интересы общественных объединений, включая реализацию их коллективных прав. Результаты свидетельствуют о существующих в регионе благоприятных межнациональных отношениях и высоком уровне доверия этнических групп к деятельности национально-культурных организаций. Между тем, оценка деятельности региональных властей является неоднозначной. С одной стороны, эксперты фиксируют определенные положительные изменения в ходе реализации мер, заложенных доктриной национальной политики, с другой – деятельность властей не всегда отличается открытостью и прозрачностью, что затрудняет осуществление общественного контроля и сказывается на объективности получаемых экспертных оценок.

Ключевые слова: коллективные права, институциональные условия, этнические сообщества, национально-культурные автономии, государственная национальная политика.

* Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-46-220967 «Межнациональные отношения как ресурс социальной интеграции диаспорных и земляческих групп в региональном социуме».

Omelchenko Daria A.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: daria.omelchenko@mail.ru

Maximova Svetlana G.

Doctor of Sociological Sciences, Professor Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: svet-maximova@yandex.ru

Noyanzina Oksana Ye.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: noe@list.ru

INSTITUTIONAL PREREQUISITES FOR THE REALIZATION OF COLLECTIVE RIGHTS OF NATIONAL-CULTURAL AUTONOMIES, FUNCTIONING IN THE ALTAI KRAI: EXPERT ASSESSMENTS

Abstract. The article presents the results of an expert survey conducted among the leaders of national cultural autonomies operating in the Altai Territory. The focus of the study was on institutional conditions that mediate the interactions of ethnic communities and determine the effectiveness of the activities of public associations representing their interests, including the realization of their collective rights. The results attest to the favorable interethnic relations existing in the region and the high level of confidence of ethnic groups in the activity of national cultural organizations. Meanwhile, the assessment of the activities of the regional authorities is ambiguous. On the one hand, experts note certain positive changes in the implementation of the measures laid down by the doctrine of the national policy, on the other hand, the activities of the authorities are not always transparent and open, which makes it difficult to implement public control and affects the objectivity of the expert evaluations.

Keywords: Collective rights, institutional conditions, ethnic communities, national-cultural autonomies, state national policy.

Развитие современных научных представлений о правах человека эволюционировало от признания личных и политических прав, впервые провозглашенных Великой Французской революцией, к принятию социально-экономических и культурных прав и, наконец, к появлению прав так называемого «третьего поколения», коллективных прав, основополагающими среди которых являются право на мир, разоружение, развитие, общее культурное наследие человечества, гуманитарную помощь и др. (Глухарева, 2004¹; Глушкова, 2010²). Несмотря на длительный опыт применения в общественном, научном и правовом дискурсе, концепция коллективных прав является дискуссионной и не принимается безоговорочно всеми обществоведами и правоведами, как в силу неоднозначной трактовки самого понятия, так и в силу неопределенной правосубъектности коллектив-

¹ Глухарева Л. И. Понятие прав человека: теоретико-правовое и социогуманитарное определение // Представительная власть – XXI век. 2004. № 4. С.17–21.

² Глушкова С. И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма // Полис. Политические исследования. 2010. № 6. С. 131–140.

ных общностей, к которым это понятие применяется, в особенности таких, как народы, этнические сообщества и нации (Гарчева, 2016¹).

Изучение содержания, правовых механизмов и возможностей реализации коллективных права этнических общностей стремительно актуализировалось в эпоху глобализации и огромного влияния международной миграции на социально-экономические, политические и культурные процессы. Ученые, выступающие за имплементацию и развитие данной концепции, отмечают, что признание и институциональное закрепление коллективных прав этнических групп является необходимым условием предотвращения дискриминации этнонациональных меньшинств, их сохранения и защиты как специфических этнокультурных общностей. Права этнических сообществ выступают ключевым компонентом этнонациональной политики, их реализация позволяет государству эффективнее регулировать межэтнические связи и отношения, формировать позитивную этническую идентичность граждан и создавать условия для ее мирного, культурного выражения, обеспечивать легитимность отношений между государствами и населяющими их народами (Блищенко, Абашидзе, 1992²; Напсо, 2009³, 2012⁴). Противники и критики идеи этногрупповых прав в своей аргументации указывают на отсутствие необходимости в выделении особых прав этнических общностей, опасность подрыва основ социальной интеграции и мирных взаимоотношений различных национальностей в рамках единой гражданской нации, а также на достаточность демократических механизмов и возможностей решения проблем этнических групп на основе прав человека и индивидуальных прав личности (Южанин, 2011⁵). Признавая наличие определенных противоречий и проблем, связанных с урегулированием правоотношений, возникающих в ходе применения коллективных прав этнических сообществ, необходимость достижения баланса между удовлетворением индивидуальных, групповых и коллективных прав, недопустимость ущемления одних прав этнических групп за счет реализации других, мы считаем, что исследование концепции коллективных прав безусловно актуально и обладает высокой практической и научной значимостью уже в силу своей незавершенности и остроты резонанса дискуссии, а также потенциала улучшения этносоциальных отношений на основе планомерного развития и реализации ее основных принципов и положений.

Важными субъектами гражданского общества, осуществляющими посредничество между государством и этническими обществами и выполняющими функции по представительству интересов и контролю за реализацией коллективных прав последних, являются национально-культурные объединения. Будучи по законодательству наделенными значительными правами и обязанностями по сохранению самобытности, развитию языка,

¹ Гарчева Л. П. Категория коллективных прав как прав третьего поколения в зарубежных и российских исследованиях // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. № 1. С. 24–30.

² Блищенко И., Абашидзе А. Права национальных меньшинств в свете мирового опыта // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 121–130.

³ Напсо М. Б. Права народов и права человека: к вопросу о правомерности конституционного закрепления коллективных и индивидуальных этнических прав // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 10. С. 10–13.

⁴ Напсо М. Б., Напсо М. Д. Права народов и права индивида: социально-философские и правовые аспекты соотношения индивидуальных и коллективных прав // Право и политика. 2012. № 11. С. 1907–1917.

⁵ Южанин М. А. «Коллективные права» этнических общностей: анализ социально-правовой концепции // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2011. № 7. С. 105–110.

образования, национальной культуры, укреплению единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействию межрелигиозному диалогу, а также осуществлению деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов (Закон о национально-культурной автономии, 2014¹), национально-культурные автономии (НКА) выступают не просто формой национально-культурного самоопределения граждан, местом для выражения и развития их национальной, этнической идентичности. Фактически, в настоящее время, национально-культурные автономии являются носителями инноваций в области национальной политики, основными реципиентами большинства государственных программ в области межнациональных отношений, именно на них ложится значительная часть ответственности по обеспечению гармоничных и конструктивных межэтнических взаимосвязей, сдерживанию и профилактике межэтнических конфликтов, установлению межрегиональных сетевых взаимодействий между этнокультурными объединениями.

Право на участие в деятельности НКА и получение государственной поддержки со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления является одновременно индивидуальным и коллективным, поскольку в процессе их создания и юридической регистрации могут участвовать как отдельные лица, относящие себя к определенной этнической общности, так и зарегистрированные общественные объединения этнокультурной направленности, действующие на территории соответствующего муниципального образования. Однако, очевидно, что в качестве индивидуального права оно не может быть реализовано в «чистом виде», поскольку обязательно предполагает кооперацию лиц, имеющих сходное самосознание и идентификацию, стремление сохранить свою этническую, культурную и лингвистическую уникальность. Таким образом право на НКА являет собой скорее коллективное измерение индивидуальных прав, причем таких прав, которые могут быть получены только на основе принадлежности к определенной группе.

Кроме того, национально-культурные автономии отличаются от других организаций третьего сектора не только спецификой своей деятельности, связанной с сохранением и поддержанием социальных связей, социальной интеграцией и развитием культур различных национальностей, проживающих на одной территории, но и институциональными условиями, в которых происходит их функционирование. К таким условиям следует прежде всего отнести актуальное состояние межнациональных отношений, распространенность предубеждений и негативных этнических стереотипов, уровень доверия и установки населения по отношению к деятельности этнических диаспор и национально-культурных организаций, уровень солидарности и готовности населения участвовать в общественных инициативах, реализуемых в данных организациях, связанных с отдельными национальностями и их самоопределением. Немаловажную роль в эффективном функционировании национально-культурных некоммерческих организаций и формировании их имиджа играет и то, какую стратегию в отношении национально-культурных объединений разделяют органы власти, предоставляя национально-культурным объединениям определенное поле политических возможностей (в смысле, в котором данный термин трактуется в работах Ч. Тилли², Д. МакАдама, М. Диани¹, С. Тэрроу² и др. уче-

¹ Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ в ред. от 04.11.2014 «О национально-культурной автономии». URL: <http://base.garant.ru/135765/> (дата обращения: 03.07.2017).

² Tilly C., Wood L.J. Social Movements 1768–2012. Routledge, 2015. 204 p.

ных, разделяющих идеи парадигмы коллективного действия) для реализации коллективных действий. Таким образом, деятельность национально-культурных организаций и ее результативность, в том числе в виде социального капитала, формируемого на основе разделяемых норм, социальных сетей и доверия (Coleman 19883; Putnam 19934; Fukuyama 19955; Taylor 19966), опосредуется разноуровневыми условиями (как макро- так и микро-уровня), имеющими ярко выраженный этнический характер. Изучение указанных институциональных условий представляет не только научный, но и практический интерес с позиции управления этническими процессами, совершенствования правовых и законодательных основ реализации коллективных прав национальностей.

Эмпирическое исследование институциональных условий, определяющих специфику социальных отношений между различными этническими группами, проживающими на территории Алтайского края, эффективность деятельности представляющих их интересы общественных объединений было проведено в 2017 г. на основе 20 экспертных интервью с руководителями национально-культурных общественных организаций татар, белорусов, армян, казахов, кумандинцев, немцев, азербайджанцев, литовцев, кыргызов, украинцев, поляков, осуществляющих свою деятельность в городах и сельских районах региона в рамках социологического исследования ресурсов социальной интеграции диаспорных и земляческих групп в региональном социуме. Эксперты оценивали выраженность институциональных условий по восемнадцати показателям (использовалась десятибалльная шкала). Первичные оценки были проанализированы с помощью мер описательной статистики, для удобства представления результатов в ряде случаев исходные данные были объединены в группы высоких (8–10 баллов), средних (4–7 баллов) и низких (1–3 балла) оценок. Взаимосвязь оценок по показателям измерялась с помощью линейных корреляций (r Пирсона).

Характеристика межнациональных отношений в регионе оценивалась экспертами на основе показателей оценки вероятности столкновений на национальной почве, уровня напряженности в межнациональных отношениях, выраженности стремления людей объединяться для защиты национальных интересов и осознания необходимости в сохранении и развитии культуры и традиций представителей разных национальностей.

Напряженность в межнациональных отношениях и вероятность столкновений на национальной почве были оценены большинством экспертов как слабовыраженные и маловероятные (только один эксперт поставил высокие оценки по данным показателям, средние значения составили 2,59 балла по первому и 2,95 балла по второму показателю). Медианные значения (2,5 и 3,0 балла) и малые значения 75 % квартиля (4,0 и 4,75 баллов) также свидетельствовали о том, что в экспертном сообществе существует убеждение относительно мирного и бесконфликтного характера межнациональных отношений в Ал-

¹ Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action (Comparative Politics) / M. Diani, D. MacAdam (Eds.) Oxford University Press, 2003. 350 p.

² Tarrow S. Contentious politics. Blackwell Publishing Ltd, 2013. 224 p.

³ Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital / J.S. Coleman // American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94, Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. Pp. S95–S120.

⁴ Putnam R. D. The prosperous community // The American prospect. 1993. T. 4. № 13. С. 35–42.

⁵ Fukuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. Free Press Paperbacks, 1995. 458 p.

⁶ Taylor M. Good government: On hierarchy, social capital, and the limitations of rational choice theory // Journal of Political Philosophy. 1996. Vol. 4. № 1. С. 1–28.

тайском крае. Корреляционный анализ показал высокую согласованность оценок экспертов по данным показателям ($r=0,68$, $p<0,05$).

Оценивая ассоциационные стремления граждан, эксперты не выразили единодушия, спектр оценок включал как низкие (минимум 3 балла), так и высокие значения (максимальное значение – 9 баллов). Среднее значение составило $6,15\pm0,41$ баллов, медиана – 6 баллов. Бимодальный характер распределения указывал на существование по минимуму двух групп экспертов, одна из которых склонна давать более низкие оценки (пик которых приходится примерно на 5,0 баллов), тогда как другая группа оценивает стремления граждан к объединению очень высоко, в среднем на 8,0 баллов. Между тем, несмотря на двойственный характер оценок экспертов по данному показателю, оценки в целом были высокими: не более 20% экспертов оценили его выраженность менее чем в 4 балла. Учитывая существующий высокий уровень согласия в межнациональных отношениях и незначительные проявления негативных тенденций, большинство экспертов дали высокие оценки необходимости сохранения и развития культур различных национальностей: среднее значение по данному показателю составило $8,0\pm0,53$ балла, медиана – 9 баллов, модальное значение – 10 баллов (более трети экспертов поставили самую высокую оценку по данному показателю).

Данные экспертного опроса показали, что национально-культурные автономии функционируют в достаточно комфортных социально-психологических условиях и испытывают доброжелательное отношение со стороны населения. Население, в целом, не испытывает негативных чувств к представителям этнических диаспор и в значительной степени доверяет деятельности национально-культурных общественных организаций: около половины опрошенных экспертов дали средние оценки уровню доверия, оказываемого населением деятельности национально-культурных автономий на среднем уровне, 43,8 % опрошенных определили уровень доверия как высокий, низкие значения отметили только 6,3 % экспертов. В отличие от некоммерческих общественных организаций этнокультурной направленности, отношение к деятельности этнических диаспор со стороны населения более настороженное. Менее половины экспертов дали средние оценки уровню доверия к деятельности этнических диаспор (47 %), что свидетельствовало о значительной поляризации экспертных мнений. Между тем, превышение доли высоких оценок (31 %) над низкими (22 %), означало отсутствие серьезных проблем недоверия и противостояния населения и диаспоральных групп. Учитывая, что между двумя показателями доверия была значительная корреляционная взаимосвязь ($r=0,77$, $p<0,05$), деятельность диаспор и национально-культурных организаций воспринималась экспертами как взаимосвязанная и взаимообусловленная.

Вопросы межнационального согласия, уважительного отношения между всеми этническими группами, проживающими на территории России, согласования их подчас противоречащих друг другу интересов всегда входили в число значимых приоритетов внутренней политики российского государства, ассоциируемых с национальной целостностью и безопасностью. Индикативную роль в эволюции механизмов управления межнациональными отношениями в России играет восстановление в 2015 г. федерального органа исполнительной власти, специализирующегося на реализации государственной национальной политики, разработке и внедрению целевых программ в области межнациональных отношений – Федерального агентства по делам национальностей (до 2015 г. вопросы межэтнических и межконфессиональных связей принадлежали к компетенции Министерства регионального развития Российской Федерации).

Логическим продолжением обозначенных Президентом в Стратегии государственной национальной политики до 2025 года ценностей и приоритетов стало принятие в 2016 г. Государственной программы «Реализация государственной национальной политики», в Алтайском крае утверждена программа «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае» на 2017–2021 г., ставшая важной вехой и результатом совместной деятельности власти и институтов гражданского общества по обеспечению координации национальной политики, выработке региональной стратегии этнокультурного развития. В этой связи в исследовании было важно проанализировать, как национально-культурные автономии, функционирующие в Алтайском крае, оценивают деятельность региональных властей по управлению межнациональными отношениями, реализации приоритетов и направлений государственной национальной политики, заложенных в ключевых нормативных правовых документах в данной области.

По данным проведенного опроса, эксперты в целом затруднялись дать определенные оценки деятельности власти по реализации национальной политики, ставя по преимуществу отметки в рамках среднего диапазона (от четырех до семи баллов). Между тем, судя по преобладанию долей высоких оценок над низкими, эксперты отмечали успехи органов власти в бескомпромиссном отстаивании интересов всех жителей независимо от их национальности и вероисповедания (32 % суммарных высоких оценок и 11 % низких оценок), работе по реализации Стратегии государственной национальной политики (30% суммарных высоких оценок и 25 % низких оценок), ведению публичного диалога с этническими диаспорами и национальными меньшинствами при принятии значимых решений (17% высоких оценок и 11% – низких оценок). Эффективность реализации Указа Президента об обеспечении межнационального согласия № 602 от 7 мая 2012 года, так же, как и усилия по справедливому распределению должностей и различных благ для любых национальностей были оценены экспертами на среднем уровне (доли высоких и низких оценок были сбалансированными). Примечательно, что по показателю успешности решения региональной администрацией возникающих конфликтов в сфере межнациональных отношений эксперты дали только средние (58% ответов) и высокие (42%) оценки, что свидетельствует о значимости, которую придают эксперты данному направлению и о высокой оценке усилий, предпринимаемых региональными властями для снижения уровня конфликтности в межнациональной сфере.

В отличие от общих показателей реализации национальной политики, работа органов власти по конкретным направлениям была оценена экспертами как более эффективная. Так, 43 % экспертов дали высокие оценки по показателю поддержки коренных малочисленных народов, 42 % – отметили высокий уровень оказываемой поддержки развития культуры и традиций представителей разных национальностей, 40 % – указали на поддержку национально-культурных общественных объединений. В целом, около 40 % опрошенных представителей национально-культурных общественных организаций отметили, что в регионе сформирована эффективная система управления реализацией национальной политики (низкие оценки по данному показателю дали всего 6 % экспертов). Судя по преобладанию нейтральных оценок, у экспертов были затруднения в ходе оценки показателей, касающихся поддержки конфессий и религиозных организаций (29 % высоких оценок и 65 % суммарных оценок средней выраженности), а также оценки контролируемых действий властей за соблюдением законов в области национальной политики (32 % высоких оценок и 58 % низких). В целом, нужно отметить, что опрошенные нацио-

нально-культурные автономии были высоко удовлетворены деятельностью региональных органов исполнительной власти по реализации государственной национальной политики.

Таким образом, согласно полученным в ходе экспертного опроса данным, в Алтайском крае в целом сформированы благоприятные институциональные условия для реализации коллективных прав этнических сообществ, региональными властями предпринимаются видимые усилия по устранению конфликта интересов и удовлетворению этнокультурных потребностей жителей независимо от их национальности и вероисповедания. Между тем, исследование продолжается и его перспективы видятся в разработке проблем позитивной совместимости коллективных прав различных национальных групп в контексте современных межнациональных и международных отношений, изучения удовлетворенности от реализации коллективных прав не только у представителей коренных народов и национальных меньшинств, но и национальностей, не считающихся таковыми, включая доминирующее русское население, изучение роли отдельных диаспорных групп и землячеств в интеграционных и дезинтеграционных процессах, происходящих в регионе и других проблем, сопряженных с коллективными правами этнических сообществ.

Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-46-220967 «Межнациональные отношения как ресурс социальной интеграции диаспорных и земляческих групп в региональном социуме».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ в ред. от 04.11.2014 «О национально-культурной автономии». URL: <http://base.garant.ru/135765/> (дата обращения: 03.07.2017).

Блищенко И., Абашидзе А. Права национальных меньшинств в свете мирового опыта // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 121–130.

Гарчева Л. П. Категория коллективных прав как прав третьего поколения в зарубежных и российских исследованиях // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. № 1. С. 24–30.

Глухарева Л. И. Понятие прав человека: теоретико-правовое и социогуманитарное определение // Представительная власть – XXI век. 2004. № 4. С. 17–21.

Глушкова С. И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма // Полис. Политические исследования. 2010. № 6. С. 131–140.

Долотказина А. А. О понятии «национальные меньшинства» в Российской Федерации // Черные дыры в Российском законодательстве. 2009. №3. С. 19–21.

Дубровин Ю. Д. Проблема правового регулирования и защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации // В мире права. 2000. №2. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1146484> (дата обращения: 03.07.2017).

Напсо М. Б. Права народов и права человека: к вопросу о правомерности конституционного закрепления коллективных и индивидуальных этнических прав // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 10. С. 10–13.

Напсо М. Б., Напсо М. Д. Права народов и права индивида: социально-философские и правовые аспекты соотношения индивидуальных и коллективных // Право и политика. 2012. № 11. С. 1907–1917.

Ожанин М. А. «Коллективные права» этнических общностей: анализ социально-правовой концепции // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2011. № 7. С. 105–110.

Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94, Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. Pp. 95–120.

Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action (Comparative Politics) / M. Diani, D. MacAdam (Eds.) Oxford University Press, 2003. 350 p.

Fukuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. Free Press Paperbacks, 1995. 458 p.

Putnam R. D. The prosperous community // The american prospect. 1993. Vol. 4. N 13. Pp. 35–42.

Tarrow S. Contentious politics. Blackwell Publishing Ltd, 2013. 224 p.

Taylor M. Good government: On hierarchy, social capital, and the limitations of rational choice theory // Journal of Political Philosophy. 1996. Vol. 4. N 1. Pp. 1–28.

Tilly C., Wood L. J. Social Movements 1768–2012. Routledge, 2015. 204 p.

УДК 323.12

Серова Ольга Александровна

д-р юрид. наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Балтийского федерального университета им. И. Канта
г. Калининград, Российская Федерация
E-mail: OlgaSerova@kantiana.ru

Кононенко Дмитрий Борисович

магистрант юридического института
Балтийского федерального университета им. И. Канта
г. Калининград, Россия
E-mail: kdb94@bk.ru

ЦЫГАНЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И РЕАЛИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ

Аннотация. Статья посвящена анализу причин сноса поселков, в которых компактно проживает цыганское население. Несмотря на установление Европейским судом по правам человека нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подавляющее число граждан регионов, где происходит снос цыганских домов, поддерживают действия властей. Усиление антицыганских настроений вызвано особенностями традиционной культуры цыган, криминализацией представителей этого этноса, отсутствием информации о влиянии обычного права цыган на формирование правосознания членов цыганской общины. Обозначена проблема применения понятия «коллективные права» к разрешению гражданско-правовых споров.

Ключевые слова: коллективные права, этнические общности, цыгане, снос самовольных построек, обычное право.

Serova Olga A.

Doctor of Law, professor,
Head of the Department of Civil Law and Procedure
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russian Federation
E-mail: OlgSerova@kantiana.ru

Kononenko Dmitrii B.

Master student of Law Institute
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia
E-mail: kdb94@bk.ru

GYPSES IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF TRADITIONS OF THE ETHNIC GROUP AND THE REALIZATION OF COLLECTIVE RIGHTS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the reasons for the demolition of settlements, in which the Roma population lives compactly. Despite the establishment of the European Court of Human Rights violations of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the overwhelming majority of citizens of the regions where the demolition of Roma houses are supported support the actions of the authorities. The strengthening of anti-Romani sentiments is caused by the peculiarities of the traditional culture of the Roma, the criminalization of representatives of this ethnos, the lack of information about the impact of the customary law of the Roma on the formation of the sense of justice of the members of the Roma community. The problem of application of the concept "collective rights" to the resolution of civil-law disputes is indicated.

Keywords: Collective rights, ethnic communities, gypsies, demolition of unauthorized buildings, customary law.

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСЧП) 11 октября 2016 г. вынес решение по делу «Багдонавичус и др. против России» (№ 19841/06)¹. ЕСЧП было установлено, что произошло нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, где закреплено право на уважение частной и семейной жизни. Заявителями по этому делу выступили 33 представителя рома, бывшие жители поселка Дорожное Гурьевского района Калининградской области. Дома заявителей были снесены в период с декабря 2005 г. по июль 2006 г. на основании решения суда, так как являлись самовольными постройками. Однако основной проблемой, ставшей катализатором данных процессов, следует признать активную наркоторговлю, в которую были вовлечены жители поселка. Дорожное рассматривалось как центр региональной наркоторговли в области. По данным регионального управления Федеральной службы по контролю за незаконным оборотом наркотиков 80 процентов наркопреступлений в Калининградской области совершалось в Дорожном и близлежащих районах. Более 90 процентов жителей поселка состояли на оперативном учете у наркополицейских. Однако задерживались с поличным за сбыт наркотиков чаще всего наркоманы, фактически служившие батраками у местного населения².

¹ Note D'Information 2016. Jurisprudence de la Cour europeenne des droits de l'homme. 2016. Pp. 22–23.

² «Табор против России» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2006/10/27/eurosud.html>. (дата обращения: 24.06.2017).

Уполномоченный по правам человека в Калининградской области Ирина Вершинина в 2006 г. заявляла, что действия властей необходимы, так как они направлены на защиту прав и интересов большинства населения Калининградской области¹. Следует отметить, что подавляющее большинство населения региона, особенно проживающих в городе Калининграде, рядом с поселком Дорожное, полностью поддерживали и поддерживают действия властей. Сам поселок именовался «Табором» и считался героиновым притоном области².

Правозащитные организации, как российские, так и европейские, активно участвовали в данном судебном процессе, представляли интересы заявителей, считая, что произошло нарушение прав и основных свобод человека. Однако оценивая действия местной администрации по сносу поселка необходимо учитывать совокупность социальных, экономических, культурных, исторических и криминологических факторов, повлиявших на выбор способа решения проблемы.

Судебные органы приняли решения о сносе домов, исходя из фактических данных об отсутствии правоустанавливающих документов на постройки. Тем не менее, основной задачей, которую решали власти, было прекращение наркотрафика и распространения наркотиков в регионе. Неэффективность предпринимаемых правоохранительными организациями мер по противодействию наркоторговле объясняется, прежде всего, особенностями уклада жизни, традициями жителей поселка, объединенных по национальному признаку, закрытой социальной структурой данного общества, приверженностью нормам обычного права (не признаваемого правовой системой).

Проблемы сноса поселка Дорожное своими корнями уходят в советское прошлое, к нерешенным вопросам национальных различий и противоречий, реализации норм закона об оседлости вне учета всех факторов, связанных с социализацией цыган в общественную жизнь советского общества. Однако существующая модель развития этнической группы цыган фактически сложилась в дореволюционный период и, как и в настоящее время, отличалась тем, что государственные власти стремились к невмешательству во внутреннюю жизнь этноса, а вынужденная политика интеграции отсутствовала³.

Несмотря на провозглашаемые идеи равенства, верховенства закона, именно эта этническая группа пользовалась в СССР особыми правами. Они фактически занимались предпринимательской деятельностью, не решался вопрос с обязательным трудоустройством, не предпринимались значимые меры по обеспечению права (и реализации этого права как родительской обязанности) цыганских детей на образование, не проводилась профориентационная работа.

В 90-е годы XX века во многих регионах России цыганские кланы стали ассоциироваться с торговлей наркотиками⁴. Учитывая сложившуюся традицию компактного проживания, проблемы с легализацией самовольных построек в целом по всей стране, ситуация в

¹ «Ирина Вершинина: снос домов в Дорожном ведется по закону» / «Уполномоченный по правам человека в Калининградской области» URL: http://ombudsman39.ru/mass_media_publications/irina-vershinina-snos-domov-v-dorozhnom-vedetsya-po-zakonu. (дата обращения: 24.06.2017).

² «В поселке Дорожном близ Калининграда продолжается снос цыганских домов» // Pravda.ru. URL: <https://www.pravda.ru/districts/northwest/kaliningrad/29-05-2006/86061-gipsy-0/>. (дата обращения: 24.06.2017).

³ Мамедов С. Н., Иванова Ж. Б., Молчанов Б. А. Цыганский вопрос в Европе: статус и права цыган // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4. С. 196.

⁴ «Ромалэ сменили гитары на героиновые «чеки» // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://www.narkotiki.ru/5_5923.htm. (дата обращения: 29.06.2017).

Калининградской области может рассматриваться как типичная для многих регионов России. Отличия связаны с относительно небольшой территорией самой Калининградской области, близостью к региональному центру поселка Дорожное, а также значимым объемом наркотрафика именно через этот один поселок в региональном масштабе. После сноса поселка (и ареста лидеров организованной преступной группы) смертность среди наркоманов в Калининградской области значительно снизилась, уровень криминогенной опасности территории, примыкающей к Дорожному, также уменьшился.

Несмотря на все попытки правозащитных организаций связать снос поселка Дорожное с нарушением прав человека в России¹, нельзя не отметить и косвенные причины сложившейся ситуации в традициях и образе жизни данного этноса. Следует согласиться с мнением о том, что «запредельный уровень криминализации цыганского населения России угрожает самому существованию и сохранению данного этноса»². Результаты опроса ВЦИОМ, проведенного в 2016 г. показывают, что в отношении россиян к цыганам продолжают доминировать нейтрально-негативные оценки³. При усилении воздействия негативных факторов, таких как увеличение объема торговли наркотиками, совершении иных правонарушений из-за соседства с компактно проживающими представителями данного этноса, «градус» недоверия и озлобленности существенно повышается, что может привести к самосуду и иным проявлениям агрессии. Повышает недоверие к цыганскому населению и «закрытость» данной группы, убежденность населения иных национальностей, что цыгане не склонны придерживаться российских законов, не стремятся к интеграции в общественную жизнь. По данным опросов, проводимых ВЦИОМ, в 2005–2006 гг. наибольшее число респондентов указало, что раздражение и неприязнь вызывают представители тех народов и наций, которые не хотят считаться с обычаями и нормами поведения, принятыми в России⁴.

Косвенным образом недоверие россиян к цыганам поддерживается профессиональными утверждениями о том, что «анализ соотношения краж из жилища через призму национальной принадлежности лиц, совершивших эти преступления, показал, что большинство краж из жилища в сельской местности совершаются цыганами»⁵. «Подогреваются» негативные настроения и сообщениями об усилении антицыганских настроений в европейских странах.

¹ «ЕСПЧ признал нарушение Европейской конвенции при сносе цыганского поселка в Калининградской области» // Мониторинг новых российских законов и их применение в области гражданских прав. URL: <http://mhg-monitoring.org/espch-priznal-narushenie-evropeyskoy-konvencii-pri-snose-cyganskogo-poselka-v-kaliningradskoy>. (дата обращения: 29.06.2017).

² Гуцалов А. А. Цыгане: традиционная культура и современный мир // Наследие веков. 2015. № 4. С. 45.

³ Пресс-выпуск № 3087 от 07.04.2016 / URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115650>. (дата обращения: 29.06.2017).

⁴ Пресс-выпуск №1498 от 20.05.2010. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13515>. (дата обращения: 29.06.2017).

⁵ Салекин М. С. Следовая картина краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13-1. С. 131. Автор уточняет, что не принимается во внимание кражи, совершаемые русскими, так как они являются доминирующим народом.

Примером может служить дело «Сампани и другие (Sampani and Others) против Греции»¹. Жалоба связана с обучением в подготовительных классах в специально созданной школе исключительно цыганских детей. Дискриминационная практика была связана с различиями в условиях обучения цыганских и местных детей. Муниципальные власти, опасаясь возобновления инцидентов с участием отдельных местных жителей, враждебно настроенных против цыган, не реагировали на обращения директора школы и омбудсмена о необходимости интеграции цыганских учеников в обычные школы и обеспечения программами, приспособленными к их уровню образования и языковым возможностям.

По делу «Йорданова и другие (Yordanova and Others) против Болгарии» рассматривались действия властей по сносу цыганского поселка. Самодельные дома были построены без разрешения. Канализация и водопровод отсутствовали. Не оспаривается, что жилища заявителей не отвечали основным требованиям соответствующих правил строительства и безопасности и не могли быть узаконены без существенной реконструкции². Как и в деле по жалобе о сносе поселка Дорожное, ЕСПЧ усмотрел нарушения ст. 8 Конвенции, так как выселение могло повлиять на образ жизни, социальные и семейные связи и, таким образом, составляло вмешательство в их право на уважение жилища, личной и семейной жизни. Суд указал, что такое вмешательство имело основу в национальном законодательстве и преследовало законные цели обеспечения экономического благополучия страны и защиты здоровья и прав других лиц. Однако не был соблюден принцип пропорциональности, который требует, чтобы ситуации, в которых затронуты целые сообщества, рассматривались другим образом, чем обычные дела о выселении лица из незаконно занятого жилья. Но в российском гражданском праве не существует правил о защите имущественных прав и законных интересов сообществ как группы лиц, связанных родственными и (или) национальными признаками и компактно проживающих в одном месте.

Широко известен факт ликвидации нелегальных лагерей, приоритетно цыганских по этническому составу, который произошел в 2010 г. во Франции³. При проведении этой операции власти особо настаивали на том, чтобы в случае возникновения новых поселений, принимались все возможные меры для противостояния, в связи с чем следует избегать укоренения новых размещений.

Подобные примеры позволяют прийти к следующему выводу. «Если проблемы цыган по всему миру схожи, если реакция на представителей этого этноса во всем мире одинаковая, то следует сделать предварительное допущение о том, что корень проблемы лежит в плоскости этнокультуры и мировоззренческих установок самого народа»⁴. С одной стороны, подобное мнение имеет под собой твердое основание. Даже при оценке проблем, возникающих при привлечении представителей данного этноса к уголовной ответственности, специалисты указывают, что «семейные защитники – адвокаты – как правило, работают только с цыганами, вхожи в общины, имеют доверительные отношения со

¹ Информация о Постановлении ЕСПЧ от 11.12.2012 по делу «Сампани и другие (Sampani and Others) против Греции» (жалоба № 59608/09) / Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 5. Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс».

² Информация о Постановлении ЕСПЧ от 24.04.2012 по делу «Йорданова и другие (Yordanova and Others) против Болгарии» (жалоба № 25446/06) / Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 10. Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс».

³ URL: http://www.lecanardsocial.com/upload/IllustrationsLibres/Circulaire_du_5août_2010.pdf. (дата обращения: 17.05.2017).

⁴ Гуцалов А. А. Указ. соч. С. 49.

старшими»¹. Нередки случаи давления общины на действия полицейских, судебных приставов путем «блокировки» работы зданий и сотрудников соответствующих подразделений. Часто при госпитализации одного из авторитетных представителей цыганской общины остальные граждане могут «наблюдать» размещение фактически целого табора на территории и в помещениях лечебного учреждения. Меры оперативного воздействия в подобных ситуациях, как правило, не применяются или являются неэффективными. Такие поведенческие особенности мало способствует установлению эффективного взаимодействия с правоохранительными и судебными органами. А у местного населения иных национальностей вызывают исключительно негативные оценки. 74% россиян считают, что цыгане игнорируют законы, следуют особым, формальным нормам, принятым внутри данной группы². Однако более верным является утверждение не об игнорировании законов, а о наличии иных правовых норм, которым подчинена данная национальная группа. В российской правовой системе нет места понятию «цыганское право» и «цыганское правосудие», хотя фактически это правовое явление существует³. Не рассматривается оно и с позиции альтернативных форм разрешения конфликтов, хотя в определенном смысле это один из возможных вариантов устранения противоречий между коллективными интересами этнической группы и общественными интересами иного населения. В современной правовой системе коллективные права рассматриваются как юридическое явление лишь в отдельных случаях, например, в трудовом праве. В большинстве ситуаций оценивается поведение и признаются действия конкретных субъектов права, среди которых коллектив, объединенный по национальным признакам, признакам принадлежности к общине, не имеющей легитимации в качестве юридического лица, не имеет право на существование в юридическом смысле.

Отдельные авторы связывают приоритет правового статуса отдельного гражданина (личности) независимо от его национально-этнической, социальной, религиозной или иной принадлежности с приверженностью либеральным идеям⁴, причем оценка дается несколько предвзятая и негативная. Считается, что существование коллективных прав не вызывает каких-либо возражений⁵. Другое мнение связано с категорией коллективных субъектов права. Они рассматриваются применительно к теории права и гражданскому праву в процессе изучения юридического лица⁶. На наш взгляд, в правовой теории, равно как и таких отраслевых науках, как гражданское право, понятие «коллективные права» не разработано. С точки зрения международного права все чаще выделяется понятие «права

¹ Салекин М. С., Крыканов В. Е. Некоторые формы противодействия расследованию краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2. № 2. С. 59.

² Пресс-выпуск №3087 от 07.04.2016 / URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115650> (дата обращения: 29.06.2017).

³ «Цыганский суд» /Федеральная национально-культурная автономия российских цыган. URL: <http://цыганероссии.рф/istoriya-cigan/mifi-i-realnost/ciganskiy-sud-2/>. (дата обращения: 29.06.2017).

⁴ Экзиков М. Х. Взаимосвязь прав человека и коллективных прав меньшинств в международном праве // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т.2 1. № 1. С. 66.

⁵ Гарчева Л. П. Категория коллективных прав как прав третьего поколения в зарубежных и российских исследованиях // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 1(67). С. 28.

⁶ Шахновская И. В. Коллективные субъекты конституционного права как социальные общности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2015. № 14. С. 140.

человека третьего поколения», как прав планетарного масштаба, которые могут быть реализованы через коллективные права народов - носителей таких прав. С позиции этого подхода выделяются и коллективные права представителей конкретной этнонациональной, конфессиональной, культурно-языковой или иной общности, особенно если она составляет меньшинство в общей численности населения конкретной страны¹. Однако на рассматриваемом нами примере ущемления прав цыган при сносе самовольных построек происходит столкновение указанных прав представителей одной национальной группы с законными интересами иных социальных групп. ЕСПЧ при рассмотрении подобных споров указывает на наличие сформированного образа жизни, «тесных и длительных связей с караванами, хижинами и постройками, расположенными на земельном участке, чтобы последние могли считаться их жилищами, независимо от того, являлось ли их присутствие на земле законным с точки зрения законодательства страны»². При этом окружающее население вынужденно в течении многих лет мирится с особенностями чуждого им быта, нарушениями закона, отсутствием эффективных мер противодействия нарушениям закона со стороны правоохранительных органов. Вовлечение цыганских семей в наркоторговлю не просто усилило дисбаланс во взаимоотношениях между представителями цыганского населения и иными гражданами, проживающими на сопредельной территории. Местное население воспринимало действия цыган как прямую угрозу собственной жизни и здоровью, а также как причину разрушения привычного жизненного уклада, связанного с необходимостью принятия дополнительных мер обеспечения безопасности жилища, охраны детей и пр. Возникает ли в данном случае социальная общность, чьи коллективные права требуют признания и защиты? Формально может идти речь лишь о существовании индивидуальных прав, которые могут быть реализованы посредством совместных действий ряда лиц. Но эти права могут быть признаны коллективными только по форме, они не входят в состав прав третьего поколения³.

С одной стороны, нельзя не учитывать менталитет, социально-психологические, культурные и иные особенности представителей малочисленных этносов страны. Большинство перечисленных отличий заключается в том, что представителям таких этносов «без учета коллектива, который стабилизирует человека, а самое главное - «передает» ему новые смыслы, ценности, существующие только в коллективном пространстве, отражение интересов самого человека будет не полным. В том числе, это касается и правовой сферы»⁴. С другой стороны, в условиях многонационального общества РФ, компактного проживания отдельных национальных групп, возникает вопрос о предоставлении и защите коллективных прав для иных коллективов. Следует ли, например, отдельно выделять права русского населения, проживающего на территории Северного Кавказа? Вопрос в большей степени является риторическим, так как в реальной действительности каждая конфликтная ситуация требует своего способа решения.

¹ Эзкеков М. Х. Взаимосвязь прав человека и коллективных прав меньшинств в международном праве // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 21. № 1. С. 66–67.

² Информация о Постановлении ЕСПЧ от 17.10.2013 по делу «Винтерстейн и другие (Winterstein and Others) против Франции» (жалоба № 27013/07) // Доступ справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

³ Гарчева Л. П. Указ. соч. С. 28.

⁴ Тарбастаева И. С. Потенциал социальной философии в определении коллективных прав // Сибирский философский журнал. 2016. Т.14. № 3. С. 263.

Считается, что «в силу сохранившейся у цыган остаточной кастовой психологии они никогда не пытались создать нечто, напоминающее собственную закрытую хозяйственную систему – земледельческую, скотоводческую... Цыгане всегда предлагали свои услуги на «внешнем» рынке»¹. Однако этот вывод игнорирует существование в СССР колхозов, основанных представителями цыганского этноса, занимавшихся, например, коневодством. Кроме того, исследователи утверждают, что «в структуре самоидентификации цыган (особенно в Восточной Европе, России) происходят качественно новые изменения. У цыган возникает чувство принадлежности к стране (нации) - государству, в пределах которых они живут»². Подтверждается данное обстоятельство и данными опроса ВЦИОМ, цыгане достаточно активно реализуют избирательные права³. Сказанное означает, что абсолютная приверженность традиционному образу жизни и неизменность социально-психологическим установкам обычаям цыган не соответствует объективным данным.

Гуцалов А. А. приходит к выводу, что «последние 95 лет показывают, что ни ослабление, ни усиление госконтроля над цыганским населением не привели к усилению социальной интеграции цыган и кардинальному улучшению их положения»⁴. Это означает, что проведение репрессивных по своей природе мероприятий не приведет к какому-либо положительному результату. Очевидно, что без усиления социальной интеграции с населением, общественными институтами цыгане как достаточно специфическая группа будет все сильнее обособляться. Во многом отсутствие эффективной государственной политики объясняется, на наш взгляд, игнорированием наличия социально-правовой организации жизни данного этноса, отсутствием представлений об обычаях этого народа, которые не только определяют уровень правосознания цыган, но и позволяют определить механизмы воздействия на их поведение. Однако процесс интеграции является двусторонним. Представители цыганской диаспоры, общественные организации должны также стремиться к диалогу с местными властями, населением, государственными органами по преодолению существующих мифологических установок о жизни цыган и стремлении к противозаконной деятельности, способствовать привлечению к ответственности конкретных лиц, совершающих преступления. Продолжающееся участие цыганских семей в торговле наркосодержащими средствами усугубляет негативное восприятие у населения данного народа в целом, усиливает «закрытость» общины, способствует возникновению конфликтов и росту антицыганских настроений в обществе.

Решение указанные проблем существует и закреплено на нормативном уровне. Методические рекомендации для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по работе с цыганским населением Министерства регионального развития РФ⁵ указывают помимо иных мер, на необходимость применения и развитие переговорного процесса в качестве основного способа урегулиро-

¹ Черенков Л. Цыгане-диаспора? // Диаспоры. 2009. № 1. С. 242.

² Там же. С. 249–250.

³ Пресс-выпуск № 3087 от 07.04.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115650> (дата обращения: 29.06.2017).

⁴ Гуцалов А. А. Цыгане: традиционная культура и современный мир // Наследие веков. 2015. № 4. С. 47. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gutsalov.pdf (дата обращения 13.06.2017).

⁵ Приказ министерства регионального развития Российской Федерации от 20.07.2013 №318 «Об утверждении методических рекомендаций для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по работе с цыганским населением» / Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

вания споров, а также осуществление мониторинга и анализа ситуации на местах для определения приоритетных задач по улучшению ситуации с цыганским населением. Однако в регионах больше придерживаются традиционных методов работы, включающих проведение культурных и общественных мероприятий, создание национально-культурных общественных организаций цыган и пр.¹ Как показывает неофициальный опрос жителей одного из поселков Гурьевского района Калининградской области, где проживают две цыганские семьи, подавляющее число уверены в активном участии одной из семей в организации торговли наркосодержащими препаратами. Местные власти не проявляют какой-либо активности в работе с данными семьями, правоохранительные органы эпизодически предпринимают меры по противодействию торговле наркотиками, что, в целом, ситуацию не меняет. В случае увеличения численности проживающих в поселке цыган, вероятность конфликта практически неизбежна.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии двух уровней решения проблем защиты прав малочисленных народов, проживающих на территории РФ. С одной стороны, требуется научное обоснование закрепления понятия коллективные права применительно к отраслевым правоотношениям. Недопустимо установлением особого правового режима для самовольного строительства и последствий сноса самовольной постройки в зависимости от национальной принадлежности того или иного гражданина (социальной группы), приверженности его нормами обычного права. С другой стороны, решение существующих проблем малочисленных однородных этнических групп необходимо разрешать на основе медиативной практики, с привлечением различных потенциальных участников «конфликта интересов» к переговорным процессам. Это требует подготовки специалистов и разработки механизма интеграции в правовую систему России норм обычного права цыган.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарчева Л. П. Категория коллективных прав как прав третьего поколения в зарубежных и российских исследованиях // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 1(67). С. 24–30.

Гуцалов А. А. Цыгане: традиционная культура и современный мир // Наследие веков. 2015. № 4. С. 44–55.

Мамедов С. Н., Иванова Ж. Б., Молчанов Б. А. Цыганский вопрос в Европе: статус и права цыган // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4. С. 196–201.

Салекин М. С. Следовая картина краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13–1. С. 131–132.

Салекин М. С., Крыканов В. Е. Некоторые формы противодействия расследованию краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2. № 2. С. 59–61.

Шахновская И. В. Коллективные субъекты конституционного права как социальные общности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2015. № 14. С. 140–143.

¹ Калининград – город межнационального согласия. URL: http://www.kaliningradka.ru/site_pc/gorod/index.php?ELEMENT_ID=52741 (дата обращения: 03.07.2017).

Экзеков М. Х. Взаимосвязь прав человека и коллективных прав меньшинств в международном праве // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 21. № 1. С. 65–70.

Note D'Information 2016. Jurisprudence de la Cour europeenne des droits de l'homme. 2016. pp.22–23.

УДК 342

Симонов Владимир Александрович
доц. кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, Россия
E-mail: veresenvl2@mail.ru

ОПЫТ ЭВЕНКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Аннотация. Статья посвящена опыту конституционно-правового обеспечения развития коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации в Эвенкийском автономном округе в отсутствие федерального нормативно-правового регулирования прав этих общностей. Принимая Устав округа, депутаты Законодательного Суглана закрепили в нем гарантии прав этих общностей на основании ст.72 Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция, коренные малочисленные народы Севера, устав округа, коллективные права, этническое представительство в органах публичной власти.

Simonov Vladimir A.,
Assoc. department of state and municipal law
Omsk State University F.M. Dostoevsky
Omsk, Russia
E-mail: veresenvl2@mail.ru

EXPERIENCE OF THE EVENKY AUTONOMOUS DISTRICT OF THE KRASNOYARSK TERRITORY IN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF THE INDIGENOUS PEOPLE'S NORTHERN

Abstract. The article is devoted to the experience of constitutional legal support for the development of indigenous small-numbered peoples of the North of the Russian Federation in the Evenk Autonomous District in the absence of a federal regulatory and legal regulation of the rights of these communities. Accepting the Charter of the Okrug, the deputies of the Legislative Sughlán enshrined in it guarantees of the rights of these communities on the basis of Article 72 of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: Constitution, indigenous minorities of the North, district charter, collective rights, ethnic representation in public authorities.

Развитие коренных малочисленных народов Севера России обеспечивается федеральными законами и нормативными актами субъектов Российской Федерации на основе ст.69 Конституции нашего государства и действующей редакции федерального закона

№ 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»¹. Однако такое положение было не всегда. Данный федеральный закон появился лишь 30 апреля 1999 г., хотя необходимость регламентации прав и гарантий указанной группы этносов существовала и раньше. Округ был образован 10 декабря 1930 г., как и другие национальные округа, созданные в этот день, специально по месту проживания одной из этнических общностей из числа коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Эвенкийский округ предназначался, прежде всего, для учета этнических интересов и обеспечения развития национальных групп эвенков (тунгусов), эвенов, есеевских якутов и кето.

Насущность проблемы детальной и всесторонней регламентации прав коренных малочисленных народов была стимулирована принятием Конституции РСФСР 1978 г. В статье 1 была Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика была провозглашена общенародным государством, выражающим волю и интересы не только рабочих, крестьян и интеллигенции, но и «трудящихся всех наций и народностей республики»².

Новая редакция Конституции РФ, времен «перестройки», изменила содержание ст. 1, убрав из нее все, что связано с волей трудовых слоев полиэтнического населения России. Зато в Преамбуле появились пункты об уважении «к правам всех народов Российской Федерации» и выражении воли этих народов как о предпосылке принятия Конституции³.

Согласно изменениям главы 9 Конституции РСФСР от 21 апреля 1992 г. вновь введенная статья 84.1 установила сферу совместного ведения федеральных органов государственной власти РФ и органов государственной власти автономных округов в составе государства⁴. В числе прочих вопросов в нее включили не только защиту прав и свобод человека и гражданина, но и защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей, а также связанные с этим природопользование, охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории.

Устанавливалось, что федеральные законопроекты по предметам совместного ведения, в обязательном порядке должны направляться автономным округам для отзыва согласования.

Особый интерес представляла часть 2 ст. 83 в редакции от 21 апреля 1992 года, согласно которой статус округов стал регулироваться, помимо Конституции, персональным («именным») законом РФ, принимаемым Верховным Советом России по представлению Совета народных депутатов конкретного автономного округа.

¹ Федеральный закон РФ от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1999, № 18.

² Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 года // Ведомости Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1978. № 15. Ст. 407.

³ Закон Российской Федерации от 9 декабря 1992 года № 4061-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Российской Федерации – России» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 55.

⁴ Закон Российской Федерации от 21 апреля 1992 года № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Российская газета. 1992. № 111. 16 мая.

Этот закон должен был определять и круг исключительных полномочий автономных округов, т.е. мер поведения, осуществляемых органами государственной власти автономных округов самостоятельно в соответствии с Конституцией РФ. В этот круг включались все полномочия, не отнесенные к ведению федеральных органов государственной власти и к совместному ведению федеральных органов государственной власти и органов государственной власти автономных округов в составе РФ.

Нетрудно заметить, что данный порядок был воспринят ст.73 Конституции РФ в качестве модели для определения круга исключительных полномочий субъектов федерации.

По поручению руководства Эвенкийского автономного округа – председателя окружного Законодательного Суглана В. Е. Чепалова и главы окружной администрации А. М. Якимова – нами при активном участии А. К. Черненко был разработан проект закона Российской Федерации «Об Эвенкийском автономном округе». Данный документ был одобрен постановлением Законодательного Суглана и в порядке законодательной инициативы направлен в Верховный Совет РФ, где получил у специалистов достаточно высокую оценку.

Однако принятие этого законопроекта и введение его в действие оказалось невозможным по причине издания Президентом РФ Б. Н. Ельциным Указа от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»¹. Изданный в нарушение предоставленной Президенту Конституцией компетенции, имевший, по мнению Конституционного суда, 11 нарушений Основного закона². Указ упразднил Съезд народных депутатов РФ и Верховный Совет РФ.

Результатом всех этих непростых процессов стало принятие 12 декабря 1993 г. в результате референдума новой Конституции РФ и одновременное проведение выборов в Государственную Думу. Часть 2 ст. 66 Конституции РФ 1993 года несколько изменила порядок определения конституционного статуса автономных округов, дополнив его возможностью принятия округом в лице своего законодательного органа государственной власти собственного устава. Возможность регулирования статуса автономного округа «персональным» федеральным законом также сохранялась (ч. 3 ст. 66), но уже как альтернативный вариант.

Оба этих варианта имеют как достоинства, так и недостатки. Достоинством принятия по представлению законодательного органа власти федерального закона об автономном округе является то, что с его помощью можно решить вопросы, не урегулированные или недостаточно урегулированные действующим федеральным законодательством. Одним из таких вопросов для Эвенкии и других северных территорий в первой половине 90-х годов прошлого века было конституционно-правовое закрепление статуса коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока России. Законопроектов на эту тему под разными названиями было несколько, но законом на момент принятия Конституции по ряду объективных и субъективных причин ни один из них так и не стал.

¹ Указ Президента Российской Федерации №1400 от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 39. Ст. 3597.

² Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1994. № 6.

Однако, несмотря на то, что для Эвенкийского автономного округа отсутствие конституционно-правового закрепления коллективных прав коренных малочисленных народов было более чем актуальным, депутаты Законодательного Суглана отклонили идею принятия федерального закона «Об Эвенкийском автономном округе». Они опасались, что в ходе обсуждения предложенного Сугланом законопроекта в Госдуме многие важные для округа, но по каким-то причинам не желательные для центральной власти, положения могут быть в ходе чтений в парламенте просто исключены из законопроекта.

Поэтому депутаты Эвенкийского автономного округа предпочли принять собственный окружной Устав, хотя уставное регулирование не позволяло реализовать многие из депутатских пожеланий, воплощение которых требовало издания, по крайней мере, федерального закона.

Так, все депутаты пришли к единому мнению о необходимости отразить в Уставе Эвенкийского автономного округа проблематику коренных малочисленных народов Севера. Однако учреждать их коллективные права своей властью Законодательный Суглан был не вправе, поскольку п. «в» статьи 71 Конституции Российской Федерации относит регулирование прав и свобод человека и гражданина, а также прав национальных меньшинств, к исключительному федеральному ведению.

После долгих дискуссий было решено исходить из подпунктов «б» и «м» ч.1 ст. 72 Конституции, относящих защиту прав и свобод человека и гражданина, прав национальных меньшинств, а также исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей, к сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В порядке реализации данной статьи в разработанном нами по поручению руководства округа проекте Устава (Основного закона) Эвенкийского автономного округа появился раздел 11 с названием «Обеспечение и защита прав коренных малочисленных народов».

В первой его статье (по сквозной нумерации проекта – ст. 78) определялись стратегические направления обеспечения окружными органами государственной власти прав коренных малочисленных народов. Это осуществляемые в округе сохранение самобытности и защита коренных малочисленных народов Эвенкии, содействие культурно-социальному возрождению эвенков, живущих за пределами округа.

При разработке раздела использовались материалы упомянутого проекта Закона РФ «Об Эвенкийском автономном округе». Были приняты во внимание и распространявшиеся в начале 90-х годов XX века среди ряда депутатов разных уровней и представителей других слоев населения стремления обеспечить преимущества представителям титульных этносов за счет ограничения прав других этнических общностей. Поэтому в ст. 78 проекта появились ч. 2 и ч. 3 следующего содержания:

- «на территории округа обеспечивается сочетание интересов коренных малочисленных народов с интересами всего населения округа,
- защита коренных малочисленных народов и оказание им помощи в округе не должны осуществляться за счет ущемления конституционных прав, свобод и законных интересов, а также дискриминации населения других национальностей».

Статья 79 законопроекта характеризовала систему государственной защиты коренных малочисленных народов на территории Эвенкии как часть общенациональной системы государственной защиты и очерчивала три основные сферы ее реализации.

В территориально-политической сфере предполагалось осуществить:

а) сохранение проживания коренных малочисленных народов в местах их традиционного расселения, что обуславливалось этнообразующим и этносохраняющим значением вмещающего ландшафта;

б) создание по мере необходимости в местах компактного проживания этих народов национальных муниципальных образований, ибо совпадение этно-ареальных и административных границ обеспечивает максимальный учет этнических интересов органами публичной власти, повышает эффективность национально-государственного (национально-муниципального) образования;

в) участие коренных малочисленных народов в управлении государственными делами, местном самоуправлении, в подготовке, обсуждении и принятии решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, ибо никто лучше не сможет заявить о потребностях и нуждах этнических общностей, чем сами эти общности; к тому же существование нашего многонационального общества как целостной социальной системы невозможно без обратного влияния элементов на систему в целом;

г) специально организованное представительство коренных малочисленных народов в органах государственной власти, местного самоуправления, включая создание групп и объединений депутатов, структур представительных и исполнительных органов по делам малочисленных народов, национальных звеньев общественного самоуправления; это вызывалось необходимостью обеспечения профессионализма и компетентности управления, осуществляемого органами, специализирующимися на решении конкретных вопросов;

д) создание общественных объединений, представляющих интересы коренных малочисленных народов Севера, что позволит учесть интересы этих общностей в рамках негосударственной части политической системы, охватить дисперсно проживающих этнофоров данных групп, тем самым повышая уровень самоуправления в гражданском обществе;

е) особый порядок решения вопросов, касающихся жизни и развития коренных малочисленных народов, что позволило бы учесть их бытовые, культурные, психологические и т.п. особенности.

В экономико-хозяйственной сфере должно было обеспечиваться:

а) осуществление коренными малочисленными народами прав собственности на землю и природные ресурсы в местах компактного проживания, что позволит им владеть, пользоваться и распоряжаться этими объектами, гарантирует их неотчуждаемость и стабильность вмещающего ландшафта и экономической базы этнического развития;

б) развитие традиционных отраслей хозяйства и промыслов, создание в этих отраслях предприятий и других производственных структур, как фактора укрепления и развития профессионально бытового этнообразующего признака;

в) установление системы льгот народам, ведущими кочевой образ жизни, а не в переходный к рынку период – льгот для предпринимательской деятельности представителей коренных малочисленных народов, ибо льготы обеспечивают выравнивание фактических возможностей членов этих общностей с другими этносами;

г) установление территорий традиционного (приоритетного) природопользования, национальных природных парков, резервных территорий, общинных (родовых) и семейных угодий способствует сохранению и восстановлению вмещающего ландшафта, экономической базы этнического развития коренных малочисленных народов.

В социально-культурной сфере должно обеспечиваться:

а) преимущественное право устройства на работу представителей коренных малочисленных народов Севера в организации и на предприятия, занимающихся традицион-

ными для этих народов отраслями и промыслами в местах их проживания – для предотвращения безработицы и обеспечения занятости среди населения титульных национальностей, кадрового обеспечения предприятий традиционных промыслов, развития этнических отраслей хозяйства;

б) всемерное развитие национальных языков, организация национально-языковой системы образования, подготовки национальных кадров – для развития и укрепления национальной самобытности; государственного, социального и культурного строительства в районах компактного проживания коренных малочисленных народов,

в) организация получения информации на родных языках коренных малочисленных народов для обеспечения осведомленности этих общностей и их членов о своих правах, обязанностях, их защите; активного участия этих субъектов в государственной и общественной жизни;

г) организация медико-санитарной помощи с целью предотвращения массового распространения заболеваний, сокращения смертности; включая детскую, увеличения срока жизни представителей коренных малочисленных народов Севера;

д) льготные условия для развития национальной культуры для ее сохранения и защиты от экспансии как важнейшего этноидентифицирующего признака, укрепления национального единства коренных малочисленных народов Севера.

Специальные статьи проекта Устава Эвенкийского автономного округа посвящались конкретизации положений о территориях традиционного (приоритетного) природопользования, природных парков и резервных территорий. Данные объекты должны были образовываться в установленном федеральными и окружными законами порядке, но исключительно по инициативе коренных малочисленных народов. Для целей, не связанных с традиционными отраслями и промыслами эти территории могли быть использованы только с согласия коренных малочисленных народов, выраженного путем референдума.

Особое внимание уделялось представительству коренных малочисленных народов в органах публичной власти, участию в их формировании и деятельности. Предусматривалось создание комитета Законодательного Суглана по делам коренных малочисленных народов и аналогичных структур в представительных органах местного самоуправления, предлагалось установить перечень вопросов, решаемых по согласованию с ними.

Для комитета Законодательного Суглана к таким вопросам планировалось отнести: определение правового режима территорий традиционного и приоритетного природопользования, установление и изменений их границ; внесение изменений и дополнений в правовой статус общинных (родовых) и семейных угодий; установление правового статуса резервных территорий и их границ; определение правового режима национальных общин и национальных поселений; обеспечение социальной защиты коренных малочисленных народов Севера; правовое регулирование размещения и развития традиционных промыслов; правовое регулирование порядка учреждения и использования фонда помощи развитию коренных малочисленных народов Севера.

Для организации политики в сфере национальных отношений, координации деятельности национальных, религиозных и иных общественных объединений граждан различных национальностей в составе Администрации округа предлагалось создать комитет по делам национальностей, религии и общественных объединений. Одним из основных направлений его деятельности должна была стать охрана и защита интересов коренных малочисленных народов округа.

Не исключалось создание аналогичных структур и в составе районных, и даже сельских (поселковых) администраций.

В отдельной статье проекта конкретизировалось право представителей коренных малочисленных народов Эвенкии, равно как и жителей округа других национальностей, на создание в порядке, определенном действующим законодательством, собственных национально-культурных, религиозных, иных общественных организаций и движений, а также органов, координирующих их работу.

Кроме того, по месту компактного проживания коренных малочисленных народов Севера гарантировалось формирование советов общин, советов старейшин, других органов общественного самоуправления населения в соответствии с традициями коренных малочисленных народов. Обеспечивалась возможность таких органов в нескольких населенных пунктах объединяться и формировать Советы представителей коренных малочисленных народов в районах округа.

Устанавливалось, что в пределах своих полномочий эти структуры защищают права, свободы и законные интересы коренных малочисленных народов; осуществляют экспертизу проектов нормативных актов и иных решений соответствующей администрации, затрагивающих права и интересы коренных малочисленных народов; осуществляют разработку и вынесение на рассмотрение представительных органов местного самоуправления проектов программ и решений, касающихся прав, интересов и потребностей коренных малочисленных народов.

Допускалась передача органами местного самоуправления на договорной основе части своих полномочий органам общественного самоуправления коренных малочисленных народов.

Все статьи раздела 11 разработанного нами проекта Устава Эвенкийского автономного округа, с некоторыми редакционными поправками, были единогласно одобрены депутатами Законодательного Суглана и включены в окончательный текст документа. Принятие устава состоялось 19 февраля 1996 г.¹ Его статьи, закрепившие нормы о защите прав коренных малочисленных народов сохранились практически неизменными вплоть до прекращения существования округа в связи с его преобразованием в муниципальный район². Вносившиеся в эти статьи поправки были связаны исключительно с изменениями федерального законодательства.

Действующая редакция Устава Эвенкийского муниципального района Красноярского края от 22 декабря 2005 года уделяет правам коренных малочисленных народов Севера всего одну статью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Закон Российской Федерации от 21 апреля 1992 года № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Российская газета. 1992. № 111. 16 мая.

¹ Устав (Основной Закон) Эвенкийского автономного округа от 19 февраля 1996 г. № 32 // Окружные ведомости. 1996. № 2.

² Закон Эвенкийского автономного округа от 15 августа 2004 г. № 438 «Об образовании муниципального образования «Эвенкийский муниципальный район»: Закон Эвенкийского автономного округа от 15 августа 2004 г. № 438 // Эвенкийская жизнь. 2004. № 38.

Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 20. Ст. 1084.

Закон Эвенкийского автономного округа от 15 августа 2004 г. № 438 «Об образовании муниципального образования «Эвенкийский муниципальный район»: Закон Эвенкийского автономного округа от 15 августа 2004 г. № 438 // Эвенкийская жизнь. 2004. № 38.

Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1994. № 6.

Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 года // Ведомости Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1978. № 15. Ст.407.

Указ Президента Российской Федерации №1400 от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 39. Ст. 3597.

Устав (Основной Закон) Эвенкийского автономного округа от 19 февраля 1996 г. № 32 // Окружные ведомости. 1996. № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Раздел 1	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ	
<i>Тюгашев Е. А.</i> Социальная философия права.....	4
<i>Попков Ю. В.</i> Право коренных народов как институциональный регулятор их отношения с доминирующим обществом.....	15
<i>Абрамова М. О.</i> Возможность коллективных прав: подходы в политической философии.....	24
<i>Тарбастаева И. С.</i> Коллективные права в исследованиях М. Хартнея	31
<i>Напсо М. Б.</i> Соотношение коллективных прав этнических общностей и прав человека.....	37
<i>Шабаетов Ю. П.</i> Идея групповых прав в этнополитике и в идеологии этнических организаций (на примере финно-угров России).....	47
Раздел 2	
ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ	
<i>Ломакина И. Б.</i> Коллективные права этнических сообществ (на примере анализа родовой общины как субъекта права).....	57
<i>Самылов И. В.</i> Особенности правосубъектности этнических сообществ в рамках общей системы субъектов права.....	66
<i>Тарасенко В. В.</i> Национальное меньшинство как субъект конституционного права.....	73
<i>Романов А. А.</i> Коллективное и групповое измерение в исследовании правосубъектности этнической общности.....	81
Раздел 3	
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕ	
<i>Фалалеева И. Н., Фалалеева Л. А.</i> К проблеме реализации коллективной правосубъектности национальных меньшинств советского государства в довоенный период.....	90
<i>Байбатырова Н. М.</i> Права этнических сообществ СССР в публицистическом дискурсе русского зарубежья.....	100
<i>Мударисов Р. З.</i> Коллективные права башкир на землю в российском законодательстве в первой половине XIX века.....	105
Раздел 4	
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ	
<i>Новикова Н. И.</i> Коллективное право коренных народов на самобытное развитие: культурная ценность или конфликт интересов.....	110
<i>Писарев Г. А.</i> Коллективные права коренных малочисленных народов: проблема закрепления в законе.....	120

Журавель В. П. Проблемы обеспечения коллективных прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.....	128
Викторова А. С., Харитонова А. О. Этнологическая экспертиза как актуальная проблема реализации коллективного права у коренных малочисленных народов	136
Гарипов Р. Ш. Декларация ООН о правах коренных народов: новый этап в развитии прав человека.....	141
Строгальщикова З. И. Европейская хартия о региональных языках или языках меньшинств: к проблеме ратификации Российской Федерацией.....	149
Гавриловец Л. В. Коллективные права меньшинств (на примере польского меньшинства Беларуси).....	162
Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Институциональные условия реализации коллективных прав национально-культурных автономий в Алтайском крае: анализ экспертных оценок.....	169
Серова О. А., Кононенко Д. Б. Цыгане в современном мире: проблемы сохранения этнических традиций и реализация коллективных прав.....	177
Симонов В. А. Опыт Эвенкийского автономного округа Красноярского края в конституционно-правовом обеспечении развития коренных малочисленных народов Севера.....	186

Научное издание

**Коллективные права этнических сообществ:
проблемы теории и практики**

Сборник научных трудов

Верстка
И. С. Тарбастаевой
(ИФПР СО РАН)

Фото на обложке
Ю. В. Попкова

Дизайн обложки
А. Ю. Попкова

Подписано в печать 11.12.2017 г.
Формат 60 x 84 ¹/₈. Уч.-изд. л. 24,5 Усл. печ. л. 15,4
Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Манускрипт»
г. Новосибирск, ул. Зеленая горка, 1/14